

Дорогие Друзья. Наш сегодняшний собеседник... И вот здесь я задумался. Если перечислять всё, то боюсь, что мы так и не начнём наш с ним разговор. Романтик в душе, обладает отменным чувством юмора... Так, всё. Давайте лучше знакомится с нашим гостем.

Итак, встречайте. Константин Чекмарёв

Чекмарёв Константин Викторович. Родился 10 октября 1943года в городе Свободный Амурской области Хабаровского края.

Отец Чекмарев Виктор Константинович – по профессии актер театра и кино.

Мать Чекмарева Нина Феликсовна. – по профессии актриса.

В связи с профессиональными особенностями родителей пришлось много переезжать и проживать в разных городах и учиться в разных школах. До 1948 года наша семья была приписана к Амурской железной дороге и проживала в купе железнодорожного вагона, входящего в состав передвижного театра Амурского ДОРПОРОФСОЖ.

С 1948 до 1953 года проживал в г. Благовещенске Амурской обл.

В 1953-1954г.г. в г. Свердловске (ныне Екатеринбург).

С 1954 по 1959г. в г. Молотов (ныне Пермь).

С 1959 по сей день проживаю в Санкт-Петербурге (Ленинграде).

В 1963г. окончил 10 классов вечерней общеобразовательной школы.

Трудовую деятельность начал в 1962 году:

В 1972 году закончил без отрыва от производства вечернее отделение ЛЭТИ и получил квалификацию Инженер-конструктор-технолог радиоаппаратуры.

За успешную работу много раз поощрялся руководством, награжден медалью "ВETERАН ТРУДА". Является "Почетным ветераном труда" НИИ "Гириконд".

С 2003 года работает в фирме «МиниТех» руководителем конструкторского бюро.
Пенсионер, Ветеран Труда

Дополнительные сведения личного характера: Был женат. Сын - Виктор Константинович работает в частной туристической фирме „Судоходная компания "ВОДОХОДЪ". Внук – Роман Викторович – студент.

Увлечения:

В молодом возрасте – спорт (легкая атлетика акад. гребля)

Позднее – подводное плавание (инструктор подводно-технических работ).

Горные лыжи (судья по спорту), участвовал в судействе и технической поддержке всесоюзных и международных соревнований.

Водный туризм (дальние походы). Имею права судоводителя-любителя и яхтенного рулевого. Самостоятельно спроектировал и построил крейсерскую яхту. Осуществил походы по водным путям Северо-запада (Ладога – Онега - до р. Вытегра)

Принимал участие в театральной самодеятельности.

Писал стихи для друзей к различным событиям.

Пробовал короткие рассказы в прозе для журналов.

Уважаемый Константин, Здравствуйте! Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за согласие побеседовать. Спасибо! Не хотелось бы отходить от уже сложившейся традиции, поэтому задам ставший уже традиционным вопрос.

Город Детства. Каким он был и каким он Вам запомнился? Не могу не попросить Вас рассказать о Родителях. Именно они прививали нам доброе и вечное...

О своём детстве я мог бы рассказать многое, но, пожалуй, ограничусь фрагментом из своих воспоминаний.

Мы - Театральные дети тех лет (40-50е годы)

Бровкина Наталья (проживает в Благовещенске на Амуре)
Сын Юдиных (трагически погиб в детстве)
Аннушкин Дмитрий (сейчас проживает в Санкт-Петербурге)
Чекмарёв Константин (автор)

Дальневосточное детство

(глава воспоминаний
помещённая на [сайте](#) отца

Встретились и поженились мои родители в дальневосточном городе Свободном Амурской области Хабаровского края. Рекомендую любопытному читателю взглянуть на карту России и мысленно построить треугольник между ним и упомянутыми городами. Вот! Как иной раз складываются жизни и судьбы!

Спустя положенное время в семье актеров передвижного театра «ДОРПРОФСОЖ» появилось пополнение, т.е. сын Костик (это и был я). Моё рождение существенно усложнило быт нашей семьи и в вопросе питания и в жилплощади.

Мать и отец проживали в купе пассажирского вагона (4квadratных метра!). Кроваткой и коляской одновременно мне служила корзинка, поставленная на обычную откидную полку купе и привязанная к крючку на стенке (во избежание падения при передвижении состава).

Далеко на западе в это время бушевала Великая Война. Её страшное влияние не обошло жителей Дальнего Востока. В 1945-46 годах и в этих краях говорили пушки и пулеметы. Военные тяготы и лишения дальневосточники испытали в полной мере.

Как только я начал воспринимать окружающую обстановку мне стало ясно что самое главное после мамы и папы на свете это еда и тепло. С едой (как впрочем, и с теплом) было очень сложно всем (ну скажем так – почти всем).

В зимнее время стены вагона промерзали так, что заклёпки изнутри купе покрывались инеем. Полувоенный китель железнодорожника сидел на отце как на вешалке. Когда на сцене театра ставили «Ревизора» отец, игравший городничего, был вынужден одевать под мундир большое количество «толщинок» чтобы придать фигуре персонажа хоть какую-то солидность.

О маме говорить вообще страшно. Она перенесла тяжелое заболевание, которое в сочетании со скудным питанием вызвало состояние близкое к дистрофии. Ребенок (т.е. я) плачет, а молока в груди нет.

Да что в груди? Не на каждой станции можно купить стакан молока (в те времена многое продавалось стаканами молоко, сахар, орехи, семечки...). Ярko запомнившийся на всю жизнь эпизод, связанный с молоком приведу в качестве иллюстрации.

Труппа и персонал передвижного театра ДОРПРОФСОЖ около своего поезда, театра и дома.

Автор К.Чекмарев на руках у стоящего отца В.К.Чекмарева слева.

Мне тогда было уже года два или три. Был я худенький, по-детски подвижный и жизнерадостный (когда не болел, а болел я к сожалению часто). Отцу в тот раз невероятно повезло. На одной из станций он сумел выторговать два стакана молока. В маленькой кастрюлечке он принес драгоценную влагу в купе. Время летнее и чтобы сохранить продукт, его надо было обязательно вскипятить. Тем более что о существовании ветеринарного и санитарного надзора в то время и на отдаленной станции никто и не вспоминал.

На маленькой самодельной электроплиточке (чтобы не ходить по составу в вагон-кухню) установленной на столике в купе закипало вожаемое молоко. Я естественно вертелся рядом, ожидая конца процесса. Молоко с куском черного хлеба – это чудесное лакомство! В тот самый момент, когда началось кипение и шапка пенки поползла вверх, вагон неожиданно резко дернулся и поехал.

Кастрюлечка опрокинулась и кипящее молоко ошпарило мою руку и бок. Кожа на руке вспухла огромным пузырем. Боль невероятная я зашелся от крика. На мои истошные вопли сбежались все обитатели вагона – сослуживцы отца и матери. Как и заведено в нашей стране (стране советов) посыпались эти самые советы (от срывания стоп крана и пробежки в поисках станционного фельдшера до быстрого вскрытия пузыря и накладывания повязки).

Впечатлительная мама была в полуобморочном состоянии. Отец оказался самым трезвомыслящим в этой панике и суматохе. Замечу что он всегда в сложной обстановке действовал решительно и разумно. Это свойство его характера я наблюдал не раз и всегда восхищался. Удалив из купе всех советчиков, он обработал пораженную мою руку собственной мочой и наложил повязку, смоченную тем же народным средством. Да простят меня современные медики за популяризацию подобного знахарства, но при отсутствии каких либо средств и медикаментов (ходовыми в то время были стрептоцид и сульфидин, ныне забытые) это его решение было самым эффективным.

Боль постепенно уменьшилась и я относительно спокойно дотерпел до следующей станции. Фельдшер станционного медпункта подтвердил правильность действий отца и похвалил его за решительность.

Наложённая уже профессионалом повязка источала резкий запах мази Вишневского, который три последовавших затем месяца был со мною неразлучно. С тех пор, глядя на поднимающуюся шапку закипающего молока, я всегда вспоминаю огромный ожоговый пузырь на моей руке и мой нос начинает явственно ощущать запах этой мази – запах опасности.

Семья артистов Чекмаревых 1947г

Основным источником продуктов питания артистов – кочевников передвижного театра являлись пристанционные базары и базарчики многочисленных населенных пунктов, как бусины нанизанных на нитку Забайкальской железной дороги вплоть до самого Владивостока. На каждой станции к подходящему поезду устремлялась шумная, крикливая толпа местных продавцов, наперебой предлагающих готовые продукты.

Помимо традиционного для России набора состоящего из горячей вареной картошечки обильно посыпанной укропом с малосольными (по местной рецептуре) огурчиками или капусткой, на каждой станции предлагались и свои присущие только данной местности деликатесы в разных местах свои:

- крупные упитанные караси стандартного размера (с мужскую ладонь) зажаренные в особых условиях русской печи на противне в сметане (при таком приготовлении мелкие косточки совершенно не чувствуются),
- варенец (молочный продукт) напоминающий по виду известную ныне ряженку.

Приготовленный в глиняном горшочке, (изделии местных умельцев-гончаров) томлением в русской печи таким образом, что образующаяся при этом коричневая затвердевшая пенка являлась своеобразной крышкой и неким подобием знака качества.

Торжественная церемония его поедания начиналась со вскрытия пеночной мембраны и погружения ложки в густую студнеобразную массу, от одного аппетитного запаха которой

можно было упасть в обморок. Невероятная вкуснятина особенно для неизбалованного ребенка того времени:

- топленое молоко - похожий по вкусу и виду на варенец продукт (тоже в горшочке), но с одним недостатком - он имел жидкую консистенцию и потому быстро кончался,
- разнообразные борщи и щи, приготовленные умелыми украинскими переселенкам в русской печи тоже в горшочках. Помимо отменного вкуса дополнительное удобство заключалось в том, что взятый с собой в вагон (и естественно оплаченный) горшочек долго оставался горячим и его содержимое съедалось уже на ходу, когда станционная суматоха оставалась позади,
- куски запеченной в русской печи тыквы – сладкие и духовитые и даже обыкновенная пшенная каша с кусками тыквы в горшочке превращалась в яство достойное самой изысканной трапезы,
- вареная кукуруза в початках присыпанных солью,
- традиционно можно было приобрести жареную курицу или лесную дичь целиком или по кусочкам, вяленую и копченую рыбу местных водоемов,
- дары забайкальских лесов и лугов орехи лесные и кедровые (точнее семена местной сосны) в шишках или лущеные, семечки, грибы, ягоды,
- особым лакомством (за Хабаровском) являлись местные маленькие соленые арбузики, пряные корешки и лесные и луговые растения, приносимые к поезду корейцами, китайцами и коренными жителями Дальнего Востока потомками Дерсу Узала.
- ну и конечно (по сезону) свежие овощи – продукт местных огородников.

Цены на этих рыночках определялись по платежеспособности более состоятельных пассажиров экспрессов «Москва-Владивосток» и «Москва-Пекин» в основном военных и командированных, для которых деньги значили гораздо меньше.

Надо конечно понимать, что доступность всех этих продуктов для нас была условной с поправкой на мизерные зарплаты персонала передвижного театра. С учетом условий военного времени, бесконечным «добровольным» пожертвованиям-поборам и вычетам из жалования в «фонд обороны», питаться с привокзального рынка было не по карману. Я был тогда еще очень мал, чтобы понимать, почему мама так грустно смотрит на меня уплетающего тот же варенец и настойчиво заставляет есть его с хлебом. Теперь понимаю – чтоб надольше хватило и было сытнее. Сами же родители питались, как и все члены труппы театра бессистемно и нерегулярно.

Иногда после выступления в отдалённой воинской части или на какой-нибудь станции местное начальство организовывало для его участников некое подобие банкета. Собственно и банкетом я пытаюсь это мероприятие назвать сейчас, когда пишу эти строки не в состоянии подобрать подходящее название этой благотворительной акции. Наверное, организаторы догадывались, что работникам передвижного театра живётся не легко и по национальной российской традиции просто-напросто, пользуясь удобным случаем, подкармливало их.

Никогда не забуду шикарный экзотический обед в одной из воинских частей в посёлке Посьет (под Владивостоком) прямо на берегу океана. Он состоял из ухи из разнообразных морских рыб сваренной в большом котле на костре и толстых крабовых ног – суставов, которые стояли вертикально в ведре с кипящей морской водой. Уху ели до отвала из матросских мисок.

Для того же чтобы полакомиться крабовым мясом, надо было колючей горячей палкой крабовой ноги сильно бить по пляжным камням. Красный футляр трескался и не появлялась нежная горячая и пахучая мякоть.

До этого дня я не предполагал, какой вкусной начинкой наполнены банки (с надписью «КРАБЫ») в виде пирамид, украшавшие, пустые от других продуктов, полки магазинов.

Нет, виноват! Иногда пирамиды состояли из банок с надписью «ГОРБУША или КЕТА в собственном соку». Мама изредка (когда были деньги) варила суп с содержимым такой банки. До сих пор мы любим этот суп и считаем его признаком праздника, признаком достатка. Вообще мамина фантазия в приготовлении пищи была неисчерпаемой, а мы с отцом ели все, что она бы не приготовила даже суп из ботвы свёклы с добавлением листьев лебеды и молодых ростков папоротника.

Огромная дровяная плита, расположенная в специальном вагоне-кухне затапливалась один два раза в день. В это время в тесноватом помещении собирались почти все женщины театра. Места на плите и разделочных столах не хватало. Устанавливалась очередь, но скандалов и склок я не помню. Коммуна - есть коммуна, все знали кто, чем питается и что готовит. Делились солью и специями, обменивались рецептами блюд.

Более опытные хозяйки обучали молодых. Женщины подкармливали ещё не женатых одиноких мужчин из труппы и персонала. Судя по поголовной «стройности» актеров и актрис, Бог был не особенно благосклонен к лицедеям. Единственным в труппе толстым актером был дядя по фамилии Леондор, но полнота его была явно нездорового свойства. Мама была очень худой даже на фоне остальных женщин театра и папа старался при любом удобном случае подкормить её чем-нибудь калорийным.

Однажды он с торжествующим видом вошел в купе, неся в руках настоящую живую черную курицу и объявил, что у нас будет царский обед. Проходившая по коридору вагона мимо нашего жилища, характерная актриса, эффектная Нина Николаевна Гейнтце, взяла из рук отца птицу и, проделав известную всем сельским жителям манипуляцию, порекомендовала не торопиться с готовкой, поскольку курица должна снестись, а свежее яичко ребенку не помешает. Курица была спасена и на долгое время поселилась в нашем купе.

Картонная коробка из-под китайских яблок (вся покрытая красивыми и непонятными иероглифами), установленная в закуточке под нижней полкой, стала её жилищем и гнездом, в котором мама каждый день находила аккуратное свежее яйцо. Польза от такого решения была очевидной, и мы полюбили хохлатку, как члена семьи.

Вела она себя очень культурно, не мешалась под ногами, не кудachtала без повода и если выходила иногда в коридор то сторонилась, пропуская проходящих людей. Когда мы с ней оставались одни, она вспрыгивала на мою постель и пристраивалась под мой бок. Так мы и грели друг друга в плохо отапливаемом вагоне. Несколько раз мама, возвращаясь с репетиции, заставляла эту идиллическую картину и, убрав курицу от спящего сына, обнаруживала еще теплое только что снесенное яйцо. На необходимые прогулки курочку выносили на травку около вагона и она гуляла с привязанной к ноге длинной веревочкой из бинта. Однажды мама отвлеклась, и на месте её прогулки остался только кусок бинта на память о нашей кормилице.

Это случилось на территории Китая (в Манчжурии) недалеко от Харбина, куда занесла наш театр нелегкая судьба. Театр «ДОРПРОФСОЖ» культурно обслуживал воинские части, участвовавшие в восточной кампании Великой Отечественной войны.

Время было такое, и актеры железнодорожного театра тоже были на военном положении. На обратном пути из Маньчжурии наш поезд попал в страшную катастрофу и полностью сгорел. Это произошло в октябре месяце около станции Муданьцзян. В результате диверсии столкнулись два состава наш и воинский эшелон с горнострелковой дивизией возвращавшейся с войны.

Это событие во всех ужасающих деталях заслуживает отдельного повествования (читай рассказ «Крушение»). Погибших было много, но наша семья и еще часть актеров и персонала театра на счастье спаслись и вернулись в Союз хоть и погоревшие, но живые.

Красивый серебряный знак «Почетный железнодорожник» украшавший форменный китель отца с тех пор был получен им заслуженно и приравнялся к боевым орденам. В ту страшную ночь он не только вытащил из огня нас с мамой, но и многим помог спастись в этом аду.

Оставшаяся в живых часть труппы передвижного театра пополнила ряды Амурского областного театра драмы и была расселена в городе Благовещенске на Амуре по месту нахождения театра. Началась новая оседлая жизнь. Нашей семье была предоставлена комната с кухней.

Жилище Заслуженного артиста РСФСР Чекмарева и его семьи
в г. Благовещенске на Амуре 1949-1953г

Деревянный одноэтажный дом находился в двух кварталах от здания театра на углу улицы Комсомольской и имени «1905года» (ныне Зейская). В этом же доме проживали еще две семьи работников театра Бровкины и Кузуб. Создалось некое подобие коммуны работников искусства. Капитальных каменных зданий в городе было немного. Основным видом жилища являлись деревянные дома с прилежащим огородом или палисадником.

Типичный Российский провинциальный город на дальней окраине страны. Нам тоже достался небольшой огород и мама, имевшая по молодости опыт в этом занятии, с энтузиазмом принялась за дело. Понятное дело, члены семьи, т.е. отец и я взялись за лопаты. Соседи вернее их жены, наблюдая нашу работу, тоже захотели огородничать и вскоре, несмотря на отсутствие опыта, под руководством мамы сделали себе по несколько грядок.

Непривычная для работников искусства работа уже ближайшей осенью принесла закономерные плоды. На зиму удалось запастись картошкой и овощи в приемлемом для новичков количестве. Все были довольны и благодарны маме за науку. Голод нам уже не грозил. Это было тем более важно, что театр еще не оправился после катастрофы и сборы а, следовательно, и зарплаты актеров были маленькими.

Мама, научившаяся ещё в детстве неплохо шила. Её умение не раз помогало должным образом оформить новую очередную постановку театра. Она могла по эскизу художника театра скроить и быстро сшить к премьере нужный сценический костюм или платье. Она обшивала своих соседей и подруг по работе, учила кроить знакомых женщин и тем самым немного пополняла скромный актерский семейный бюджет. Часто такой оплатой за работу были продукты питания, куски ткани и старая одежда, которую мама перешивала на членов нашей семьи.

Крутить колесо машинки приходилось и мне, чем я очень был доволен и гордился что помогаю. Однообразное вращение ручки было утомительно, но я находил интерес в том, что наблюдал за взаимодействием деталей механизма и появлением из отдельных кусочков тряпок законченной рубашки или платья. Вечерами я часто засыпал под стук машинки и видел при свете единственной тусклой лампочки сгорбленную спину матери её голову, склонённую над работой.

Еще одной семьей проживавшей в нашем доме была семья военнослужащего-пограничника по фамилии Чехловы. У них положение с питанием было не таким критическим - они получали так называемый паёк и жена не возилась на огороде. Но, зато, муж имел возможность организовать выезд мужчин на рыбалку и охоту. В тревожных послевоенных условиях да еще в погранзоне это было не просто. Сосед был уважаемый офицер - фронтовик и получал необходимые разрешения.

Отец - опытный рыбак и охотник астраханской закалки никогда не возвращался без добычи. Рыба и охотничьи трофеи существенно дополняли столы наш и наших соседей. В весеннее, летнее и осеннее время обработать, приготовить и съесть добычу, надо было как можно скорее. С этой задачей все вместе справлялись прекрасно. Уговаривать никого не приходилось. Зимой, как ни странно, было проще. После получения зарплаты или после удачной охоты отца начиналась заготовка еды в виде полуфабрикатов.

Под руководством мамы варились большие кастрюли борща, щей, супов с фрикадельками и конечно огромное количество пельменей. Готовые блюда разливались по тарелкам и мискам. Пельмени раскладывались на противнях и пересыпались мукой. Все это выносилось на мороз в сених и замерзало. Затем на короткое время вносилось в кухню, оттаивало, отделялось от посуды и укладывалось в полотняные мешки по сортам.

В отдельном мешочке хранилось и купленное впрок молоко, купленное на рынке. Три четыре белых диска молока (по форме суповых тарелок, в которых оно замораживалось), предназначались для варки каши для детей. Всё было просто: берёшь диск, отрубаешь нужное количество топором на колоде и в кастрюлю. Всегда был большой соблазн для детей поскоблить и слизнуть горочку сливок посредине диска, но взрослыми это не одобрялось. Мешки развешивались в холодной кладовке на специальных потолочных крючках (от крыс).

Зимы в Приамурье стояли по-сибирски суровые и до самой весны, оттепелей не наблюдалось. Заготовки сохранялись хорошо без электрических холодильников, о существовании которых большая часть населения даже не предполагала. Да и само электричество подавалось в дом крайне нерегулярно. На столе всегда были наготове свечи и у входа (в сенях) - керосиновая лампа т.к. общий на всех туалет находился во дворе. Дрова и уголь для отопления надо было приносить из сарая.

Водопровода в городе не было (по крайней мере, в том районе, где мы жили) и воду для питья и приготовления пищи развозил на лошади водовоз. Раз в неделю он подъезжал к воротам и зычным охрипшим голосом кричал «Воду привёз! Воду привёз!!».

Взрослые выходили с вёдрами и, суетливо бегая взад-вперёд, заполняли большие бочки, стоящие в сенях. Такая же авральная работа (раз, два в году) происходила, когда привозили уголь и дрова для отопления. Их надо было распилить, поколоть, сложить в сарай. Здесь посильную помощь оказывали все, даже дети. После этой тяжелой беготни у мамы болели руки и она плакала, натирая их плохо пахнущей жидкостью. Отец тоже тяжело дышал, но не жаловался, хотя было видно, что он устал не меньше, а надо уже бежать в театр на репетицию или вечерний спектакль и изображать, к примеру, царя, передовика советского производства или даже гения всех времён и народов, лучшего друга всех детей - товарища Сталина!

Следует принять во внимание, что все эти хозяйственные работы проводились в свободное от службы время. За опоздание на работу (даже не прогул) можно было попасть под суд и, как следствие - приличный штраф или срок. Тут не спасали никакие заслуги. Время было суровое и бесчеловечное.

Сразу после приезда и поселения в Благовещенске я был определен в детский сад. Поскольку отец являлся «Почетным железнодорожником» мне было разрешено посещать ведомственный железнодорожный детский сад, в котором и содержание и кормление были немного получше, чем в других садиках. Расположен он был неподалеку от нашего дома и после нескольких дней посещения, я уже сам находил дорогу и не нуждался в сопровождении. Ходить было безопасно, машин почти не было, взрослые не приставали, мальчишки не обижали маленьких, даже явные хулиганы.

По пути мне приходилось проходить мимо магазина. По утрам около него всегда стояла длинная очередь, ожидающая привоза хлеба. Иногда машина со свежим хлебом уже разгружалась и тогда я, невольно, задерживался, чтобы подышать хлебным воздухом. Пройти мимо было невозможно, воли не хватало, несмотря на то, что в детсаду меня ждал завтрак. Здесь действовало подсознание и инстинктивное ощущение чуда. Наверное похожее чувство испытывает уличный барбос обреченно и понуро сидящий у дверей мясного магазина.

Регулярно и мы с мамой ходили стоять в этой очереди и покупать хлеб по карточкам. Сознательно опускаю время утомительного обреченного стояния в бесконечной, как мне казалось, серой молчаливой очереди до того момента, когда подходил наш черёд. Это была пытка, выдержать которую можно было только во имя ожидаемого её финала.

Я всегда с благоговейным трепетом поднимался по высокому крыльцу этого магазина и переступал его порог. В общей полутьме помещения при свете единственной лампочки висящей над прилавком священнодействовала пожилая, грузная женщина в белом грязноватом переднике и такими же нарукавниками. Она придирчиво разглядывала лист карточек, затем аккуратно отрезала нужное количество.

Мама быстро прятала возвращенный похудевший лист в сумку на самое дно под подкладку. Женщина тем временем отрезала специальным качающимся ножом, приделанным к прилавку, от целой буханки примерно половину и клала на весы. На другой площадке весов громоздились разные гирьки в зависимости от отвешиваемой нормы. Добиваясь совпадения качающихся птичьих клювиков весов она подкладывала ещё и ещё куски и кусочки отрезаемого хлеба рядом с половинкой буханки. Я напряженно следил за этим колдовством. Смысл этого наблюдения заключался в том, что последний перед остановкой весов кусочек принадлежал по традиции мне. Важно было, чтобы он не оказался совсем уж маленьким.

Пока мама бережно заворачивала хлеб в чистую тряпочку и укладывала в сумку, довесок исчезал в моём ненасытном детском желудке. В этот момент я был почти счастлив! Первое что я ощущал, приходя утром в детсад, это был стойкий неистребимый запах свежесваренной и подгоревшей каши. Он пропитывал все: стены, занавески, одежду нянечек и воспитателей, игрушки. Аппетит никогда не исчезающий обострялся в эти минуты с особой силой. Детей военной и послевоенной поры не надо было уговаривать съесть ложечку «за папу за маму». Только давай и, по возможности, побольше!

Раздевание и мытье рук происходило в «стахановском» темпе без капризов слез и уговоров. Одежда развешивалась по деревянным шкафчикам самостоятельно. Каждый знал свою картинку на дверке. У меня, как сейчас помню, были два смешных цыпленка отбирающих друг у друга червячка (довольно символично). Шумная нетерпеливая толпа голодных с утра детей накапливалась в игровой комнате. Все внимательно прислушивались к звукам, доносящимся из-за закрытой двери столовой. Наконец дверь распахивалась и нянечка разрешала занять места за столиками.

Далее следовала неизбежная и традиционная в этих случаях шумная толкотня в дверях и беготня по комнате в поисках места. Смысл её, непонятный непосвященным взрослым, заключался в следующем: надо было выбрать место, напротив которого стояла более полная тарелка и быстро занять его. Но ещё более важным было то, чтобы у тарелки был красный декоративный ободок ну на худой конец синий или зеленый. По установившейся среди нас детей системе, счастливый обладатель тарелки с красным ободком до обеда именовался красным командиром, синий ободок присваивал его обладателю звание моряка, что тоже неплохо, зеленый – пограничника, но обиднее всего тому, кому доставалась тарелка совсем без ободка.

В ней и каша казалась не такой вкусной. Количество же пищи во всех тарелках было одинаковым почти до грамма (поварешка то одна). Но это уже из области психологии «в чужой тарелке всегда больше каши!». Ложки стучали быстро и тот, кто первым съедал положенную порцию, мог рассчитывать на небольшую добавку, чем немного компенсировать не ту полоску на тарелке. Медлительным оставалось терпеливо ждать обеда и реванша в этом ежедневном соревновании.

Сомневаюсь чтобы воспитательский коллектив детсада догадывался о буре страстей охватывающих детей и скорее всего относил эти эмоции на счет голодухи царившей в стране. Нянечка, раздававшая добавку воспринималась нами как добрая и справедливая фея – волшебница, но она этого не знала и, проходя с кастрюлей между столиками, недовольно ворчала на особо нетерпеливых.

До сих пор ловлю себя на том, что ем всё, что предлагают, ем быстро и никогда ничего не оставляю на тарелке. Это отличительный признак почти всех людей чьё детство пришлось на военные и послевоенные годы. Особенно тех, кто прошел школу детсадовского воспитания и общения.

После обеда полагался традиционный для детсадовского режима «тихий час». Спать не хотелось, но приходилось укладываться на раскладушки и терпеливо ждать его окончания. Некоторые особенно ослабленные и не совсем здоровые дети даже успевали заснуть. Но команду «Подъем!» слышали все и сразу вскакивали, потому что после сна был полдник.

На столиках столовой уже стояли стаканы с чаем или молоком и на маленьких блюдечках лежали сладости. Обычно это были два квадратика печенья и две-три обсахаренных карамельки-подушечки. Сладкого хотелось всегда и это ежедневное чудо воспринималось как маленький праздник. По настоящим праздникам бывало жиденькое какао и подушечки были другие - гладкие и блестящие и, главное, с цветными полосками. Здесь в силу вступало негласное правило цветовых различий, как и с полосками на тарелках. На конфету с красными полосками можно было обменять две с полосками другого цвета. Но на такой обмен мало кто из «красных командиров» соглашался, статус был важнее.

Самым главным и долгожданным праздником был, конечно, Новый Год! В этот день на праздничном утреннике Дед Мороз всем раздавал подарки (опять же сладости). Бумажный мешочек с подарком, получаемый от доброго Деда после чтения стихотворения, исполнения песенки или танца, воспринимался как высшая награда и очень ценился. Содержимое мешочка исследовалось сразу же после получения. Терпеть до окончания праздника сил и воли не хватало.

Дух захватывало, когда ты обнаруживал в подарочном мешочке кроме ожидаемых подушечек и печенья, ещё и пряник (розовый или белый мятный) яблоко, мандарин и две-три шоколадные конфеты в обертке. Фантик от конфеты и «золотая» фольговая бумажка являлись самостоятельной ценностью и бережно сохранялись.

Как это часто бывает в жизни, чудо праздника Нового Года рухнуло для меня однажды и навсегда. Я уже был в старшей группе и на утреннике читал стихотворение Некрасова «Однажды в студёную зимнюю пору...». Читал с выражением и, как я полагаю неплохо, чем заслужил аплодисменты присутствующих. Дед Мороз был растроган и при вручении подарка наклонился, чтобы поцеловать меня в знак особой благодарности.

И тут!!! Я почувствовал известный мне с младенчества запах духов «Красная Москва» и увидел под бородой деда знакомый рисунок ткани платья! Такой запах и такой рисунок были только у одного человека - у моей мамы! Волшебный Дед Мороз – это моя МАМА!!! По просьбе руководства детсада она актриса театра исполняла эту роль уже не первый раз. Исполняла профессионально (даже голос я не узнавал) но...!!!

Я расплакался, повторяя, мама! Мама! Меня быстро увели, чтобы не срывать праздник и, ожидая конца утренника в игровой комнате, я понял, что сказка ушла из моей жизни и детство кончилось! Условность театрального действия я - актерский ребёнок понимал уже давно. Но то был театр с его особой атмосферой представления, а тут жизнь и добрый дедушка Мороз был её частью. Что жизнь это тоже своего рода театр я понял, увы, очень рано.

В то время дети быстро не по годам выросли. Не миновала эта судьба и меня. Порой родители брали меня с собой на репетиции и на выездные спектакли. Оставить было не с кем. Так уж сложилось, что все постановки я смотрел и не по одному разу. Что я в них понимал теперь сказать трудно, но помню многое вплоть до сцен и реплик. Особенный интерес вызывали спектакли со сценами застолий.

Хорошо помню сцену пира царя, в спектакле «Великий Государь», в которой монах, роль его исполнял наш сосед Бровкин, ценой собственной жизни, предотвращает отравление Ивана Грозного. Огромный во всю сцену стол уставленный всевозможными кушаньями: тут и жареные молочные поросята и целый лебедь на блюде и пироги и кулебяки и множество ваз с экзотическими фруктами, а уж кувшинов с напитками и кубков разной формы - немеряно.

О том, что все это несъедобное бутафорское, я уже давно знал но, видя прекрасную игру актеров, изображающих веселье пира, невольно впадал в иллюзию реальности и чувствовал спазмы голода. Что чувствовали при этом сами актеры и зрители остаётся только догадываться ведь и те и другие (за редким исключением) почти поголовно недоедали.

Время шло, и я пошел в школу. На большой перемене младшеклассников подкармливали. Обычно это был пирожок, когда с чем (ливер, повидло, лук с яйцом) и стакан бледного подсахаренного чая. Старшие школьники приносили еду с собой, у кого что было. Часто слышанная мною на переменах фраза, звучавшая как заклинание « Дай сóрок! ».

На тогдашнем школьном сленге это означало – предложение поделиться едой. Отказ даже не предполагался. Отказавший, на долгое время именовался «жмотом» и оказывался в глухой изоляции. Таким образом, происходило перераспределение продуктов и устанавливалось некое подобие социальной справедливости. Воспитательный эффект такой меры был весьма высоким.

Костя и соседка Наташа

На меня, как на старшего ребёнка в нашем доме, было возложено шефство над двумя девочками соседей Наташей и Олей. В отсутствие родителей, уехавших на выездной спектакль или занятых на вечернем представлении, я будил соседок, помогал одеться и заплести косички. Отводил в садик. Вечером приводил обратно кормил. В холодное время это было даже интересно.

Я, как взрослый, шел в холодную кладовку. Доставал из мешка ледяной диск супа или щей. Рубил на куски топором на колоде и, сложив в подходящую кастрюльку, ставил на заранее растопленную печь. Девочки с нетерпением уважительно наблюдали за моими действиями. Факт приготовления мною пищи на их глазах придавал мне неоспоримый авторитет.

После кормления я развлекал их до сна, читая книжки или рассказывая всякие истории. Иногда мы вместе слушали чёрную тарелку радио или пластинки на патефоне. Если девочки не слушались, баловались или капризничали, я мог призвать их к порядку, напугав обещанием поставить пластинку с музыкой из балета «Щелкунчик». Не знаю почему, но действовало безотказно. Правда, я и сам не любил этой музыки и терпел только из педагогических соображений.

Мама и папа много работали, и я часто оставался на самообслуживании. Соседские девочки росли, но, на мой взгляд, не так быстро. За ними нужен был постоянный контроль и опека. Наташка Бровкина болтуня, непоседа и егоза доставляла мне особые хлопоты. То она полезет на забор, соблазнившись яблоками соседей и, порвав платье, повиснет на колючей проволоке.

То заберется на огород и, ползая на четвереньках по грядке, проверяет, не выросла ли уже сладкая морковка (выдергивает за ботву и, убедившись, что не выросла, суёт обратно). То, заигравшись, убежит за ворота и бродится в большой луже на дороге, ловя головастика. Смотреть надо было в оба.

Однажды я не доглядел и она, забравшись в огород, объела целый куст паслёна. Это такой сорняк растение – родственник помидора, на котором растут маленькие сладковатые сиреневые ягодки. Съесть три-четыре ягоды не вредно, а при дефиците сахара даже приятно (это знали все дети). Жадная до сладкого Наташка съела все (больше трёх десятков) ну и конечно отравилась. С большим трудом врачи вернули её к жизни. Мне тогда досталось от родителей, а она немного (но очень немного) поумнела.

В глубине нашего двора находился большой деревянный дом старожилов здешних мест украинских переселенцев Степаненко. В этом доме проживало всего три человека старые дед и бабка с внуком. Внук – хулиган и шалопай Игорь был на три года старше меня и носил фамилию Романенко (по отцу).

Ни матери его, ни отца мы никогда не видели. Парень рос под опекой властной, но доброй бабушки и фактически был предоставлен саму себе. Во всей округе его знали как отчаянного сорванца и драчуна. Но к нашей детской компании он был благосклонен и относился покровительственно. По этой причине ко мне и моему «детсаду» никто из окружающих пацанов не цеплялся.

Хозяйство у соседей было крепкое, я бы даже сказал зажиточное по меркам того времени. Начну с того, что у них была корова. В условиях города пусть даже небольшого это очень хлопотно. Летом по утрам мимо нашего дома пастух гнал небольшое стадо на загородное пастбище. Бабушка Степаненко выводила свою корову за ворота и под нашими окнами передавала пастуху.

Нам, детям было запрещено появляться во дворе в это время, так как корова была бодливая. В хозяйстве соседей была ещё большая черная коза куры, утки и гуси. Время от времени у наших ворот останавливалась повозка с большой бочкой на телеге.

Это был продавец «бáрды», несусветного пойла пахнущего хлебом. Она предназначалась для корма коровы и бабушка Степаненко покупала три четыре ведра этого жидкого месива. Продавец – добрый старик одаривал окруживших повозку детей кусочками жмыха (спрессованных подсолнечных семечек). Мы очень любили эту незатейливую еду, хотя и приходилось изрядно постараться, работая зубами, перед тем как её можно было проглотить.

Вход на соседскую часть двора охранял огромный лохматый беспородный барбос на цепи. Он был очень злой и не признавал никого кроме хозяев. Однажды Игорь, решив сократить путь домой, перелез через забор на задней стороне их двора. Барбос не стал разбираться, кто свой, а кто чужой, напал на него и очень сильно покусал. Мальчика увезли в больницу и, через некоторое время, он вернулся весь в бинтах и пятнах зелénки.

Старик Степаненко держал на огороде три улья с пчелами. Иногда, будучи в добром расположении духа он приглашал нас «мелюзгу» на торжественное извлечение мёда из рамок. Мы все хоть и боялись пчел, но приходили смотреть стоя в сторонке. Важность этого момента заключалась в том, что после окончания процедуры нам перепадало по кусочку сот с остатками мёда. Дед беззлобно посмеивался над нашим страхом перед его пчёлами и всегда советовал сразу убежать подальше, чтобы они, рассердившись, не напали и не отобрали подарок. Уговаривать нас не приходилось, так как жужжание потревоженных пчёл слышалось отовсюду и угроза укуса была вполне реальной.

На пасечнике же была надета большая шляпа с сеткой, а в руках дымарь с гармошкой. К тому же его задубленная и морщинистая старческая кожа не так болезненно реагировала на укус. После работы он садился на завалинку подставлял лицо солнышку и бабушка Степаненко, какими-то щипчиками, вынимала из него застрявшие пчелиные жала.

Полученные от деда соты можно было долго жевать, пока воск не превращался в небольшой комочек. При этом он долго сохранял специфический запах и сладковатый вкус. Нам всегда хотелось, чтонибудь жевать. На Дальнем Востоке коренное население давно придумало для этой цели народное средство называемое «сера». Охотники и собиратели дикорастущего женьшеня использовали серу как средство профилактики от цинги.

Маленькими комочками этого вещества напоминающего по виду светлый почтовый сургуч, а по вкусу хвойную смолу, торговали на рынке. Стоила эта «сера» не дёшево и ею можно было поделиться в обмен на что-либо или в знак особого расположения к оделяемому. Жевание не одобрялось школьным педагогическим персоналом даже на переменах, а на уроке представляло определённый риск. Учителя безжалостно отнимали жвачку и наказывали провинившегося. Тем не менее, жевали многие, так как это занятие в какой-то мере подавляло чувство голода.

Доходило до того, что те, у кого не было «серы» пытались жевать вар – черный битум. Гадость столь же противная сколь и вредная, но жевали и её. Сейчас, когда на каждом углу можно купить жевательную резинку различного вкуса это может быть расценено, как дикость, но ведь было и такое.

И чтобы уж совсем закрыть эту тему добавлю, что это занятие в советской стране приобретало ещё и политическое звучание и осуждалось обществом как демонстрация «низкопоклонства перед западом». Жующий, уподоблялся «поджигателям войны» – американцам и тем самым ронял достоинство советского человека. Это уже почти измена Родине со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вообще Дальний Восток, где мне суждено было родиться и провести детство удивительный район, изобилующий явлениями природы нигде более не повторяющимися и не имеющими аналогов. Я на всю жизнь запомнил огромные пойменные луга, покрытые яркими дикорастущими пионами, саранками и ирисами над которыми летали неправдоподобно большие красивые махаоны, не меньшие стрекозы и рогатые жуки. Весенние сопки в сиреновой дымке от цветущего багульника.

Маленькую речушку приток Амура бурлящую от поднимающейся на нерест кеты и горбуши. И даже большую лужу на нашей улице, в которой кроме обычных головастика и жучков водились, только там виденные мною, необычные твари-щитени (в виде плоского диска размером с пятак, с усами, хвостиком и с множеством шевелящихся ножек на нижней стороне). Лужа летом временами исчезала, пересыхая, превращаясь в потрескавшуюся корку. Но как только начинались дожди, она возникала вновь со всем многообразием её фауны. Где все эти жучки и щитени прятались в сушь, было непонятно и воспринималось как чудо.

А не чудо ли когда в один прекрасный день через Благовещенск прошла (именно прошла пешком) огромная стая, похожих на маленьких серых курочек, птичек перепёлок? Они шли среди белого дня, не обращая внимания на людей и машины, струясь сплошной волной по улицам разбиваясь на ручейки во дворах и огородах. Собаки и кошки дурели от обилия добычи. Они носились по улице, хватая то одну, то другую птицу душа её и вновь устремляясь за другой.

Морды их были покрыты прилипшими к шерсти окровавленными перьями. Объевшиеся животные, тяжело дыша раздувшимися боками, лежали прямо там где их застала усталость и лениво наблюдали бегущую мимо них пищу не в силах подняться. Это нашествие продолжалось несколько часов и глубоко врезалось в мою детскую память. Население города тоже не упустило эту чудесную возможность пополнить свой рацион дармовым мясом и мы ещё несколько дней ели пшеничную кашу со сваренными в ней тушками перепёлок. Эта каша, приготовленная отцом по всем правилам охотничьей еды, была невероятно вкусна.

Ещё одним событием подобного масштаба, отложившемся в моей памяти, было прохождение через город несметного полчища бурундуков. Эти грациозные маленькие зверьки, напоминающие белок, но с пятью темными продольными полосками на спине очень симпатичны, когда встречаешь их в лесу. Обычно они пугливы и не особенно рады встрече с человеком.

Но на этот раз их были тысячи и тысячи. Они огромной стаей буквально текли через город с востока на запад прямо под ногами у опеших прохожих. Эта бесконечная, как казалось, масса проходила несколько часов. Собаки и кошки буквально взбесились, гоняясь за бурундуками по улицам и дворам. Но эти полосатые белки были юркие, как ртуть, и умели за себя постоять. Не только домашние собаки и кошки, но и люди, пытавшиеся их поймать, на себе испытали остроту и крепость их зубов. На моей руке долго не заживали четыре ранки оставленные схваченным мною за длинный хвостик зверьком.

Это был хороший урок общения с дикой природой Дальнего Востока. В августе 1953года мы уехали навсегда из этого удивительного края.

Проводы. Мамины подруги и Костя

Отца пригласили работать в Свердловский театр. Я покидал родные места, унося с собой самые яркие впечатления ушедшего детства. Снова я засыпал под перестук колёс и просыпаясь видел за окном проносящиеся леса реки мосты и станции со знакомыми названиями: Магдагачи, Сковородино, Ерофей Павлович, Могоча, Чита, Улан-Удэ

Проводы. Друзья отца – охотники.

Почти с каждым из этих необычных на слух названий связано какое-нибудь событие из жизни нашей семьи и не одно. Почти на каждой станции от Владивостока до Иркутска мы побывали и не по одному разу.

Спектакли передвижного театра «ДОРПРОФСОЖ» и гастрольные представления Благовещенского театра драмы давались в домах культуры, домах офицеров, клубах и порой на открытых площадках в мало приспособленных для этого местах. Только всё это теперь проносилось мимо нас в последний раз.

Вот мы проехали мимо копошащейся под насыпью серой массы заключённых – «бамовцев» строящих второй путь Байкало-Амурской магистрали. Рассказы об этих наказанных преступниках и врагах народа служили страшилками для всех детей выросших в то время на Дальнем Востоке. О том, что это далеко не так мы узнали значительно позже и не все согласились принять эту суровую правду.

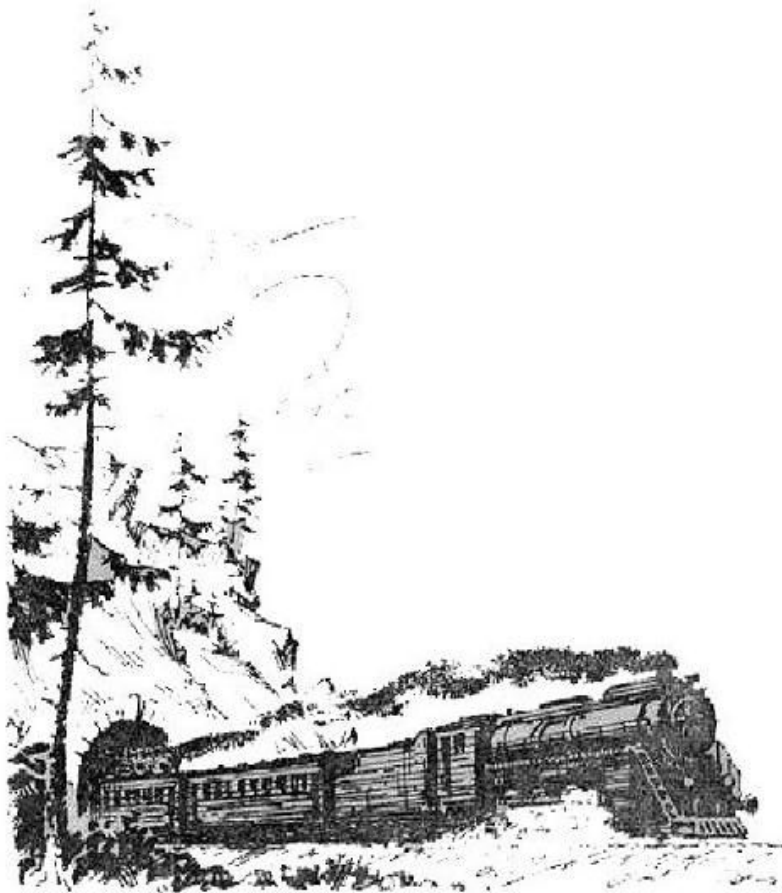
Сталин уже умер, но аббревиатура «БамЛаг» ещё долго не уходила из употребления в тех краях. И я и по сей день не могу нормально воспринимать слово «бамовец» применительно к комсомольцам-добровольцам, строившим совсем другую, новую дорогу.

Внушительным памятником тем, запомнившимся мне, ЗэКам - строителям долгое время оставался бюст «вождя народов» (ныне, к сожалению уничтоженный) вырубленный из целой скалы одним из заключённых в «свободное» от основной каторжной работы время.

Преодолев с помощью двух паровозов Яблоневого хребта, наш поезд вышел к Байкалу и потом долго двигался по однопутной железной дороге вдоль берега «Славного моря». Практически весь путь по берегу состоял из тоннелей (более сорока) и промежутков между ними. На многочисленных разъездах мы подолгу ожидали встречных поездов и имели возможность выйти на берег озера. Полюбоваться красотой Байкальской природы, попробовать студёной чистой и необыкновенно вкусной воды.

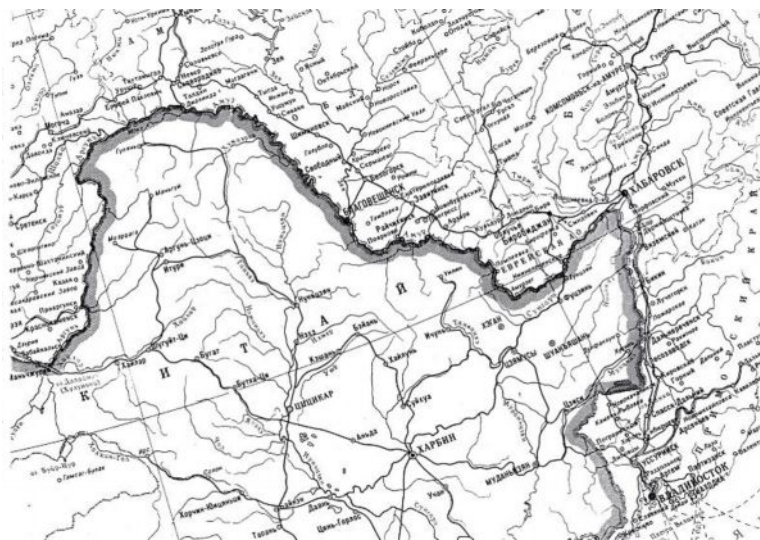
Почти на любой станции торговали солёным омулем. Рыба, напоминающая по виду сельдь, обладала совершенно неповторимым вкусом. Никогда позднее я не ощущал ничего подобного (разве что солёный ладожский сиг отдалённо напоминал вкус омуля).

Поезд после Байкала некоторое время шел по берегу стремительно несущейся Ангары. В туманной заречной дали был виден силуэт огромного шагающего экскаватора, стоящего гидростанцию.

Всё было ново необычно, а потому увлекательно и заманчиво. Сибирская тайга, новые незнакомые большие города, холмистые равнины и широченные полноводные реки. Много долгих суток перед нами маячила столица Седого Урала – Свердловск.

Нашу семью ждали новые перспективы и испытания, а меня встреча с ранней юностью. Детство осталось позади за Байкалом.

Что касается родителей, то думаю лучше всего будет прочитать Посвящение, которое я написал к 95летию со дня рождения моего отца, Чекмарёва Виктора Константиновича.

Некоторые события из жизни семьи артистов театра

Воспоминания сына артиста под (кулинарно – пищевым) углом зрения

В обширной мемуарной литературе прошлых лет широко представлены гастрономические и кулинарные пристрастия её героев и авторов. И не удивительно ведь пища является одним из наиболее значимых факторов существования жизни как таковой. Авторы, углубляясь в подробности описания пищевых продуктов способов их приготовления и употребления, таким образом, характеризуют и описываемое время, и общественный слой к которому принадлежит автор мемуаров и самого героя, придавая его фигуре дополнительные порой весьма колоритные штрихи.

Зарубежная литература подобного толка изобилует детальными и весьма красочными описаниями трапез её персонажей. Как правило, в этих описаниях присутствуют не только многочисленные названия блюд и напитков с иностранными красиво звучащими названиями, но и рецепты с подробными описаниями технологии их приготовления. Порой эти литературно-пищевые экскурсии настолько глубоки и развернуты по содержанию, что основная мысль повествования отходит на второй план.

Складывается впечатление, что персонажи только и заняты тем, чтобы полнее набить свои желудки, а авторы стремятся вызвать у читателя обильную слюну и усиленное выделение желудочного сока. В произведениях Российских авторов описания процессов приготовления и приема пищи выражены несколько скромнее, но тоже весьма красочно. Достаточно вспомнить, например незабвенного Гоголя.

В советское время картины обильных застолий обычно приводились для того, чтобы ещё раз подчеркнуть паразитизм отрицательных персонажей и их оторванность от основной массы народа, строящего светлое будущее. Сошлюсь на Ильфа и Петрова с описанием обеда в богадельне предваряемого словами «чем Бог послал».

И хотя устами их героя была произнесена известная фраза «Не делайте из еды культа!», но надо понимать иронию авторов, поскольку в стране «победившего социализма» положение с продовольствием всегда именовалось не иначе как «проблемой», до самого конца строя так и не решенной.

В Советский период подобные литературные упражнения могли вызвать не только гнев суровой цензуры, но и явственную неприязнь постоянно недоедавших читателей. Мало кто из авторов решался в этих условиях пускаться в подробные описания своих пищевых и кулинарных пристрастий. А жаль! Красочные детали гастрономических «шедевров» да еще изложенные хорошим русским языком многое смогли бы добавить к реальному отображению жизни и быта наших граждан того времени.

Нежелание хранить в своей памяти тягостные воспоминания о лишениях, сопутствовавшие их молодости и стремление придать тому времени легкий розовый флёр лишают новое поколение россиян объективной картины советского времени. Трудно современному молодому человеку понять, как выглядели магазины с пустыми полками и длинными очередями (с ночи).

Что представляли собой рядовые предприятия общественного питания, и как выглядела типовая продукция «а ля общепит». Что такое «рыбный день-четверг». Сколько раз в месяц можно было по графику (утвержденному профкомом и парткомом) получить право на приобретение т.н. продовольственного набора состоящего из банки тушенки и банки болгарского зеленого горошка или сложной смеси под названием «ЛЕЧО» с нагрузкой в виде просроченного плавленого сырка «Дружба».

И что такое «достать» к празднику пару апельсинов для детишек и многое, многое другое ныне позабытое. Да что там говорить о каком то гастрономическом разнообразии, когда основой питания населения огромной страны был и до недавнего времени оставался обыкновенный хлеб. Люди старшего поколения прекрасно помнят вид и вкус батончиков появившихся много позднее прошедшей тяжелой Великой войны, когда послевоенная разруха была в основном преодолена и мы стояли на пороге начала освоения космоса.

Ведь не зря советское правительство, отчаявшись обеспечить народ гарантированным куском хлеба, бросило в кустанайские степи тысячи и тысячи «комсомольцев-целинников», а потом всё равно было вынуждено закупать зерно в Канаде.

Да простят меня любезные читатели за такой экскурс в наше недалёкое прошлое, но во избежание искаженного представления о быте обычной советской актерской семьи позволю себе приподнять завесу над картиной её повседневного существования. Оговорюсь сразу, что насущные вопросы питания в нашей семье худо-бедно решались и описанная мною картина отражает, в какой-то мере, ситуацию присущую быту некоего «среднего», если можно так выразиться, класса. Многие если не сказать большинство жили и питались гораздо хуже.

Я уж совсем воздержусь от комментариев по поводу того факта, что многие сотни тысяч (по некоторым источникам – миллионы) наших сограждан попавшие под жернова ГУЛАГа вообще питались скудной пайкой хлебных суррогатов и овощной баланды, работая на износ в суровых краях.

Отец и мама на ступенях нашего «дома».

Мой отец Виктор Константинович Чекмарев, как известно из его биографии родился и провел молодые годы в Астрахани. Все традиции питания населения этого южного приволжского города обусловлены использованием даров в изобилии предоставляемых природой этого благодатного края. Здесь были и овощи (помидоры, баклажаны...), бахчевые (арбузы, дыни...), всякие южные фрукты. Ну и, конечно же, самая разнообразная рыба от воблы до царя рыбного мира – осетра.

К рыбе у Астраханцев отношение особое – уважительное, но разборчивое. Далеко не всякая рыба удостоивалась чести украсить стол коренного жителя города. В 1973 году оказавшись впервые на родине отца, я узнал очень многое о рыбе и рыбных блюдах, традиционных для населения этого города. Выходя вечером с удочкой на берег Кутума, я успевал до темноты наловить довольно много окуней, плотвы, подлещиков. Вернувшись домой, я с удивлением и досадой узнавал, что наловил несерьёзной «кошачьей рыбы» и даже варить уху из неё не стоит.

За настоящей рыбой мы с отцом ходили на набережную Волги, где были причалены большие лодки-прорези (такое местное название). Лодки имели в донной части множество щелей и поэтому были заполнены водой. Внутреннее пространство лодок было поделено на отсеки. В каждом отсеке плавала определённая порода рыбы. Можно было выбрать конкретный экземпляр и продавец отлавливал его большим сачком.

Купленная свежайшая рыба торжественно приносилась домой и служила основой и украшением обеда. Бабушка Александра Александровна угощала меня своими фирменными котлетами из судака, заливным из сома, жареными в сметане кусками сазана. Любая трапеза традиционно начиналась с большой миски крупно нарезанных помидоров с репчатым луком политых подсолнечным маслом и обильно поперченных.

Конечно же, не только этот своеобразный рыбный базар являлся источником рыбных продуктов на нашем столе. Будучи в Астрахани с отцом я на раз ездил на рыбалку в дельту Волги. Рыбалка была всегда успешной. Особенно запомнилась ловля поутру больших судаков «на тельцо» т.е. на кусочки мелкой рыбёшки и ловля жереха на спиннинг во время «боя». Незабываемо впечатление от поимки и вываживания трёхкилограммового жереха. На сей раз, бабушка Шура была благосклонна к нашей добыче, считая её достойной настоящих рыбаков.

Мне даже повезло участвовать в «тонё» т.е. ловле неводом с артелью промысловых рыбаков. Наряженный рабочий день закончился пиром всех участников на песчаном берегу Бузана вокруг огромного котла с тройной ухой, в которой варились большие куски случайно пойманного осетра. Наваристый бульон ухи напоминал клей накрепко прихватывающий пальцы к краям миски. Завершением этой трапезы являлись три огромных арбуза принесённые с соседней бахчи гигантом колхозником, принимавшим участие в «тонё».

Существенную добавку к рациону многих жителей Астрахани составляла дичь в виде разнообразных перелетных птиц сезонно изобиловавших в камышовых зарослях волжской дельты. По этой причине отец и дед Константин Константинович, как и многие другие мужчины с молодых лет пристрастились к охоте. Выходя на «раскаты» на катерке они почти всегда возвращались с обильной добычей. Особую часть воспоминаний отца являлись охотничьи рассказы с неизменным описанием трапезы у вечернего костра. Высшей похвалой повару из уст его была много раз слышанная мною фраза «О! Как вкусно! Это даже на охоте можно есть!»

Мама Чекмарева Нина Феликсовна родилась совсем в другом (более суровом по климату) месте. Тоже приморский город Архангельск тоже в дельте великой реки Северной Двины, от названия которой так и веяло холодом. С овощами в тех краях всегда было напряженно, как впрочем, и с хлебопродуктами, но вот рыба всегда была в изобилии. В основном это были треска и пикша ну и конечно селедка.

Основой пищи населения Архангельска являлись картошка и капуста во всех её видах с постным маслом и рыба (свежая и соленая). Источником необходимейших на севере витаминов являлись дикорастущие ягоды клюква брусника и морошка, а так же грибы. Доставляемые из южных краев России другие продукты, конечно же, были дороги и далеко не всем доступны. Мама родилась и провела детство в семье весьма скромного достатка, да еще в то время когда во всей нашей стране было голодно (20е-30е прошлого столетия).

Отец умер рано, и её мама Евдокия Васильевна, одна поднимала пятерых детей. Старший сын Георгий будучи ещё мальчишкой пошел работать на узел связи, чтобы помогать семье. С началом войны, он был призван на фронт и исчез на всё это время. Моя мама, оставшись старшей, тоже пошла на работу при управлении экспедитором. Параллельно она серьезно занималась спортом в обществе «Динамо». Спортсменов, а мама была чемпионкой края по нескольким видам спорта, общество подкармливало, выдавая талоны на питание.

Все получаемые продукты мама несла домой и кормила сестёр Любу и Веру, брата Мишу. Бабушкина пенсия была всего 23 рубля. Выручал огород и мамин командировочные, когда она ездила на соревнования. На всю дальнейшую её жизнь и, как следствие, на жизнь нашей семьи это обстоятельство наложило неустрашимый отпечаток. Мама всю жизнь считала, что рядом находится голодный человек (муж, сын, внук, правнук, товарищ по работе, гость ...) и первое, что необходимо, это накормить его.

Все остальное не так важно и вторично. Она принципиально не воспринимала отказ от какого-либо предложенного блюда или продукта приготовленного ею. Для неё это являлось признаком серьезного заболевания уклоняющегося. Тогда вступала в действие заложенная в неё в детстве жесткая программа спасения заболевшего, главной частью которой являлось опять же усиленное, по возможностям момента, питание.

Нет слов! Блестящий стиль, но самое главное, это содержание...

Что для Вас кроется за словом – Друг? Есть, как раньше говорили, мнение, что много друзей не бывает. Вы согласны с таким утверждением?

Вопрос о дружбе и моих друзьях, а их у меня было и всё ещё много, для меня довольно сложен. Человек я открытый, контактный, дружелюбный к окружающим и, по этой причине, у меня всегда было много друзей, со школьных лет и по сей день. Мне в жизни очень везло на замечательных, прекрасных и надежных людей, многие из которых стали моими друзьями. В своих воспоминаниях я постоянно затрагиваю эту тему.

Друзей, а я к этому понятию отношусь достаточно строго, слишком много не бывает, вот мало – бывает. Особенно это чувствуешь в старшем возрасте, когда уходят один за другим те, с кем ты был дружен с раннего детства. Новых друзей в моём возрасте обретать уже гораздо труднее, тем не менее, иногда это всё же происходит, чему я несказанно рад.

Один из таких моих новых друзей, нас познакомил мой школьный товарищ всего 6 лет назад, писатель, поэт, переводчик, педагог, певец и замечательный человек [Сергей Иосифович Щепотьев](#) очень метко и душевно выразился на эту тему в своём стихотворении «Домосед».

Не могу не привести его полностью, уж больно оно меня задело за живое.

ДОМОСЕД

Сергей Щепотьев

Дни текут, как меж пальцев вода.
И среди повседневности пут
Вспоминаю былые года,
Мимолётное счастье минут.

Я припомнить могу без труда,
С кем дружил и кого я любил.
Но уже не вернуться туда,
Где я в детстве так часто бродил,

Где куда-то неслись поезда,
И у самого дома – кино,
И манила мечта как звезда...
Ах, как всё это было давно!..

Не осталось уже и следа
От мальчишеских грёз и надежд.
И в окошки стучится беда
В скучном саване белых одежд.

Поседела моя борода
Я отец и давно уже дед!
И из дома теперь – никуда,
Пуще прежнего стал домосед...

Нет, душа, видит Бог, молода –
Ничего не поделать мне с ней!
Но пусты... Как пусты города
Без ушедших навеки друзей!

Мой рассказ об одном из моих друзей, который иллюстрирует насколько бывают сложны пути судеб и резки повороты дружбы.

Когда я, приехав в Ленинград, пошел в школу (8 класс), у меня сразу появился товарищ (а затем, он стал моим другом, на долгие годы). Василий Васильевич Кузнецов – сразу видно, что РУССКИЙ до десятого колена псковских крестьян. Мы быстро нашли общий язык и подружились. Вместе сидели за одной партой, вместе ходили в секцию лёгкой атлетики, драмкружок и одновременно получили звание спортсменов подводник – инструктор подводно-технических работ.

Сами понимаете, абы с кем, под воду (как в разведку) не пойдёшь. Он был из простой рабочей многодетной семьи (отец литейщик, мать домохозяйка и ещё два брата и две сестры). Парень он был сообразительный, любознательный, с цепкой памятью, но, как бы это помягче сказать, не очень начитанный. У них в семье, а он был младший, книгами были только затрёпанные школьные учебники. Общась со мной, он пристрастился к чтению книг и в скором времени прочёл (проглотил!!!) почти всю нашу обширную библиотеку.

Его культурный и интеллектуальный уровень быстро рос, на наших глазах. Окончив школу, мы оба пошли на производство. Он на завод фрезеровщиком (и весьма преуспел в этой профессии), а я на другой завод монтажником радиоаппаратуры (продолжение моего давнего увлечения радиолюбительством).

Смышленного непьющего молодого рабочего заметило заводское партийное руководство и сагитировало вступить в КПСС. Тогда была такая установка – рабочий класс – в партию. Мне, как рабочему, но происходившему и интеллигентской семье ничего подобного не предлагалось. Тем более, что я поступил в ВУЗ (ЛЭТИ вечернее отделение) и в перспективе должен был стать ИТР (а эту категорию советских людей в партию брали только по особой разрядке и далеко не каждого).

Вася тоже поступил, но в Экономический ВУЗ и распрощался с производством (на дневное отделение, его, вне конкурса, взяли как потомственного рабочего, члена КПСС). На какое-то время мы, увлечённые учёбой, перестали часто встречаться. Оба женились и завели детей.

И вот, встретившись, после большого перерыва, со своим школьным другом, я обратил внимание на большую перемену в его характере и мировоззрении. Первое, что он безапелляционно заявил мне при появлении у меня дома (а жили мы тогда в большой коммуналке), что брак мой неудачный! Оказалось, что по его партийному мнению, я попал в лапы к международным сионистам!!! И теперь, буду плясать под их дудку.

Действительно, моя жена Галина, с которой мы работали в оборонном НИИ и познакомились, в процессе совместных занятий подводными делами, была, по партийно-коммунистической (а о по сути фашистской), классификации, - ЕВРЕЙКА!!! Поскольку её мама была, понятно, тоже еврейка.

На мою удивленную реакцию, он разъяснил мне, что по поручению Горкома Партии, он прошел специальную подготовку и теперь занимается – «Активной борьбой с проникновением в СССР, чуждой и враждебной нашему, самому правильному в мире, строю, сионистской пропагандой и её разрушительным влиянием!!!». Он даже предлагал мне, по старой дружбе, помочь, расторгнуть наш брак и добиться, с помощью товарищей по партии, чтобы мой сын (хоть и полуеврей) остался при этом со мной. Его дикое предложение, поначалу, мне показалось просто неудачной шуткой, но, взглядевшись в его ясные и строгие глаза, понял, что мой школьный друг НЕ ШУТИТ!

Жену я любил и для меня, факт её еврейства, ровным счётом не имел никакого значения. Да и тёща, в отличие от многих тёщ, была милейший человек, с которым у меня был прекрасный контакт. Сын ещё тогда был маленьким, и расставаться с семьёй, во имя каких-то бредовых опасений партийного товарища, совершенно не входило в мои планы. Даже ценой карьерной перспективы.

Только воспитание и врождённая выдержка, не позволили мне выставить за дверь, неожиданно возникшего в моей жизни, парт-благодетеля. Он, вероятно, понял по моей реакции, неуместность своего предложения и, наскоро попрощавшись, удалился, не забыв, однако, в дверях, предложить мне серьёзно подумать и не портить себе карьеру. Два лестничных марша вниз, Вася преодолел без посторонней помощи, благодаря моей сдержанности. Больше живым я его не видел.

Прошло четыре года. Мы больше не встречались и даже не звонили друг другу. Когда его супруга (чисто русская), с которой я был хорошо знаком со свадьбы, пригласила меня на его похороны, на поминках мне удалось узнать, как обстояли дальнейшие его дела, и почему он так скоропостижно скончался.

По разнарядке горкома Вася ездил по разным предприятиям и учреждениям города и читал лекции «О вредоносной сущности и происках мирового сионизма». Хорошо подготовленный специалистами партийной пропаганды, он обрёл опыт в ведении дискуссий на эту, животрепещущую тогда, тему. И хотя, не везде он выходил победителем (как например в Физико-техническом институте им. Иоффе), но запала и задора не терял, а только становился всё более основательным и упёртым в своей аргументации.

С мировыми учёными физиками, пускаться в дебаты, было безнадежно наивно. Тут ведь умище нужен, ничуть не меньше чем у основоположника марксизма. На его лекциях стали возникать стихийные дискуссии, в которых он, не обладая должным потенциалом, пытался выступать с лозунгами и штампами. Имея в тылу всемогущий Горком, Вася ничего не боялся и бросался на этих «зубров» с отчаянностью молодого бычка. И стал он проигрывать эти диспуты один за другим.

Работа эта, хоть и общественная, экономистом он продолжал работать и даже готовил какую-то диссертацию «О преимуществах социалистической экономики», но всё же нервное напряжение постоянной борьбы, не замедлило сказаться. Впал в депрессию, из которой пытался выйти через алкоголь. Но не успел, «крыша у него поехала» на этой теме.

После одного из выступлений, где он особенно ярко нападал на своих оппонентов, его пришлось эвакуировать на сантранспорте в нашу специализированную больницу им. Скворцова Степанова. Там лечили от нервных болезней всех пострадавших в неравной борьбе, со всякого рода «проявлениями». Пробыл в этой больнице он совсем не долго, всего два месяца. Нервы ему подлечили, но с его антиссионистской направленностью мышления, ничего поделать не смогли.

В этой специфической области отечественная медицина оказалась бессильна. Едва придя в себя, Вася принялся за старое. Он начал лекционную пропаганду, прямо в стенах больницы. Но публика (пациенты) в специальной больнице, оказалась весьма специфической. Слушатели, в отличие от прежних (рабочие, ИТРы, учёные), оказались менее сдержанными в оппонировании самозваному докладчику.

Пару раз, санитарам удавалось, вовремя успеть помочь пропагандисту, избежать побоев. Но однажды, когда против лектора выступил не менее убеждённый националист-еврей, амбал по комплекции, который косил под психа в ожидании получения разрешения на выезд в Израиль, медперсонал оказался не на высоте и всё кончилось плачевно для антиссиониста и антисемита.

Симулянт еврей, в состоянии полемического задора, натурально проломил ему голову подвернувшимся под руку предметом, табуреткой. Убийцу больного, никто и не собирався преследовать. Горком, конечно же, от своего «политического борца», открестился обеими руками, так, что даже с похоронами были большие проблемы. Так и окончилась эта борьба с мировым сионизмом, моего несчастного школьного друга.

Для чего я рассказал всё это? Зубы дракона, посеянные советской властью, продолжают прорастать. Они пали на благодатную почву и дают, то тут, то там, бурные всходы. Вася мой ведь не один такой был, в этой партийной системе. И многие продолжают и сейчас вести свою пропаганду, используя предоставленные современными методами телекоммуникации возможности. Благо безопасно, и по кумполу схлопотать, в Интернете невозможно, а это раззадоривает отморожков. Вот они и отплясывают на форумах и сайтах, скрываясь под всякими аватарами и никами.

Я не пытаюсь вас переубедить, хочу лишь предложить вам задуматься. Если вас устраивают простые ответы – флаг вам в руки. Советчиков и крикунов о вреде, наносимом инородцами, здесь достаточно. Подумайте! Кому это ВЫГОДНО?

Я никогда не участвую в дискуссиях на националистические темы. Причина проста. В нашей семье, никогда не культивировался национализм, в любой форме его проявления. И предки наши, всегда отличались толерантностью, а жить нам приходилось и в разное время и в разном, по национальному составу, окружении.

Считаю это, нормой для культурного человека. Попытки приписать другим народностям, злокозненность по отношению к русским унижает носителя такого убеждения. Среди моих друзей много, было и есть, представителей разных наций и народов. Нет только националистов. Я их избегаю, как носителей, чуждой мне психологии. И сын и внук мои унаследовали такое отношение к другим.

...Я попробую рассказать о своих друзьях, но не сразу, а постепенно, поскольку тема эта неисчерпаема! Тема дружбы (мужской особенно!) сложна и многогранна, в ней сотни нюансов и неожиданных оборотов.

Хотелось бы раскрыть её полнее, а на это надобно много времени и усилий. Я постараюсь, хотя бы в память о моих ушедших друзьях.
Вот пока таков мой ответ.

Спасибо Вам за ответ! Уважаемый Константин, если попрошу Вас рассказать немного о системе образования в то время и сейчас. Нисколько не противопоставляя, а просто сравнивая. Что можете сказать по этому поводу?

Я пенсионер, чья школьная молодость, увы, прошла ещё в пятидесятые годы прошлого века. Казалось бы, какая польза, какой интерес современным работникам просвещения от воспоминаний о школьных годах этого «живого ископаемого», как я себя, шутя, иногда называю?

Какие точки соприкосновения могут возникнуть, и какая польза будет от этого контакта? Но не торопитесь с выводами! На дворе уже 21й век. Государство наше изменилось до неузнаваемости. Вместе с государственным устройством изменилась и вся система школьного обучения. Да и сами школы стали совсем другими, вплоть до названий: гимназии, лицеи, колледжи...

Наша 2я школа в то время...

За примерами нет необходимости ходить далеко. Достаточно заглянуть на школьный портал. Что я и сделал. Благо, я хоть и пенсионер, но работающий, в силу понятных обстоятельств. К тому же, мне посчастливилось, хоть и в самом конце своей активной трудовой биографии, приобщиться к современной компьютерной технике. Я конструктор электронной техники и моя работа, без привлечения компьютера, в настоящее время не мыслима в принципе.

Громоздкие чертёжные станки-кульманы, линейки, угольники, карандаши, резинки, всё это, прочно, навсегда забыто и ушло в прошлое. Школьные годы мои оставили в памяти много впечатлений, скажем так, самого различного толка, и очень светлых и, что греха таить, порой весьма негативных. Что поделать?

Время тогда было ничуть не проще нынешнего. Ещё очень ощущались последствия недавно отгремевшей войны. Страна была совсем иной. На школьный портал меня привело элементарное любопытство, и желание понять, чем живёт нынче школа. Хотелось сравнить свои впечатления прошлого, с сегодняшней ситуацией в системе просвещения и школьном образовании. Этот интерес не случаен. По воле судьбы я некоторое время обучался в школе №2 города Перми, которая тогда именовалась город Молотов (4й-8й классы 1954-1958гг).

Это была единственная, за годы моего детства, школа, где я учился подряд четыре с половиной года, а потому, я считаю её самой родной и помню по сей день. Мне с трудом удалось узнать на фотографии здание перестроенной родной школы, но всё же, я узнал его, и на душе стало как-то теплее. Некоторые из прошлых событий я сумел сохранить и запечатлеть их в печатном виде, некоторые ещё ждут своего часа, благо память мою годы пощадили.

Время наложило свой отпечаток на учебные и педагогические процессы в современной школе. Появились компьютерные классы со всеми их аппаратными и программными мороками. Повергся суровому пересмотру список обязательных предметов и содержание занятий. Внедряются новые, ранее не мыслимые дисциплины вроде, плохо маскируемого, «Закона Божьего» и сексуального воспитания!!!

Учебники и методики проведения уроков стали разнообразнее. Не уверен, что это добавило радости учителям. Учащиеся стали более эрудированны и менее дисциплинированы. Я вкладываю в это понятие своё, то, прежнее понятие школьной дисциплины. И хотя, она, эта дисциплина, во многом напоминала казарменную, но всё же, наверное, пожилые учителя-ветераны вспоминают о ней с тихой грустью. И школьные здания теперь охраняются, как ранее, секретные оборонные объекты. Новое время, новые веяния.

Но, как мне кажется, возможно, я и ошибаюсь, не изменилось только одно – психология учеников и учителей. Одни с неохотой идут на занятия (исключения лишь подтверждают общую тенденцию), а другие мучаются вкладывать в бестолковые (по их субъективной оценке) головы хотя бы минимум знаний, необходимый по плану. Эта встречающая борьба идёт годами, с переменным успехом.

Некоторым, особо одарённым преподавателям, удаётся найти правильный подход к организации процесса, привлечь и заинтересовать учеников, найти новые необычные и нетрадиционные методики. Тогда ситуация резко меняется. Глаза, даже лентяев и двоечников, начинают светиться живым интересом, в классе воцаряется вожденная тишина, а творец самородок-преподаватель вдохновенно вершит своё святое дело. Результаты таких творческих прорывов поражают своей эффективностью. Но, увы, это лишь исключительная редкость, отмечаемая наградами на самом высоком педагогическом уровне.

Учиться в классе у такого преподавателя – счастье для любого школьника. Но, к сожалению, не всем так везёт. Зачастую, не умея наладить учебный процесс, не обладая необходимыми для Учителя выдержкой, тактом, знаниями, наконец, ремесленник заменяет творческий поиск строгим педантичным следованием, кем-то установленным методикам и правилам, не особенно задумываясь о правильности своих действий, об их конечном результате.

Нарушения порядка, шум и отвлечения на неинтересном уроке, подавляются жесткими воспитательными мерами, которые ещё больше отвращают ученика от самой школы. Общество теряет полноценного своего члена и если бы одного!!

По воле судьбы я походил курс своего школьного обучения в семи школах, начав в городе Благовещенск (на Амуре), продолжив в Свердловске и Перми, а завершив в Ленинграде. Поэтому, я полагаю, что мои наблюдения и впечатления о состоянии школьного обучения в стране, в пятидесятые годы, могут вызвать, хотя бы исторический, интерес.

В настоящем обращении я хотел бы привлечь внимание учителей и педагогов всего лишь к одному аспекту их деятельности. Это работа с учащимися помимо наполнения их голов знаниями по программе предмета. Воспитание, общение, формирование личности и прививание интереса к самому процессу обучения. В этой важной и специфической части труда учительского труда, на мой взгляд, мало, что изменилось за прошедшие годы.

Человеческая природа консервативна она если и поддаётся изменениям, то крайне медленно и постепенно. Сегодняшние учащиеся, психологически, мало чем, отличаются от, двухсотлетней давности, бурсаков. Что из того, что вместо архаичной шпаргалки используется пейджер, или, вместо записок, ученики обмениваются на уроке SMS-ками, а вместо возни и шепотков, в самый напряженный момент урока, раздаётся мелодия вызывного звонка мобильного телефона, а учителю, вместо примитивной кнопки на стуле, подкидывают на стол фотографию (снятую на компактный фотоаппарат телефона), на которой он представлен не в лучшем виде или с искаженным гневом лицом?

Мотивы этих поступков, уходящих корнями в далёкое прошлое, коренятся в неизменности человеческой психологии. И реакция на такие явления, со стороны обиженного учителя, так же предсказуема и традиционна. В результате происходит тиражирование и воспроизводство поведенческих реакций, из года в год, из столетия в столетие. Можно ли остановить этот бесконечный процесс? Что можно противопоставить ему?

Я не педагог, честно говорю – не знаю! Знаю только одно. Эту ситуацию необходимо переломить, если это вообще возможно. И начинать надо, как мне представляется, не с учеников, а с их наставников-учителей. Реакция, на проступки школьников, должна быть иной. И первая мысль воспитателя, столкнувшегося с тем или иным проявлением со стороны ученика, должна быть, не как наказать провинившегося, а, что я сделал не так, вызвав эту неприятную для меня реакцию или поступок. Наказать проще, но это означает загнать проблему глубже, порой на такую глубину, из которой выход уже и не просматривается.

Обиды, порождённые неадекватной реакцией обеих сторон, усугубляются и сохраняются на многие годы. От этого страдают и ученик, и неопытный учитель.

А в итоге не достигается главная цель формирования ЧЕЛОВЕКА!

Человека адаптированного для всей дальнейшей жизни.

Проиллюстрирую это явление на личном так сказать «примере». У меня сохранился перечень всех замечаний педагогов на полях моих дневников. Он весьма красноречив по своему содержанию. В нём сконцентрировалось всё и бурные метания становящейся личности и беспомощность воспитателей в попытках обуздать и направить в нужное русло процесс этого становления. Сразу хочу успокоить молодых учителей. Дневники, откуда взяты эти цитаты, уже давно пожелтели от времени и являются своего рода документами эпохи.

Уверяю вас, это были не самые страшные по содержанию замечания. В классах, где я учился, бывали и похуже ученики, и пострашнее проступки.

Как вам понравится такое – «Принёс на урок гранату и во время урока показывал её товарищам!!!», «Натирал, во время урока, форменную бляху и пуговицы гимнастёрки ртутью, чтобы блестели!!!», «Во время занятий, вступил в драку с учителем физкультуры!!!», «На перемене написал на доске матерное слово!!!», «Украл и сжег во дворе классный журнал!!!», «Насыпал во все классные чернильницы калийной соли!!! И сорвал занятия по русскому языку!» ...

Для нынешних молодых учителей здесь надобно пояснение. В послевоенное время в классах было много сирот без отца, переростков и второгодников они доставляли много хлопот, а для соучеников служили «примером» для подражания. А «юный химик» знал, что делает. Мы в то время писали ручками-макалками, чернильницы перед уроком разносили по партам дежурные, а от калийной соли жидкость совершенно и безвозвратно обесцвечивалась. Так что макать было бесполезно!!!

Ученик (это я сам) в адрес, которого были направлены, заполнявшие поля дневников, гневные строки, уже давно состарился. При этом он не только не окончил свои годы в тюремной камере, куда, казалось бы, ему прямая дорога, но напротив стал вполне достойным человеком (три высших образования и многие годы успешной работы в научно-исследовательских институтах оборонной промышленности на nive радиотехники, а затем электроники).

Более того, на склоне лет он (т.е. я автор этого письма) сподобился приобщиться к литературному труду (обратите внимание на содержание, множества замечаний были именно от учителей русского языка и литературы), поэзии и театральному лицедейству (всё это в порядке хобби, т.е. не профессионально).

В молодые годы был спортсменом разрядником по многим видам спорта, в том числе и таким экзотическим для своего времени, как подводный, яхтенно-парусный и горнолыжный (обратите внимание на замечания учителя физкультуры). Имел изобретения, и даже открытие (в области физической гидродинамики, помните замечание учителя физики?).

А география его биографии (простите за каламбур) - это от залива Посьета – до Балтийска, от Кировска на Кольском – до Батуми и Еревана (так что, географию своей страны он знает, так сказать – на ощупь). Так стоило ли переводить чернила для оставления своих гневных автографов на полях его дневника? Выводить и его родителей и себя из душевного равновесия?

Может быть, надо было повнимательнее присмотреться к этому беспокойному молодому субъекту и, вовремя выявив его стремления и наклонности, бережно взращивать из него полезного человека, на будущее благо страны и общества? Я не знаю, есть ли сейчас в употреблении такого рода личный документ, как школьный дневник? Каковы правила его ведения, что пишут на полях его страниц нынешние учителя?

Я недавно слышал, что есть намерение, ввести в практику некий паспорт ребёнка, с занесением в него сведений разного толка от детсада до совершеннолетия. Могу представить себе страницы такого паспорта, при подобном подходе со стороны воспитателей.

Дорогие воспитатели, преподаватели, учителя, оглянитесь «во гневе»!! Остановите, занесённое над дневником шалопая, перо. Присмотритесь к нему повнимательнее. Может быть, в эту минуту вы подрезаете крылья будущему Икару. Ставите палки в колёса будущему Эдисону.

И лишаете общество будущего писателя, поэта, музыканта, изобретателя, спортсмена!!!? Для добавления, и лучшего понимания этой безграничной темы прикладываю мой рассказ всего лишь об одном эпизоде из моей школьной биографии. Их было немало, но этот запомнился особо.

Наша 2я школа в наше время...

Как я чуть не стал пионером-героем.

Школа №2 города Молотова, в которой я учился в 1956 году, была хорошей и время учёбы в ней оставило в моей душе самые лучшие воспоминания. Конечно же, за этот, довольно длительный, период было много разных событий: хороших и плохих, весёлых и грустных, интересных и поучительных, а порой бестолковых и глупых. Всё это укладывалось в понятие жизнь во всех её проявлениях.

Признаюсь откровенно, я не являлся украшением и гордостью этого учебного заведения. Учился я, так скажем, не на одни пятёрки (и даже не на одни четвёрки). И поведением, не блистал, доставляя порой много хлопот преподавателям. До самого конца своей учёбы я так и не понял, почему в классе должно быть слышно летящую муху.

Ведь учёба это живой процесс, а жизнь это движение и сопутствующие ему звуки. Гробовая тишина уместна только на кладбище. Но мои преподаватели такую мою точку зрения не разделяли и часто напоминали мне об этом расхождении. Иногда следы таких конфликтных ситуаций находили своё отражение на полях моего школьного дневника, что очень расстраивало мою маму.

Отец часто и подолгу отсутствовал на съемках, а в те редкие счастливые времена, когда он появлялся дома, ни мне, ни маме не хотелось огорчать его какими-то замечаниями и плохими отметками в моём дневнике. Сейчас я понимаю что, наверное, мог бы учиться и вести себя получше, но тогда...

Как-то на уроке, кажется, был русский язык, учительница которого особенно любила слушать, как летают по классу мухи, мне не повезло в очередной раз. У меня с парты упала ручка. Движимый естественным порывом я тут же полез под парту за ней. Когда я вылезал, крышка парты предательски стукнула. Этого было достаточно, чтобы рассерженная любительница слушания жужжания мух выгнала меня из класса до конца урока.

Наказание явно не соответствовало содеянному и я обиженный встал за дверью прислоняясь к ней спиной. Так можно было слышать, о чём говорится на уроке и не особенно заметно со стороны коридора, так как дверь углублена на толщину стены. Попадаться, кому-либо на глаза мне не особенно хотелось. До конца урока ещё далеко. Стою я себе и стою. Вдруг слышу по коридору шаги группы людей и негромкий разговор. По голосу узнаю директора. Этого ещё не хватало!

Я, насколько это возможно, вжался в проём двери и замер, стараясь быть по возможности незаметным. В этот момент мне хотелось стать той самой жужжащей мухой. Или мне это удалось или идущие были увлечены своим разговором, но, проходя около двери, они меня не заметили. Я вздохнул с облегчением. Мимо прошли директор завхоз и учитель труда. Попадись я на глаза любому из них и мне не сдобровать. Мне стало любопытно, куда же они идут и о чём, так увлечённо, беседуют.

Группа остановилась в конце школьного коридора напротив большого портрета И.В.Сталина. Портрет был очень большой и занимал всю торцевую стену коридора, закрывая расположенное на ней окно.

На очень известном в те времена портрете был изображен наш любимый Вождь и Учитель с маленькой девочкой на руках. Сталин ласково, по-отечески, смотрел на девочку, а девочка, с чёрными волосами и короткой стрижкой, улыбалась ему в ответ. В коридоре перед этим портретом проводились наши общешкольные пионерские линейки. Перед ним мы хором клялись «Быть верными делу Ленина – Сталина! Хорошо учиться и стать достойными гражданами своей социалистической Родины!» а на призыв пионервожатой – «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» хором отвечали – «Всегда готовы!!!». Это когда нас принимали в пионеры. Это ему мы отдавали пионерский салют по праздничным дням. Это место в нашей школе было чем-то вроде святилища.

Трое мужчин постояли ещё немного перед портретом и потом я услышал из уст директора резанувшую меня по ушам и по сердцу фразу – «Ладно! Нечего тянуть. Скоро звонок. Снимайте его к такой-то матери!!!». В моём детском пионерском мозгу промелькнула страшная мысль – «Так вот оказывается, как выглядят «враги народа», о наличии которых, я знал с раннего детства! О которых рассказывали на уроках истории и пионерских сборах!

Оказывается, они ловко прикидываются обычными директорами школ, завхозами и учителями труда!». Но, рано или поздно, их разоблачают и наказывают, посылая строить железную дорогу на Дальнем Востоке. Я это видел сам. И поделом! Ведь они посягают на самое наше святое, на память об умершем не так давно товарище Сталине! Я не рискнул выскочить в коридор – «А вдруг они вооружены, как и положено врагам?». Я решил наблюдать и запомнить все, что происходило на моих глазах.

А происходило нечто ужасное! Завхоз и учитель приподняли с боков массивную и тяжелую раму с портретом и сняли её со стены. Затем завхоз, взяв руками за раму, матерясь при этом от натуги, выдавил коленом из неё портрет. Отодрав полотно от подрамника, он свернул его в большой рулон рисунком внутрь. При сворачивании раздавался сильный хруст и образовалось облако пыли. Теперь все трое мужчин стали материться, отряхиваясь и отмахиваясь от пыли.

Я и не знал что эти уважаемые (по незнанию их истинного лица) люди нашей школы, тоже могут произносить слова, как пьяницы у пивного ларька! Директор махнул рукой и все трое пошли в мою сторону по коридору. Учитель нёс раму с подрамником, завхоз рулон, а директор ничего не нёс, он продолжал отряхивать пыль с костюма и что-то бубнил себе под нос. Что? Я не расслышал.

В страхе я весь сжался в комочек и присел низко в дверном проёме, стараясь быть незаметным. Теперь я особенно старался. Ведь, кто расскажет всем о произошедшем, если они меня заметят и наверняка убьют. Конечно, хорошо быть пионером-героем, когда твои портреты, с описанием подвига, висят в пионерских комнатах всей страны. Но умирать почему-то не хотелось. И потом, убив меня, они могут незаметно скрыться и унести (украсть) священный для всех нас портрет Вождя. Это как похитить знамя и лишить солдат символа их борьбы.

Мне удалось остаться незамеченным и в этот раз. Группа врагов быстро прошла совсем недалеко от меня и клубящаяся за ними пыль попала мне в глаза и в нос. Невероятным усилием воли я сдержался от чихания и тем самым спас себя.

Шаги затихли в конце коридора. Злоумышленники свернули на лестницу. Осторожно, стараясь не топтать, я побежал за ними. Сквозь просвет между перилами я видел, как они спустились в школьный подвал. Зазвенели ключи и скрипнула открываемая дверь подвала. Всё ясно они спрятали святыню в подвале, чтобы ночью унести.

У меня появилось время для каких-то решительных действий. Каких, я ещё не придумал, но был уверен что, посоветовавшись с друзьями, непременно найду правильные. До решения этой задачи, ни о каких учебных занятиях, в этот день, не могло быть и речи. Вернувшись к опустевшей стене, я рассматривал место преступления. Было видно, что портрет висел здесь несколько лет. За портретом стена была окрашена в другой цвет и обильно покрыта пылью и паутиной. Стёкла окна были совершенно матовыми от пыли, а на подоконнике лежал её толстый слой и какие-то бумажки, обгорелые спички, кусочки мела и тряпки.

Начитавшись книжек «про шпионов» я ничего не трогал, чтобы не уничтожить улики и отпечатков пальцев. Даже близко не подходил, так как на пыльном полу могли быть следы преступников. В голове вертелась только одна мысль, кому первому доверить свою страшную тайну. Конечно же - Лёше. Он настоящий друг и умный, даже учится лучше меня и из класса его не выгоняли никогда. Я был в нём уверен, не подведёт и что-нибудь придумает.

Внезапно прозвенел звонок с урока. От неожиданности я даже вздрогнул. Захлопали двери классов и коридор стал наполняться шумной толпой засидевшихся учеников. Наш класс открылся одним из последних. Вышедшая учительница, строго посмотрев на меня, спросила – «Ну что Чекмарёв? Осознал свой проступок? В следующий раз будешь сидеть тихо и не будешь мне мешать вести урок». Она ещё что-то говорила, но до меня, её слова почти не доходили. Какое поведение? Какой урок? Какое замечание в дневнике и вызов родителей, когда произошло страшное преступление, по сравнению с которым всё блекло.

И тут я поймал себя на мысли, что я не могу с ней поделиться своей тайной. Ведь если директор школы!! – враг, то может быть, и они все тоже заодно и только притворяются? Ведь вот учитель труда вроде хороший человек и фронтовик (он прихрамывал) и учит нас всяким рабочим премудростям и на токарном станке давал мне выточить детали для модели «Авроры». А вот оказался враг и заговорщик, я сам тому свидетель. Я слушал, понуро кивая головой, стараясь не выдать своё волнение. Она же поняв моё поведение как знак глубокого раскаяния, смягчилась и отпустила с миром. Я тут же побежал искать Лёшу, чтобы поделиться с ним своей тайной.

Искать долго не пришлось. Как настоящий товарищ он был поблизости и только ждал когда уйдёт учительница и можно будет выразить мне своё сочувствие. Правда рядом с ним был и Сашка - мой сосед по лестничной площадке, которому я интуитивно не доверял и наша дружба, если назвать её таковой, носила в основном характер соседских контактов. Было в нём что-то такое, что не располагало к полному доверию. Как говорят – «В разведку я с ним бы не пошел».

Отозвав Лёшу в сторонку и избавившись от назойливого и любопытного Сашки, я зашептал, оглядываясь по сторонам. На моё удивление, сообщенная мною страшная тайна, не произвела на него почти никакого впечатления. Я недоумевал. Может быть, мой умный друг не понял, свидетелем какого важного события я оказался? Нет! Он всё понял, но его вялая реакция объяснялась проще – он знал что-то такое, чего не знал я.

Теперь уже Лёша, оглядываясь по сторонам, шепотом поведал мне то, что он случайно узнал вчера ночью и ещё не успел сообщить мне.

Лёшин папа, который был председателем областного Совета профсоюзов, т.е. очень важной городской фигурой того времени, пришел вчера домой очень поздно и в подавленном состоянии. Лёшина мама никак не могла из него вытянуть, что случилось.

А случилось что-то из ряда вон выходящее. Папа угрюмо молчал, курил и не желал поделиться. Только ночью, когда он считал что Лёша и его маленькая сестра уже спят, сел с женой на диван и начал рассказывать. Сестра, конечно, спала, ей было всего год, а вот заинтригованный Лёша только притворялся.

Вот что он услышал. Оказывается, накануне на имя Васильева пришел секретный пакет из самой Москвы. Вскрыв его, он прочёл специальное письмо ЦК КПСС «О преодолении последствий культа личности товарища Сталина». Оказалось что недавно умерший наш любимый Вождь и Учитель, Лучший друг всех детей и Профсоюзов (которые он называл Школой Коммунизма) ко всему ещё и «Культ Личности». Что это означает, Лёша так и не разобрал, но понял что это очень плохо. Иначе, зачем бы на прошедшем съезде об этом отдельно и долго говорил Никита Сергеевич Хрущёв.

Собственно, что говорил Главный коммунист страны, никто не знал и только в письме, о котором рассказывал Лёшин папа, были отдельные намёки на очень серьёзные обстоятельства. Там же рекомендовалось убрать излишние портреты и памятники умершему и развенчанному Вождю. Переименовать города и заводы колхозы и другие предприятия и многое, многое другое. Все эти действия именовались преодолением последствий культа личности.

Собственно изменения я почувствовал еще, когда мы жили в Свердловске. Вдруг стало опасно ходить по улице, так как была амнистия и появились выпущенные на волю уголовники. Помню пышные многолюдные похороны, убитого ими комсомольского активиста из учебного заведения находившегося рядом с гостиницей «Большой Урал».

Я наблюдал за этим из окна коридора гостиницы и слышал, как многие выступающие говорили о несвоевременности амнистии для всякой шпаны и её пагубных последствиях для нормальных людей. Это было начало наступления времени, которое впоследствии называли оттепелью.

После сообщения моего друга произошедшее событие уже не выглядело таким мрачным. Остался лишь неприятный осадок, что мы все превозносили не совсем хорошего человека, которым оказался Сталин. И что будет теперь, было не ясно. Одно я понял, что никуда бежать не надо и подвиги отменяются. Было даже немного жалко, что не удалось показать этим учителям, что я не совсем уж такой плохой, как им иногда кажется и способен на хорошие поступки если надо.

Одно меня утешало, что учитель труда, который мне помогал, оказался действительно хорошим человеком, а никаким не врагом. И директор тоже не враг, но уж очень строгий и, как бы, не совсем хороший в моём понимании, но ведь не враг, а это уже хорошо. Про завхоза сказать ничего не могу, я его совсем не знал.

Так бесславно для меня закончилась вся эта история. Я тогда ещё не понимал, какие грандиозные события начались в стране. То, что я увидел в этот день, был лишь слабый отголосок процессов, происходящих в нашем обществе.

На всю оставшуюся жизнь я сохранил в душе непередаваемое ощущение предвкушения подвига, которое я пережил в те тридцать минут стояния за дверью в школьном коридоре.

Спасибо Вам за такой искренний и трогательный ответ. Раз уж заговорили о И.Сталине, то позвольте Вас спросить вот о чём. На Ваш взгляд, какова его роль в истории?

Да! Вопрос ваш довольно сложный.

Отвечать на него во всём объёме, во всех деталях... Времени надо много, никакого места на сайте не хватит для изложения. Попробую кратко. Расскажу о нескольких эпизодах из моей жизни связанных с этой темой. Попытаюсь быть понятным читателями, ведь среди них могут быть разные люди, по-разному понимающие нашу сложную историю, по-разному её трактующие.

Утро в нашей семье (как и в миллионах семей по всей стране) начиналось с пробуждением чёрной тарелки репродуктора висевшей на стене. Исполнялся Гимн Советского Союза. Слова его знали все и губы невольно шевелились, повторяя их вслед за хором Всесоюзного радио.

«...Нас вырастил Сталин
На верность народу
На труд и на подвиги нас вдохновил!...»

Радио полагалось никогда не выключать на случай каких-либо чрезвычайных обстоятельств, в ожидании которых, жил весь народ. Мы слушали всё подряд и слова дикторов, тексты песен, просто музыка (в основном классическая) хоровое пение – Хор Пятницкого, солист Бунчиков... всё врзалось в мозг и оседало в нём на долгие годы жизни.

«Шумят плодородные степи,
текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
Над нашим счастливым жильем...
Спойем же, товарищи, песню
О самом большом человеке,
О самом родном и любимом,
- о Сталине песню споем...»

Я, с детства, слышал эти песни по репродуктору. Потом, мы их разучивали в детском саду и пели на праздничных утренниках. Позднее, уже в школе, каждое утро в коридоре мы клялись, у большого портрета (был такой портрет, как икона, подобно мадонне только с девочкой на руках), клялись хорошо учиться, чтобы радовать любимого вождя своими успехами. Даже летом, в каникулы, когда все дети отдыхали в пионерских лагерях, зомбирование с промывкой мозгов продолжалось.

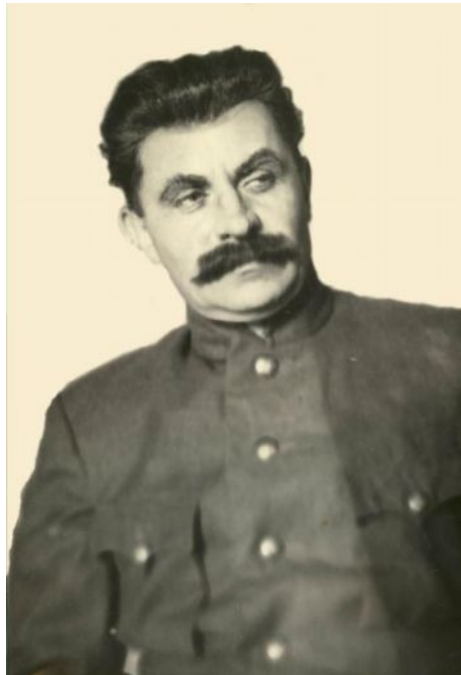
Первый мой лагерь «Бардагон» (название по ближайшей к нему деревне) находился в десяти километрах от города Свободный (точнее от его пригорода Михайло-Чесноковской). Кроме пионерского лагеря, вокруг города Свободный (оцените иезуитскую иронию названия) располагалось ещё несколько лагерей совсем другого назначения (лагерей ГУЛАГа), но туда железные дороги проложены не были. Главными учреждениями города являлись Управление БАМ ЛАГ и Амурзолото.

Так вот, впервые побывать в пионерском лагере мне довелось задолго до наступления возраста, когда принимали в этот передовой отряд советских детей. Такого отряда как «Октябрята – внучата Ильича» тогда ещё не придумали. Эта гениальная мысль идеологов партии тогда ещё не родилась в их светлых государственных головах. Октябрёнком я так и не стал, но все остальные ступени политического воспитания вкусил в полной мере.

На почти игрушечном, но полностью взаправдишном поезде, состоящем из трёх или четырёх вагонов прицепленных к красивому маленькому паровозу, мы отправились в путь. От станции со звучным названием - «Сталинское Счастье» нас привезли в Бардагон, конечная станция называлась «Пионерская». Всё пребывание в этом лагере проходило в обстановке постоянной политической обработки – разучивание патриотических пионерских песен и хождение строем, военные игры, торжественные линейки у мачты с флагом, рядом с которой возвышалась на постаменте гипсовая фигура, вождя и лучшего друга всех детей, товарища Сталина, окрашенная бронзовой краской и сиявшая на солнце.

Как видите, обработка была сильная и не удивительно, что многие воспринимали его, как бога и единственную основу, существования СССР. В этой связи интересен факт появления у нас в семье патефона. В те времена (после войны) товары такого рода приобрести было невозможно. Так вот незадолго до постановки на сцене Благовещенского театра спектакля «Кремлевские куранты» из Москвы приезжала комиссия управления культуры, которая проверяла насколько коллектив театра готов к работе над такой ответственной пьесой.

Проверяли все и декорации и реквизит и персонал (нет ли врагов народа) ну и в первую голову – актеров, предназначенных для исполнения ролей ответственных персон. Подходит ли по типуажу и комплекции. Насколько достоверен грим и костюм (в том смысле соответствует ли он каноническому изображению важного лица). Ну и, конечно же, речь. Для Ленина - традиционная легкая картавость тембр и темп речи. Для Сталина – грузинский акцент опять же тембр и нарочитая медлительность с паузами, придающая особую важность каждому произнесенному слову. К актеру, исполняющему роль Сталина, требования были самые высокие. Отец играл роль Сталина.

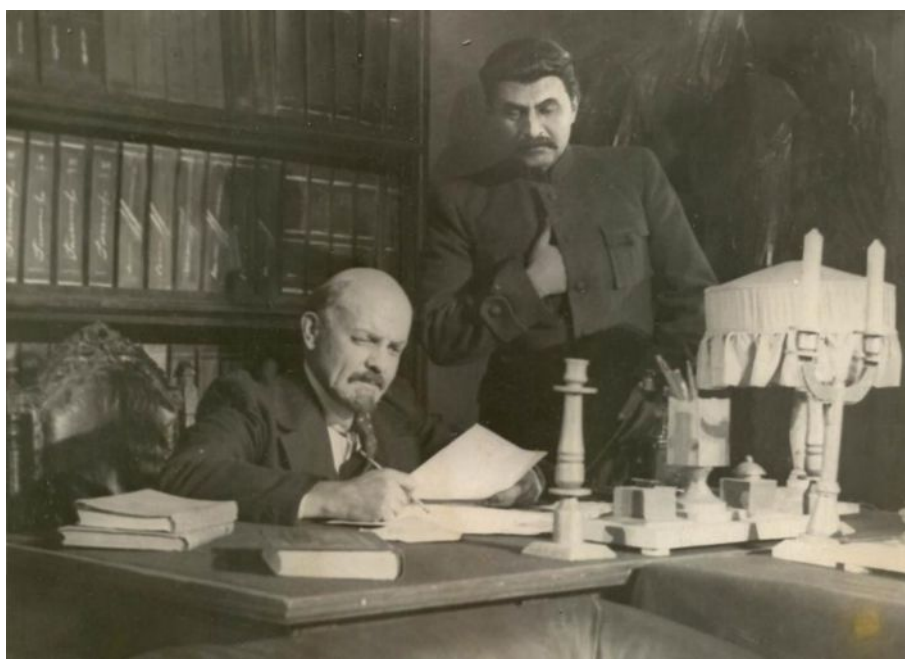

Грим минимальный и очень достоверный (гримировался сам), сценические движения и жесты отточены до автоматизма (как свои собственные).

Даже рука с ограниченной подвижностью (детская травма) та же, что у вождя. Но вот с речью получалось сложнее. Не то, чтобы актерского мастерства не хватало, а требования были очень жесткими.

Важные лица московской комиссии требовали от исполнителя роли абсолютной достоверности. Они имели счастье слышать Сталина лично и очень этим гордились и бравировали. По требованию гостей, местное партийное руководство вручило отцу патефон и комплект пластинок с речами Ленина и Сталина.

Сейчас это всё хранится в музее Истории культуры г. Астрахани в залах посвященных Памяти и 100 летнему юбилею актёра Виктора Константиновича Чекмарева. Как было сказано для лучшего углубления актёра в исполнение ответственного образа дорогого Вождя! Роль получилась. Спектакль удался можно сказать с триумфом. А патефон так и остался у нас, тем более что уже готовился еще один спектакль «Незабываемый 1919год» в котором роль Сталина вообще главная. Попробовали бы они отобрать у актёра, который уже почти, что Вождь, важный инструмент вхождения в образ.

А вдруг, он из-за этого расстроится и выйдет из образа? А вдруг, это произойдет накануне праздника. По головке не погладят да еще упекут куда – nibудь подальше! Казалось бы, ну уж куда дальше Дальнего Востока, но ведь был еще Магадан, Колыма, Камчатка да и вообще 37я статья без права переписки. Так что, партийное руководство решило судьбу не испытывать и махнуло рукой на дефицитный казенный инвентарь. Да еще и другие пластинки подарило музыка, песни, оперные арии, сцены из классических спектаклей в исполнении мэтров сцены.

Все это проверенное идеологически выдержанное и одобренное высшими инстанциями. Ну и хорошо. В конце концов, отец своим трудом заработал этот подарок. Он получил возможность, когда захочет слушать любимую музыку и песни. В репертуар советских театров непременно должны были спектакли с политическим подтекстом, и участием вождей.

Если же по какой-то причине (допустим отсутствие в труппе актёров способных воплотить на сцене роли Ленина и Сталина) поставить такой спектакль не представлялось возможным, в ход шли пьесы уровнем пониже, но всё равно, в них звучали восхваления в адрес вождя. Как например, в пьесе «Яблоневая ветка» финальная сцена была обставлена в виде «молебна» в адрес Сталина, обращенного к его огромному портрету на фоне бескрайних колхозных полей.

Живя на Урале в Перми (тогда г. Молотов), ещё мальчишкой я многое узнал и о страшных лагерях расположенных неподалеку в Соликамске и в Красновишерске. Правда, это было всё на уровне общения в ребячьей компании слухи, домыслы, фантазии.

Но позднее, я сам начал многое понимать и интересоваться этой стороной жизни в «социалистическом раю». Осмысление было долгим и болезненным.

Не всякому это по силам да и по интеллекту. Трудный это был процесс, болезненный. Ведь я был продуктом советского воспитания и зомбирования. Сейчас я уже далеко не молод, но благодарен судьбе, что она предоставила мне возможность узнать эту горькую правду. Не все из моих знакомых и даже друзей разделяют этот мой интерес к прошлому. Я их понимаю, или берегут свою нервную систему или просто по причине душевной тупости.

Ранее, я уже рассказывал об одном из эпизодов моего пермского детства (только сейчас я рискнул его представить читателям, не судите строго я не писатель), но даже сейчас, некоторые из моих знакомых, сказали, чтоб я его никому не показывал, а то мало ли что... Как крепко засел во многих этот генетический страх, тянувшийся ещё из тех памятных времён, когда Сталин умер и очень при этом искренне горевали.

Хорошо помню этот день в Благовещенске. Ночью выпал снег по пояс. С утра мы откапывали траншею, чтобы выйти на улицу, но так и не докопали. На крыльце показалась соседка и крикнула нам – Сталин умер! Лопаты так и остались у конца траншеи, не дошедшей даже до ворот. Весь день мы провели у репродуктора, ловя каждое слово из далёкой Москвы.

Несколько дней после этого мы носили на груди его портретики в металлическом кружочке, в обрамлении чёрно-красной розетки из ленты. В последний раз, мне довелось увидеть его в Мавзолее, вместе с Лениным в 1954 году.

Гроб Сталина был даже богаче и эффектнее ленинского, Он был как бы плетёный, а лицо и грудь закрывал выпуклый стеклянный плафон наподобие кабины реактивного истребителя. Лишь спустя несколько лет, у многих, в том числе и у меня, стали открываться глаза на то, что творилось при нём в стране.

Нелёгкий это труд, осознать, что жил ты, как впотьмах и молился искусственному идолу. Это большой труд для души и разума, не всякому это по силам, да и по интеллекту. До сих пор молятся. Простим им эту слабость. Роль этого человека в истории нашей страны и мировой истории определить не берусь.

На мой взгляд, эта роль не положительная, а скорее урок всем последующим поколениям и предостережение на будущее. Сейчас в России многие иронизируют над корейским опытом, насмеваются над уродливым, гротескным, поклонением очередному тамошнему «вождю»...

А ведь, совсем недавно, наша страна, почти поголовно, молилась и восхваляла человека, уничтожившего больше своих людей, чем все враги государства вместе взятые. «Не лучше ль на себя, кума оборотиться?». Должно пройти много времени, пока народ сбросит с себя это наваждение, очистится от иллюзий и мифов, пойдёт дальше без оглядки на мрачное сталинское прошлое.

Согласен, что должно пройти много времени... Но ведь есть мнение, что по-другому было нельзя. Что необходима была „железная,, рука, что она и сейчас необходима. Кругом одни враги. Вспоминаются времена Петра Первого, Ивана Грозного...

Скажите, может действительно без „железной,, руки невозможно движение вперед? Ведь вседозволенность порождает хаос, это то что наблюдается сейчас, в наше время. Или всё-таки есть другой путь для развития России?

Вопрос этот сложный, не раз в своей жизни задумывался над этой не простой проблемой. Сразу скажу, однозначного ответа и универсального рецепта предложить не могу, но, кое-какие мои наблюдения и выводы, позволю себе высказать.

За долгую свою жизнь и постепенное продвижение по служебной лестнице от рабочего электро-радио-монтажника до Главного конструктора - руководителя большого коллектива, я имел возможность наблюдать работу разного типа и уровня руководителей, анализировать их опыт, воспринимать положительные моменты в их работе или отвергать неприемлемые, на мой взгляд, приёмы и методы руководства людьми.

КБ К.Чекмарёва

Этот бесценный опыт невозможно получить в ВУЗе, его можно обрести лишь в практике непосредственного контакта, работая с живыми людьми, со всеми их сложными, разными характерами и способностями. Свой опыт я приобретал долго и трудно, методом проб и ошибок, путём усвоения или, отвергая неприемлемый, а главное пытался найти его во множестве книг по управлению, отечественных и зарубежных авторов.

Что-то из прочитанного мне помогало, что-то мешало, но, в конце концов, я сделал вывод относительно приёмов и методов управления в условиях советской (а ныне Российской) действительности и реалий. Не претендуя на лавры знатока и эксперта, просто хочу поделиться моими соображениями относительно того, как и почему появилась в нашей стране устойчивая тенденция и тяга большей части населения к жестким авторитарным методам управления – пресловутой «железной руке».

Сразу скажу – я категорический противник таких методов, никогда не пользовался ими в своей (вполне успешной) практике, но другому человеку (руководителю потенциальному или уже состоявшемуся) рекомендовать свой опыт не могу, он уникален и применим лишь к сравнительно небольшим коллективам, когда есть возможность непосредственного контакта буквально с каждым человеком.

Когда можно посредством убеждения повлиять на члена коллектива, доказать ему преимущества принятого стратегического направления или технического решения.

Тут дело не только в свойствах моего характера (сложившихся в течение непростой жизни), но и в особых качествах окружавших меня людей, как моих старших товарищей, коллег, руководителей, так и тех, кто был немного моложе, или даже старше, но пониже рангом, моих подчинённых.

Особенность эта заключалась (мне тут вероятно очень повезло) в высоком уровне интеллекта и культуры, гораздо выше среднего, окружавших меня людей. Это были замечательные (каждый по-своему) люди, работа и даже простое общение с которыми, приносила мне глубокое удовлетворение, доставляла удовольствие, пополняла знаниями и формировала позитивный настрой и характер. Всем им я бесконечно благодарен, а о тех, кого уже нет на свете, храню тёплые воспоминания в своей душе!

Наше нынешнее КБ

Рассматривать опыт руководителя в отрыве от руководимого им коллектива, бессмысленно и не вполне научно. Те, пусть даже удачные, методы и приёмы которые оказались успешными в руководстве бригадой полеводов-шефов на поле совхоза, или в молодёжной бригаде строителей комсомольцев на том же БАМе или ЛЭП-600, совершенно не применим для руководителя научного отдела или КБ в отраслевом НИИ.

Кронштадт. Коллектив на экскурсии, экскурсовод – К.Чекмарёв

А всё потому, что люди там, в этих коллективах разные, по возрасту, интеллекту, гендерному составу и другим своим человеческим качествам. У них разные установки, характеры, цели и представления о допустимых способах их достижения, побудительные мотивы к труду. Количественный состав руководимых, так же немаловажен 5-10 человек в бригаде и 500-1000й коллектив предприятия, согласитесь, как говорят в Одессе, две большие разницы!

А в масштабах государства? Как управлять многотысячными, многомиллионными общественными образованиями??? Как управлять страной, расположенной на огромной территории и населённой многоязычной и мультикультурной людской массой???

Как разъяснить многомиллионному, малоинформированному и, в массе своей, малообразованному населению стратегические цели и задачи высшего руководителя, для которого (часто и для него самого) конечный результат не вполне отчётливо ясен в отдалённой перспективе? А если конечная цель руководителя такого ранга скажем не совсем та (а точнее совсем не та), которую он декларирует через управляемые им СМИ?

Как побудить людей действовать совместно в указанном направлении, действовать слаженно и эффективно? А если есть не согласные или недовольные? В такой большой массе людей они непременно окажутся и в немалом количестве!!! Их активное противодействие окажется деструктивным, тормозящим общее движение к поставленной цели.

Как поступать с ними? Убеждать? Принуждать??? Если убеждать, то, какими средствами, принуждать – какими силами, какими методами? А что если они правы, если они сумели понять (скрытые от других), конечные цели замысла верховного руководства, и способны предложить более выгодный и приемлемый обществом альтернативный путь, на осуществление которого понадобятся совсем другие затраты, другое время, а его просто не предоставляют нам реальные обстоятельства???

Вопросы. Вопросы. Вопросы.... Вот тут и возникает простое на первый взгляд, но неприемлемое и отвергаемое очень многими (если не большинством) решение – ДИКТАТУРА!

В просторечье, именуемое и понимаемое, как «железная рука»! Большевики (их идейное руководство), в 17м году, осознав эту проблему (отдадим должное их предводителю В.И.Ленину) и прекрасно понимая её «подводные камни», не мудрствуя лукаво, именно так и поступили.

Их лукавство заключалось лишь в одном, они заявили, что это, создаваемое ими «государство нового типа» будет государством – «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА!».

Звучная и принятая тёмными массами, красивая формулировка, но! Не более! В реальности это была диктатура (не столь многочисленной поначалу) шайки заговорщиков, именовавших себя Партией большевиков, в последствии переименованной в КПСС. Умные образованные люди тогдашней России сразу поняли, каким ветром подуло, пытались критиковать большевиков и возражать им вслух, но на них быстро нашлась управа.

В оборот, с подачи большевистских руководителей, основное ядро которых не блистало высшим образованием «академиев не кончало», было введено оскорбительное, по их мнению, определение – «Умный больно!». В смысле, что все идут не в ногу, а только эти «умники» идут в ногу.

С революционной прямоотой и решительностью от этих людей быстренько избавились. Но выражение это – прижилось и даже теперь, когда несостоятельность методов большевистского руководства было блестяще показано в глобальном, 70летнем эксперименте над огромной страной и её несчастным населением, нет-нет да и услышишь этот «веский» аргумент, ставящий, как всегда, жирную точку в научном, техническом или политическом споре.

Услышав его надо понимать – перед тобой самый кондовый большевик, в какие бы демократические одежды он ни рядился, кем бы по должности или положению ни был. Так кто же находится на самой вершине управляющей верхушки общества? Кто и во имя чего, пробивается в руководители самой верхней ступени иерархии?

Какими приёмами и методами действует человек решивший, что именно он, должен возглавить государство и повести за собой миллионное население страны, подчинив их своей воле, своим фантазиям и представлению о порядке вещей?

Откуда берутся эти люди, какие действительные цели они преследуют? Почему огромные массы людей соглашаются (или вынуждены) исполнять их указания, следовать их, не всегда доброй воле?? Это тема для серьёзных научных исследований самых различных учёных. Над этим вечным вопросом ломали головы, раздумывали многие поколения философов, историков, психологов...

Ими выработаны множество всяческих сложных и замысловатых теорий. Написаны даже некие учебники по руководству большими массами людей, основанные на анализе эффективности известных по истории великих политических и государственных деятелей разных народов, разных государств.

Изучить это море источников, вникнуть, понять и усвоить дано далеко не каждому, да и не каждому это надо. У конкретного рядового члена общества, человека, своя и, увы, не такая уж продолжительная жизнь. Он хочет прожить её с максимально возможным комфортом и удовольствием, не особенно вдаваясь в проблемы, порождаемые государством.

«Тот, кто умеет делать дело – делает дело. Тот, кто не умеет делать дело – учит других, как надо делать дело, и управляет этим процессом!»

Все люди, во все времена (по рождению – генетически, или в результате особенностей воспитания) в моём представлении, делятся на три разных группы, а именно:

- **Созидатели** – это те, кто, пользуясь своей головой, знаниями, своими руками, создают материальные и культурные ценности, те, кто способны создавать новое и полезное для себя своей семьи, для общества. Те, кто приносят реальную пользу и способствуют сохранению, развитию, прогрессу человечества.

Они, в большинстве своём, сознают необходимость совместных действий для достижения общего блага, понимают, что этим процессом должен кто-то руководить, но внутренне, не приемлют насилия и диктата при осуществлении руководства, предпочитают, чтобы у руководства стояли люди, компетентность и авторитет которых был бы принят большинством членов общества.

Руководящие действия которых, носили бы характер разумной целесообразности, очевидной всем членам общества. Сами же члены этой группы не особенно тяготеют к руководящей работе и предпочитают от неё дистанцироваться, мотивируя тем, что очень заняты своей основной профессиональной деятельностью. Будучи, демократическим путём, выдвинутыми на руководство другими членами этой группы, они обычно добросовестно исполняют эти, тягостные для себя обязанности, но при этом используют мягкие не авторитарные методы, которые, увы, не всеми воспринимаются как эффективные.

Сознавая это, они делегируют права управления членам других групп (см. ниже), а потом критикуют их работу и руководящие указания, как некомпетентные. Удобная во многом позиция, но она автоматически подразумевает подчинение и следование не самым грамотным, а порой просто глупым указаниям некомпетентного, но энергичного руководителя, волею случая оказавшегося наверху. Это самая многочисленная и полезная часть населения нашей планеты.

- **Разрушители** – это те, кто не умея или не желая что-то создавать, но, обладая безудержными желаниями и амбициями, хотят пользоваться сделанным другими, присваивают себе их материальные ценности путём обмана, кражи, разбоя, или просто разрушают созданное другими, не имея возможности присвоить. В этом они видят и цель, и смысл своего существования, совершенно не задумываясь над тем, какие беды и страдания они доставляют созидателям.

Их это просто не волнует, главное, чтобы им было хорошо и удобно. В своём стремлении получать, ничего не создавая, они готовы идти на осознанный риск и не очень дорожат даже своей собственной жизнью, добиваясь желаемого. Стоит ли удивляться, что чужие жизни, если они являются препятствием для достижения их цели, для них не стоят ничего, они жертвуют ими легко и просто.

Более того, зачастую - насилие, принуждение и даже убийство себе подобных, доставляет представителям этой группы ни с чем не сравнимое по силе удовольствие от собственного могущества.

Эта группа уже не столь многочисленна, но негативные результаты их деятельности хранятся в истории, служат предупреждением для всех последующих поколений. Увы! Но они же, эти отрицательные результаты, для не такого малого числа людей являются примером для подражания, вводят их в соблазн пойти тем же путём с целью достижения личного (и своей семьи) благополучия.

К этой же группе, с известной степенью допущения, можно отнести и профессиональных военных, полезность которых, в мирное время, не столь очевидна, а потребности всегда весьма велики и имеют тенденцию к постоянному росту.

К ним же, я отношу и многочисленную группу служителей всяческих религий и культов. В отличие от предыдущих, они действуют не грубой силой, оружием, а воздействуют на психику людей страхом и обманом, подавляя свои жертвы угрозой мифической божественной кары в этой жизни или «загробной».

Цель и результат при этом тот же самый – дармовое получение желаемого, путём «добровольного» пожертвования обманутого.

Вот такие представители рода человеческого образуют жульнические сообщества, воровские и бандитские шайки, пополняют ряды военных и силовых структур, являются предводителями и активными членами всяческих религиозных объединений и церквей разного толка.

Они являются той средой, из которой обычно и выделяются те, которые образуют совсем уж немногочисленную, часть человечества, которую я определяю (естественно для себя не навязывая своего мнения другим) как -

– **Паразиты-правители** – это те, для которых уже не столько личные блага, богатство... являются целью и смыслом жизни, сколько сама возможность руководить, командовать, властвовать над большими массами людей, подчиняя их действия (а зачастую и жизни) своей воле.

Порой, члены этой группы обладают неоспоримым интеллектом, хорошо владеют методами словесного (обычно митингово-лозунгового, часто с ненормативной лексикой) убеждения больших групп населения (именно для них была разработана методика словесного подавления воли НЛП - нейролингвистическое программирование).

Воздействуя на самые простые и понятные всем потребности и даже инстинкты, подыгрывая сиюминутным потребностям и настроениям масс, они умело формируют вокруг своей личности ореол борца за интересы народа. Обретают большую популярность и многочисленных (обычно малограмотных и недалёких) почитателей, приверженцев слепо идущих за их лозунгами.

Всё это успешно используется ими для продвижения к вершинам власти. В оные времена путь их наверх сопровождался заговорами, интригами, прямым обманом устранением конкурентов, вплоть до убийств и даже военных действий, всё шло в ход и никакое преступное, а тем более аморальное, действие таких претендентов не останавливало.

Потом, уже взобравшись на «трон», они приказывали своим историкам - летописцам скорректировать исторические документы и представить своё воцарение, как законное и единственно возможное, а само правление – как некий образец для всех поколений последующих правителей и граждан ими управляемых.

Сейчас, в относительно цивилизованном мире, с развитой системой оповещения народа о событиях, такие откровенные действия популярны разве что в отсталых странах. Повсеместно развивается и овладевает умами демократическая система формирования властных элит, с этим приходится считаться и действовать изощрённее и тоньше. Как бы не хотелось побыстрее взобраться на «олимп», приходится идти на некие компромиссы с народом, разыгрывая перед ним спектакль всенародного демократического избрания.

Будучи, плотью от плоти и выходцами из предыдущей группы (разрушителей), прекрасно понимая психологические установки её членов, они успешно привлекают их на помощь себе, как силу, пригодную для осуществления своих властных замыслов и целей. Без этой, подчинённой им силы, способной принудить, с помощью насилия, к исполнению их воли, они не состоятельны.

Именно по этой причине, те же большевики, считали уголовников – социально близкими и не особенно их преследовали, взамен они получали эффективную и почти бесплатную силу используемую, вместе с охранными структурами, для подавления своих политических противников и просто недовольных граждан, в многочисленных зонах ГУЛАГа.

Собственно и сами большевистские лидеры тоже являлись, при ближайшем рассмотрении, теми же самыми уголовниками, только вооруженными, кроме наганов, ещё и «Вечно живой и всепобеждающей» коммунистической идеологией, которая, в кратком лозунговом варианте, звучала просто и понятно – «Отнять и поделить!».

Девиз знакомый с древних времён всем соловьям-разбойникам, бандитам с большой дороги и прочим, рядящимся в тогу борцов за народное счастье «Робингудам».

Другой не менее важной опорой правителей, кроме многочисленных лизоблюдов и прихлебателей «жадную толпу стоящих у трона», являются представители первой группы (созидателей), обычно самые простые, интеллектуально примитивные, но деятельные, энергичные, легковнушаемые и, при этом, самые многочисленные. Их не так сложно убедить в своих реальных или мнимых (внушенных) достоинствах, в своём праве претендовать на самые верхние этажи власти. Их отношение к правителю сродни религиозному поклонению.

Они всегда готовы, за символическую плату, подачку и совершенно безвозмездно, по внутреннему побуждению, если не обожествлять верховного правителя, то голосовать за него на спектакле выборов, а потом неукоснительно исполнять его любые, порой самые бредовые, указания, и, совместно с силовыми группами, воздействовать на тех, кто не поддался на гипноз лозунгов и призывов, а имеет наглость иметь собственное мнение о порядке вещей.

Более того, они готовы терпеть руководящее насилие по отношению к самим себе, без этого, эффективность их производительной деятельности будет недостаточно высокой. Действительно, почувствовав ослабление контроля и связанного с ним насилия, они резко снижают производительность и даже прекращают всякую деятельность, ожидая понукания и даже наказания, после которого, включаются в общую работу с новой силой, на какое-то время.

Примитивная логика их мышления сводится к усвоенной фразе - с нами иначе нельзя, такой уж мы специфический народ, доставшийся мудрому, но суровому и справедливому «вождю».

Типичное поведение раба, не имеющего никаких сознательных внутренних побудительных мотивов к труду кроме голода или кнута. Вот именно их поведение (ввиду их многочисленности) порождает у правителя ощущение того, что массами можно управлять исключительно методами насилия, принуждения и он начинает действовать так, той самой «железной рукой» постоянно усиливая нажим, «перегибая палку» до тех пор, пока не встретит сопротивление.

Но, даже ощутив противодействие, не имея в своём арсенале никаких других методов, или не желая показаться слабым (в понимании его, как представителя и выходца из группы разрушителей), такой правитель привлекает для восстановления пошатнувшейся власти заранее подготовленные силовые структуры, которые с радостью готовы исполнить любое указание «вождя».

В их понимании с этими (умными больно!) но бестолковыми гражданами (созидателями), которые не хотят понимать и принимать мудрого руководителя иначе, как через насилие, действовать нецелесообразно и неэффективно, потом поймут... а пока – палкой его по голове и в «автозак», церемонится нечего, за нами тот, «кто всё за нас решит!» и всё оправдает, да ещё и вознаградит за усердие.

В конце концов, это же ОН платит нам за службу, «работа у нас такая!» как в известной песне. Они-то и являются теми «железными пальчиками» этой самой руки.

Глухие шлемы с забралами, бронежилеты, щиты и резиновые «демократизаторы», мобильные заборчики и передвижные КПЗ – «автозаки»...

- всё это костюмы и декорации спектакля «Железная рука» - друг народа.

Пока, на наших глазах разыгрываются первые сцены и картины этого действа, но впереди ещё много и много событий. Правитель понимает, что если он ослабит давление, ситуация выйдет из-под контроля, а это конец его правления, который он привык уже ассоциировать с концом государства.

Эту мысль он, через подвластные ему СМИ, усиленно насаждает в головах населения. Те, кто не привык сам, своей головой, думать – принимают её как данность, как истину. Они и являются многочисленными и активными проповедниками метода правления именуемого «Железная рука».

Пока их больше чем умных, политически-продвинутых созидателей, такая идея будет жить в новых поколениях, воспроизводиться вновь и вновь. Выхода из этого замкнутого круга я, увы! пока не вижу.

Сложный вопрос вы мне задали, признаюсь, поставили меня перед необходимостью вновь переосмыслить некую картину мира, сложившуюся у меня в голове за предыдущую, довольно насыщенную событиями жизнь.

Как мог, за это короткое время, я выразился, отчётливо понимая, что в полном объёме эту проблему мне отразить не по силам. Ведь если включить в рассмотрение только один, но очень важный аспект, обилие и многообразие государств, способов управления ими и взаимоотношения между ними...

О!!! это тогда повлечёт за собой необходимость дополнить исследование такими понятиями как –

«Государство как осаждённый военный лагерь»

«Враждебное окружение»

«Железный занавес»

«Гонка вооружений»

«Враждебные происки извне»

«Внутренние враги» и т.п.

Дополнить может любой, кто хоть немного понимает в политике, а в свете этих понятий, правление методом «Железной руки» приобретает совсем другую окраску, начинает осмысливаться и оцениваться несколько иначе.

Спасибо Вам за ответ. Представляете, со мной такое редко бывает, даже сказать ничего не могу...

Раз уж зашёл такой разговор, то позвольте спросить вот о чём. Роль религии в обществе. Это ещё один инструмент в арсенале у власти, или государство в государстве?

Уважаемый Сандро! Этот вопрос для меня оказался не столь сложным, поскольку я очень давно в этой непростой теме. Прочитав ответ, вы поймёте, как это получилось. В данном вопросе я хорошо подкован и изощрён. Красный диплом Университета позволяет мне вести разговор о религии почти в любой момент, а моя материалистическая позиция, основанная на научных знаниях, весьма крепка и устойчива к внешним воздействиям.

Я слушал лекции и участвовал в дискуссиях с весьма продвинутыми профессорами из Александро-Невской Лавры. Мы остались довольны друг другом, но каждый, естественно, при своём мнении. Более того, мне посчастливилось, в моих многочисленных поездках по стране однажды лететь в одном самолёте с самим Патриархом всея Руси Алексием Первым! На чёрно-белом фото он с Брежневым, а будущий Алексей Второй, немного позади сбоку.

Это фото просто для напоминания о фигуре.). Тем самым, который контактировал в войну со Сталиным! Об этом у меня есть отдельный рассказ.

Скажу сразу я – атеист, а стало быть, материалист по убеждениям. Сейчас мой возраст приближается к семидесяти годам и я пенсионер. Активный пенсионер, т.е. продолжаю работать по своей основной специальности конструктором.

В нашей семье отношение к религии всегда было нейтральным. Даже от бабушки Шуры прожившей 100 лет я никогда не слышал, чтобы она проявляла какую-то религиозность. Отец знал православные традиции и канонические тексты, но это скорее по природной любознательности (просто, как культурный русский человек).

Никаких обрядов у нас не практиковалось. Бабушка Евдокия (мамина мама) в молодости имела какой-то серьёзный конфликт со священнослужителем ещё в царской гимназии. Это послужило поводом к отращиванию её от церкви на всю жизнь. Как бы ей не было трудно в жизни, она никогда не уповала на бога.

А жизнь была нелёгкая, пятеро детей и мужа нет, умер. Естественно и моя мама, мои тётки и дяди никогда не считали возможным перекладывать свои жизненные проблемы на потустороннюю силу. Мама находила возможность решать свои многочисленные проблемы, не прибегая к молитве, своими руками и головой. Правда пасху и куличи она делала мастерски, но только, как традиционное лакомство.

Естественно, что я выросший в этой обстановке, по сей день являюсь убеждённым атеистом. Мой жизненный опыт, высшее техническое и гуманитарное образование, дали мне твёрдый мировоззренческий фундамент. В своих действиях, мыслях и поступках я руководствуюсь не страхом перед карой Господней, а внутренними убеждениями и представлениями о добре и зле. В этом и проявляется свобода моей совести. Она меня пока не подводила.

Мой интерес к религии, и ко всему, что с нею связано, проявился в четвёртом классе. До этого момента, я имел о ней весьма смутное представление, поскольку среди моих родных и знакомых не оказалось ни одного верующего. О том, что существует такое явление я был осведомлён, но, как и большинство советских детей, считал это пережитком далёкого прошлого, не имеющим никакого отношения к сегодняшнему дню.

В 1954 году я впервые приехал в Ленинград. Поездка, длившаяся почти месяц (гастроли Свердловского театра), позволила мне посетить большинство музеев города и пригородов. От обилия новой информации, буквально «лопалась голова». Но в этом «море» увиденного, особо выделялись вещи связанные, так или иначе, с религией. Причём не только с православием, но и с другими конфессиями.

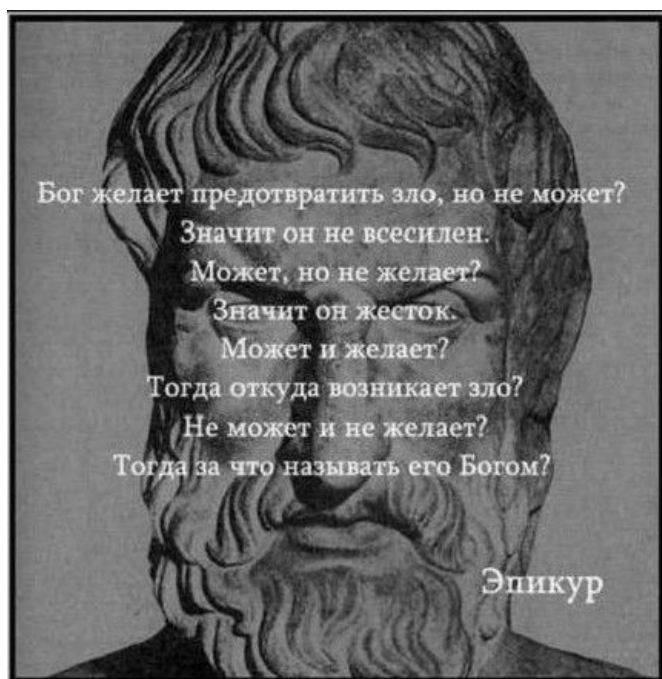
Величественные храмы, статуи, художественные произведения, музейные экспозиции (особенно богатая коллекция музея «Истории религии» в Казанском соборе) – всё это, не могло не воздействовать, на мою молодую голову. Я был предоставлен самому себе, родители были очень заняты (спектакли утром и вечером).

Посещение музеев, в то время, было свободным и бесплатным, а потому, никто и ничто не препятствовало удовлетворению моего любопытства. Я ходил по разным музеям с утра и до вечера, иногда даже забывая об обеде, за что мне не раз делали выволочки мои, уставшие за день, родители, возвращавшиеся в квартиру, что нам была снята на время гастролей.

Я пристраивался к экскурсиям и буквально ловил каждое слово экскурсоводов. Задавал много вопросов, чем немало утомлял их. В одном из залов Эрмитажа, где было много картин на библейские и евангельские сюжеты, я настолько замучил своими вопросами немолодого экскурсовода-искусствоведа, что он, в конце лекции, отвёл меня в сторонку и доброжелательно посоветовал сходить в Казанский собор и задать мои вопросы там.

Он справедливо полагал, что специалисты религиоведы будут более подробны и основательны в своих объяснениях сюжетов. Его советом я воспользовался на следующий же день. До этого, я ещё не знал, что в этом огромном храме на Невском, расположен такой интересный музей.

Два дня, я буквально не вылезал из музея и прослушал несколько экскурсионных лекций, с разными сопровождающими. Содержание этих рассказов было остро заточено на антирелигиозную пропаганду и в моём, не омрачённом ничем до этого, детском сознании оно улеглось основательно и надолго.

Уже постоянно живя в Ленинграде, я неоднократно посещал Казанский собор (в то время Музей истории религии и атеизма). Его обширные и содержательные экспозиции не оставляли камня на камне от стихийно возникавших сомнений. Интерес возникал лишь к тому факту что, несмотря на долгие годы активного (и агрессивного) внедрения атеизма, несмотря на преследования верующих властями и почти поголовное среднее (и прочее) образование, в людях до сих пор живёт вера в сверхъестественное.

Смешно и жалко смотреть на бывших коммунистов и тем более партийных и государственных руководителей, стоящих со свечкой, крестящихся и слышать от них - «Помилуй мя Господи грешного!!!». Ну, если бы это был только всероссийский эпатажник Жириновский – ему простительно, человек явно нездоров на голову. Но ведь по церковным праздникам храмы удостаивают своим присутствием государственные мужи (и дамы), считающие себя умными, образованными и уравновешенными.

Они что? Всерьёз верят в загробный мир? Боятся предстать на «страшном суде» пред ликом господним? Или это просто мода такая, как теннис при Ельцине. Я понимаю, что В.В.Путину важно в наше сложное время объединить население огромной страны под флагом общенациональной идеи. Но вот идея-то выбрана странная для 21 века. Для одной из великих стран мира.

И титул - «Раб божий Владимир», для руководителя огромной многонациональной и многоконфессиональной страны, как-то мало подходит. А представьте себе картину посещения президентом мусульманской мечети в день праздничной общей молитвы. Без обуви и на четвереньках, лбом в ковёр. А почему бы и нет? Ведь у нас мусульман – граждан России тоже не мало? И священники мусульманские не меньше Патриарха желают быть обласканными властью. А католики, буддисты и прочие баптисты, адвентисты? Их ведь тоже у нас не мало.

Да что тут говорить! Я часто встречаю своих бывших соучеников (по школе и ВУЗу) и с печалью констатирую что хорошая и даже отличная учёба ещё не гарантия становления реального мироощущения и миропонимания. Весь опыт проведения большевиками антирелигиозной пропаганды, проводимый ими негодными методами и средствами, рухнул в одночасье с их уходом от власти.

Не хочу навязывать своих взглядов, но понимаю, что человек по сути своей слаб и многим нужна постоянная психологическая поддержка в виде веры. И ведь верят во всякую глупость, а не в собственные силы и знания. Я уже не говорю о традиционных мировых религиях. Верят в мировой космический разум, инопланетян, астрологов, чумаков, кашпировских и прочих шарлатанов всяких мастей, которых развелось огромное количество в последнее время.

Для меня же есть два полюса – знание (наука) и вера это когда нет сил (или желания) овладеть знаниями. Моё желание углубить свои знания в вопросах религиозных (и прочих) верований заставило в своё время самостоятельно изучать разную литературу на указанную тему.

Жаль что этот труд по силам далеко не каждому. Гораздо проще зайти в храм и выслушать проповедь или прочитать легковесную статейку в бульварной прессе об очередном чуде или выступление заморского проповедника по TV в самое, что ни на есть дорогое время эфира.

А ведь должны быть радио и телепередачи, в которых умные и трезвомыслящие люди разъясняли согражданам суть и причины таких, якобы чудесных, явлений. И я бы предпочёл, чтобы на передачу, организованную атеистами был приглашен тот же Яков Кротов в качестве гостя и оппонента. Чтобы не он, а уважаемый и признанный всеми учёный-академик или председатель атеистического общества задавали ему каверзные вопросы. Ведь по конституции все мы и верующие, и атеисты равноправны и свободны в своём волеизъявлении и совести.

И вовсе нет прямой связи между отсутствием веры, в какого либо бога и распущенностью, хамством и прочими грехами, на которую нападают наши оппоненты – «Бога нет! Значит всё дозволено!». Атеист не совершает отвратительных поступков, гонит прочь плохие мысли, не потому, что боится бога, а по внутреннему убеждению, под влиянием своей собственной, свободной от религии, совести. И если уж совершил, что-либо предосудительное, то и грызёт его не страх перед загробной карой, а собственная совесть (у кого она сформирована).

Верующий грешит, а потом бежит каяться, в надежде на прощение господне. Получив отпущение грехов, он со спокойной душой, снова совершает грехи, будучи уверенным, что его бог простит, крадет, убивает, не снимая нательного креста и, совершив преступное деяние, ставит свечку или вносит в церковную кассу непомерную для других сумму (или возжигает пудовую свечу) и вроде как откупился. Священник, от имени бога, прощает грешника, освобождает его душу от терзаний совести.

Воистину – «Если украл, да на церковь дал – то ты уже не вор, а праведник!», как говорит Егор Булычов у Горького. А за большие деньги этого «праведника» даже похоронят рядом с церковью там, где упокоены действительно уважаемые и почитаемые праведники. Чудны дела твои, Господи!!!

Прошло много лет, и я был вынужден вновь вернуться к этой теме. Мне, как молодому руководителю и свежееиспечённому члену КПСС (таково было неременное условие назначения меня на должность начальника КБ), было предложено пройти политическую учёбу.

Партийный руководитель коллектива, по заведённым тогда правилам, обязан был периодически повышать свой политический и культурный уровень в системе политучёбы. Хочешь, не хочешь, чтобы не лишиться любимой работы, приходилось подчиняться. Мне очень повезло. Во время очередной кампании направления на учёбу мне предложили на выбор несколько факультетов нашего Питерского УМЛ.

Отказаться было невозможно и единственно, что позволялось, так это выбрать факультет. Обычно ИТР выбирали Философский, а точнее «Марксистско-Ленинская философия». С другими течениями, этой древней науки, можно было ознакомиться лишь через критику их, с позиции М-Л философов. На это серьезное, трёхгодичное испытание, поневоле, соглашались лишь те, кому надо было занять отметку о сдаче кандидатского минимума по этой «науке».

Меня такая проблема в то время не беспокоила и среди всей этой ерунды вроде Политэкономии социализма или Марксистско-ленинской философии, я увидел строчку - «ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ И АТЕИЗМ».

Это было моим спасением от нудной, трёхгодичной обязательки. Я выбрал этот факультет и ни разу не пожалел об этом. Увы, группа наша была малочисленной (всего 30чел). И это счастье досталось не многим. Если бы массовая работа в этом направлении велась подобным же образом, я думаю, что сейчас не пришлось наблюдать рецидив мракобесия.

Преподавание велось на удивление качественно и демократично. Опытные лекторы и не только из числа штатных работников политпросвета, но и действующие священники разных конфессий не боялись вступать с аудиторией в пространные и острые дискуссии.

Священники и преподаватели академии, приглашавшиеся к нам для занятий, были самые что ни на есть настоящие, действующие. Никакие не расстриги или разуверившиеся. Здесь надо дать обязательное пояснение, без которого, вы не поймёте, как такое могло быть.

В советской «стране чудес» бывало всякое и не только это. Всё дело в том, что почти все поголовно (за редчайшим исключением) работники культов, и не только православные, а все, состояли на учёте, если не в штате, системы Госбезопасности. Те, кто не пожелал сотрудничать с «органами», благополучно превратились в «лагерную пыль», ещё в достопамятные тридцатые годы.

Другие были вынуждены принять жесткие условия Системы, и являлись осведомителями, а по простому «стукачами». У них даже была формулировка, согласно которой, они действовали в этих непростых условиях. «Всякая власть – от бога!» - говорили они. Эти слова красноречиво свидетельствуют о той мимикрии, к которой прибегают церковники, дабы в любой ситуации сохранить свой прибыльный бизнес. Вот и сейчас, мы наблюдаем крепкую смычку религии и власти.

Поначалу, мы очень настороженно и с недоверием относились к этим служителям культа, оказавшимся на институтской кафедре. Но, по мере общения, «лёд недоверия» постепенно растаял. Стало понятно, что это такие же, как мы, люди, только в необычной спецодежде и не таким, как у нас, мировоззрением. Люди, безусловно, умнейшие и прекрасно подготовленные к своей миссии. Их образованность, не только в вопросах веры, но и в мирских делах и даже научных веяниях нашего времени, вызывала глубокое уважение.

Их лекции не носили характерных признаков проповеди. Агитировать нас в свою веру, у них не было никакой необходимости. Невозможность вербовки адептов из состава студентов коммунистического ВУЗа они понимали, и потому, были достаточно откровенны с нами. Это позволяло пускаться в пространные философские рассуждения и, порой острые, неформальные беседы, в ходе которых, мы ближе узнавали друг друга и проникались взаимным доверием.

Пониманию их позиций, во многом способствовали беседы и лекции, которые происходили не в стенах института, а на выезде. Посещение храмов и молельных домов, музейных экспозиций и запасников, концерты церковных песнопений в Капелле, прослушивание колокольных звонов, присутствие на службах с последующим разъяснением, происходившего на наших глазах – всё это создавало у нас целостную картину.

Нам был предоставлен доступ в хранилища библиотек, другим, прочим недоступные. Как много интересного и нового я узнал за годы обучения. Становилось понятным, как эти архаичные и консервативные церемонии и обряды воздействовали на верующую массу. Эффективность приёмов, используемых церковью, была настолько велика, что мы, которых готовили для прямо противоположного занятия, постепенно начинали понимать, бесперспективность антирелигиозной пропагандистской задачи. Один из преподавателей, знаток психологии и опытный профессор академии так отвечал нам на наши настойчивые недоумённые вопросы.

Имейте в виду – говорил он – Вы, в своей антирелигиозной пропаганде, вызываете к разуму оппонента, в расчёте на то, что путём логичных, на ваш взгляд, научных построений, убедите его в абсурдности его веры.

А мы, в своих проповедях, обращаемся к чувствам верующих. Восприятие наших слов, на сознательном уровне, здесь отсутствует. Человек воспринимает произносимое «сердцем и душой», критика содержания полностью заблокирована. Именно с целью введения человека в такое состояние, церемониал службы обставлен так сложно и пышно. Это всё, отрабатывалось веками и многократно повторялось, из года в год, из века в век.

Мерцание многочисленных свечей и лампад, обилие ликов икон обративших свои взоры на молящегося, блеск одежд служителей, их распеваемая речь, гулко отдающаяся под сводами храма, мерные взмахи кадила, и даже запах сгорающего воска и курящегося ладана – всё это вводит прихожанина в нужное нам состояние. Все эти, сопутствующие церковной службе, атрибуты активно воздействуют на глубинное сознание верующего.

Восприятие слов, произносимых священнослужителем, более глубокое, нежели то, что происходит на сухой академической лекции атеистического пропагандиста-лектора, каким бы подготовленным профессионалом он не был. Да и приводимая лектором аргументация, несостоятельности божественных текстов, поиск в них несоответствий, противоречий и прочие приёмы из стандартного набора пропагандиста, подразумевают определённую подготовленность слушателя, наличие у него желания вникать в логику и аргументы, сопоставлять и анализировать, а это уже интеллектуальный труд и необходимость мобилизации разума.

Далеко не все слушатели к этому готовы и на такое усилие способны.

При этом, имейте в виду, что речь идёт о неверующих и колеблющихся слушателях.

О тех, кто, в силу разных причин, не попал ещё под воздействие церкви.

Собственно, среди них, и только среди них, можно вести свою пропагандистскую работу.

Но сразу скажу – успех не предопределён. Попытки, с помощью таких приёмов «в лоб», воздействовать на верующего человека, заведомо обречены, на сокрушительный провал. Вам НИКОГДА! не удастся разуверить человека, мотивируя аргументами логики и здравого смысла. Верующий, вас просто не услышит.

Нет! Культурный образованный и выдержанный верующий вас выслушает, он даже будет кивать вам в знак понимания сказанного, но внутренне будет жалеть вас как малое дитя, которое не хочет знать простую истину, понятную ему - слушателю. Он даже ни разу не возразит, не опровергнет ваши логические построения. Промолчит и останется при своём мнении, тем более что это фундамент его мировоззрения, его жизненная опора. Он просто не пожелает ничего менять в своей жизни.

Как поступают, в этой ситуации, малограмотные маргиналы, верующие фанатично, вы уже сами не раз наблюдали и на себе испытали. Эта публика, не стесняясь в выражениях, даст вам такую хамскую отповедь, что вы надолго утратите свой пропагандистский пыл. Поэтому, всегда учитывайте ситуацию и не бросайтесь очертя голову в бесплодную и порой опасную полемику с верующими.

Отдельно, скажу вам, о беседах со служителями культа, с теми, кто прошел многолетнее углублённое обучение в высших и средних учебных заведениях патриархии. Здесь вы потерпите поражение неизбежно.

Вузовская подготовка священнослужителей предусматривает специальные дисциплины (полемика, «наука ведения споров» - один из профильных предметов) и практики, готовящие к работе в любых условиях, с любыми оппонентами.

И знание вероучения, изложенного в канонических и других трудах, у священников, не в пример, лучше вашего. Многие, из выпускников Академии и даже простых священников, знают богодухновенные тексты наизусть и ориентируются в них с закрытыми глазами.

Если вы, с вашими научными знаниями, будете вести такую сложную мировоззренческую беседу публично, т.е. в присутствии других слушателей, то далеко не факт, что победа будет на вашей стороне.

Скорее всего, вы расстанетесь, каждый при своём мнении, но реакция непредвзятых слушателей будет не в вашу пользу. Именно поэтому, и не проводят диспутов на религиозные темы в СМИ. Эффект от таких шоу, будет прямо противоположным, задуманному устроителями.

Вот почему, церковники, так отчаянно стремятся, под любым видом, проникнуть в учебные заведения, особенно в младшие классы. То, что они «посеют» в молодые, не окрепшие в своём мировоззрении, головы, вынуть оттуда будет уже НЕВОЗМОЖНО.

Опасаясь этого, большевики-атеисты напрочь перекрыли доступ в школы, своим заклятым врагам и конкурентам, любым служителям культа. Отчаявшись победить веру в открытой борьбе, они быстро перешли к, присущим им, методам устранения этого, укоренившегося в сознании людей явления – пуля в затылок оппоненту и никаких дискуссий, храмы разграбить, взорвать и нет предмета для обсуждения.

Всё делалось для того, чтобы взамен одной религии, силовым путём создать другую. То, что коммунизм, это тоже религия подтверждает наличие всех составляющих сопутствующих религиозному культу, а именно:

- вероучение – труды классиков Марксизма-Ленинизма и их многочисленных последователей, канонизация их учения, требование от членов организации постоянного изучения этих трудов, категорическая нетерпимость, к любым другим учениям и культам, жестокая борьба с попытками хоть малейшей модернизации учения,
- культ – поклонение умершему вождю, мифологизация его жизнеописания, сохранение его мумифицированного трупа, размещение на видных общественных местах портретов его самого и последователей (те же иконы), строгая иерархичность, в построении самой организации и вертикальная беспрекословная подчинённость,
- обрядность – повторяемые периодически демонстративные действия прославления вождя и пение гимнов в его честь, многократное повторение его цитат, собрание

приверженцев (адептов веры) с хоровым пением гимнов и произнесением канонических заклинаний, празднование этапных моментов, создания нового культа, биографических событий жизни его вождей, сопровождаемое с массовым коллективным хождением под музыку ношением портретов и лозунгов (цитат из их трудов).

- требование безоглядной веры в насаждаемое учение.

Веры, не в загробное воздаяние, а веры в некое мифическое «светлое будущее», конкретные сроки, наступления которого, отодвигались, и отодвигались в бесконечность. Кто-то, из проводников новой религии, понимал утопичность её целей, а многие просто ПОВЕРИЛИ, что такое общество, всеобщего благоденствия, возможно построить. Эти «новые верующие» всеми силами и душой стремились воплотить её в жизнь, не считаясь с издержками и жертвами.

При этом, совершенно не учитывался тот факт, что в народном сознании, гонимая вера, ещё более привлекательна. Своими методами, большевики очень осложнили жизнь последующих поколений. Теперь в головах у населения прочно укрепились ассоциативная связь большевик – атеист.

Научное познание мироустройства, тоже опорочено, как орудие ненавистных адептов коммунизма. Опять вспыхнул и разгорается спор сторонников и противников Дарвинизма, который, казалось, вполне угас в оные времена, под давлением неопровержимых фактов, представленных наукой!

Мрачную картину я вам нарисовал. От неё веет какой-то безысходностью. Наша борьба с верой и её убеждёнными фанатиками носителями, напоминает сражение с ветряными мельницами, известного литературного героя. Поэтому, я предлагаю собратям по разуму – атеистам (а себе постоянно повторяю), умерить свой пыл и поберечь своё драгоценное здоровье. Мы ещё будем нужны людям.

Наши научные знания, ещё помогут спасти не мало людей от смерти, улучшить нашу жизнь. Пусть это будет вам утешением и наполнит смыслом вашу жизнь. А борьбу, с этой многоголовой гидрой, поведут те, кто обладает для этого большими, чем у нас, силами. Но почему-то, мне сдаётся, что если это и произойдёт, то произойдёт очень не скоро.

Человеческой природе (а женской в особенности) присуще ожидание и надежда на чудо. Сколько не учи наукам, а всё равно, в головах многих теплится – «А вдруг?»!!! Ну что с этим поделаешь?

Меня всегда интересовал тот факт, что, несмотря на научно-технический прогресс и развитие общества, множество людей (особенно женщин, а в конструкторах их было до 80%) продолжают верить в чудеса. Причём не в «чудеса» научные, а в самые примитивные чудеса вроде обновления и «плача» икон, явления отдельным экзальтированным верующим видений теней святых, спонтанные исцеления под влиянием молитв от якобы неизлечимых болезней и тому подобное.

Увы, но в наше время, когда православная церковь явно претендует на роль государственного органа. Активно вмешивается в жизнь общества, навязывая свои замшелые догмы под знаменем борьбы за мораль и нравственность. Умело и настойчиво использует достижения науки и техники для неприкрытой пропаганды своих догм.

«Освящение» космического корабля перед стартом.
21й век!

Печально сознавать, что голоса атеистов почти не слышны в средствах массовой информации. А ведь есть в стране ещё люди стоящие на твёрдых научных материалистических позициях.

И в то же время я с грустью воспринимал неосторожные высказывания о Боге и душе тоже уважаемого академика Бехтеревой. Рассказывая о своих научных исследованиях высшей нервной деятельности, она столь образно описывала свои ощущения, что у неподготовленного слушателя вполне могло создаться впечатление о научном подтверждении наличия того, что церковники называют душой.

Не надо говорить, что это было моментально подхвачено клерикалами и стало в их устах весомым аргументом научного подтверждения наличия души, а стало быть, и Бога. Учёные с мировыми именами должны быть осторожнее в своих высказываниях, дабы не давать повода заявлять с амвонов и кафедр о некоем слиянии науки и религии в 21м веке.

Вот если, наши коллеги врачи, учёные найдут, наконец, «эликсир бессмертия», это будет серьёзным ударом по верам (всем верам и сразу). Потому что, вера в загробную жизнь, и есть основа всех религий. А страх перед смертью, плодит всё новых и новых верующих. Пожить-то подольше хочется!

Все мы не так давно наблюдали выметенную от мусора и людей Москву, в день торжества демократии по-русски. Телевидение старалось показать эту церемонию во всех деталях и великолепии...НО!

Самая важная часть "коронации" президента прошла за стенами храма, вдали от телекамер. Раб божий Владимир приложился к иконе, а три попа в полной парадной амуниции снисходительно разрешили ему проделать эту архаичную церемонию. На лицах у них ясно было видно блаженное удовлетворение. Новоиспеченный "Царь горы" и "Раб божий Владимир" склонился перед ними в поклоне, а, стало быть,..... Главнее-то патриарх, как первый после бога!

Это он дозволил лобызать святыню. Ну и где тут светское государство? Где 21й век с его прогрессом и инновациями??? Средневековье в чистом виде. Пётр Первый, между прочим, перед попами поклоны не клал! Он "клал" на них на всех! Знал свою цель и дело. Ему не надо было испрашивать поповского соизволения на царство и на дела государственные.

Вот она, наша сегодняшняя действительность! А я тут выступаю против мракобесия!

Знаете, есть, скажем так, некоторые вопросы, но прежде чем перейти к ним, позвольте спросить Вас, а что это за рассказ связанный с Патриархом всея Руси Алексием Первым?

Благословенный полёт

Тёплым весенним утром я возвращался домой из командировки в Москву. Уже завершилась посадка в ТУ104. Но трап не отводят и стюардессы стоят у открытой двери. Мы ждём в салоне, поглядывая время от времени в иллюминаторы. На улице тепло, вентиляция не работает и постепенно в салоне становится душно. Среди пассажиров возникает и усиливается ропот. Чувствуется, что возникла какая-то нештатная ситуация.

По салону начинаются разговоры, подёрнутые мрачным юморком, о всяких сложностях, порой возникающих, при полётах на этом типе самолётов. Кто-то даже напел в полголоса, куплет из популярной в то время бардовской песенки, на мотив похоронного марша –

« ТУ 104 – САМЫЙ ЛУЧШИЙ САМОЛЁТ!
ТУ 104, НИКОГДА НЕ УПАДЁТ!...»

На милых личиках стройных стюардесс, застывших у входного люка, напряженное каменное выражение. Они никак не реагируют на оживление в пассажирском салоне. Наконец всё проясняется. По лётному полю, к трапу подкатывается кавалькада чёрных «Волг», возглавляемая шикарной представительской «Чайкой» - стандартным для тех времён «членовозом».

Длинная, громоздкая, бронированная машина остановилась точно напротив трапа и замерла. Находившиеся в нашем салоне пассажиры, прильнули к иллюминаторам, стараясь не упустить малейшие нюансы, происходящего на поле представления. А происходило, на наших глазах, следующее.

Из машин сопровождения суетливо выскочили четыре человека в необычной чёрной длиннополой одежде, с островерхими шапочками на головах, тоже чёрного цвета.

Хорошо отрепетированным маневром они выстроились у боковой задней двери главного автомобиля, по двое с каждой стороны образовав некое подобие живого коридора к трапу самолёта.

Ещё двое сопровождающих, вынув из багажника «Волги» свёрнутую в рулон ковровую дорожку, сноровисто раскатали её от автомобиля до трапа. На трапе уже лежала, ниспадая волнами, повторяющими ступени, похожая по виду дорожка, но другого оттенка красного цвета. Ещё при посадке, я обратил внимание на это украшение трапа, но тогда подумал, что это ещё одна новинка сервиса Аэрофлота. Теперь стало ясно, что к этому визиту готовились заранее и трап, был подготовлен, отнюдь не для нас, рядовых пассажиров.

Наконец наступил момент, которого все мы напряженно ожидали у иллюминаторов. Один из стоящих у машины сопровождающих распахнул заднюю дверь салона автомобиля и застыл, придерживая её, склонив голову в почтительном поклоне. Остальные трое тоже опустили головы. Из двери сначала показалась рука держащая длинный посох, увенчанный золотым шаром размером с хороший кулак, из верхушки которого торчал усыпанный бриллиантами крест.

Яркое утреннее солнце, рассыпавшись на гранях камней, создало вокруг креста фантастический радужный ореол. Впечатление, произведённое этой феерией, было настолько неожиданным и сильным, что по салону пронёсся вздох восхищения. Среди пассажиров, столпившихся у иллюминаторов, было не мало женщин, которые, в этот момент, не смогли сдержаться.

Представление, тем временем, продолжалось. Следом за посохом, из темноты салона показалась волосатая седая голова, покрытая высоким цилиндрическим головным убором, ослепительно белого цвета, нижняя часть которого была оторочена длинным шлейфом из лёгкой, такой же белой, полупрозрачной ткани. Бриллиантовый крестик, нашитый спереди на убор, так же брызнул всем в глаза радужными брызгами. В салоне разнёсся второй вздох.

И, наконец, показался тот, кому принадлежала рука с посохом и седая голова. У раскрытой двери «членовоза» во весь свой высокий рост распрямился солидный полноватый мужчина, в длинном, до пят, одеянии свободного покроя, с большими широкими рукавами раструбами. Из-под широкой, белой, слегка кудрявой бороды его, на красивой ажурной цепи висел массивный крест и от него до самого низа платья, выбегала пунктирная дорожка из блестящих золотых пуговиц.

От фигуры так и истекало, распространяясь вокруг, благородство и умиротворение. Чёрные фигурки служителей эскорта, в сопоставлении с этим живым памятником, стали как бы ещё меньше и невзрачнее, ещё ниже опустили свои головы и даже согнули спины, всем своим видом выражая почтение.

Представшая перед нами всеми личность поворотом головы осмотрела самолёт, затем, воздев руку свободную от посоха, широким плавным жестом троекратно перекрестила сиявший на солнце летательный аппарат. Затем опустила руку, с вяло повисшей кистью, вниз на уровень пояса и к ней по очереди стали быстро подходить сопровождавшие его люди в чёрном. Не поднимая своего лица, они слегка приседали, сгибая колени, и губами прикладывались к этой руке, униженной перстнями. Так же, не разгибаясь, они отступали назад, предоставляя место другому.

Во время такого отхода над головой каждого совершалась короткая, отработанная до автоматизма, процедура крещения - благославления.

Все походившие, вновь заняли свои места и только тогда, главная фигура, плавно сдвинувшись с места, направилась по ковровой дорожке к трапу. Собственно движение воспринималось со стороны, как некий плавный полёт над ковром. Лишь когда лёгкий ветерок зашевелил длинные полы одеяния, при каждом шаге стало видно, что это всё-таки шаги, а не полёт. У нижней кромки подола появлялись поочерёдно носки чёрных лакированных туфель.

Приблизившись к нижней ступени трапа, человек совершил ещё одно крестное знамение и степенно начал подниматься по ступеням. Стюардессы, стоявшие наверху, невольно напряглись по стойке «смирно» и даже дежурные улыбки на их лицах, приняли застывшее почти кукольное выражение. Поднявшись на верхнюю площадку, фигура всем телом развернулась, и, осмотревшись по сторонам, вновь широко перекрестила на три стороны, и здание аэропорта со шпилем, и находящиеся поблизости самолёты, и автомашины, и людей в чёрном, стоящих в каменных позах на прежних местах.

Торжественная часть церемонии окончилась. Человек развернулся, намереваясь войти внутрь самолёта. Нас, всех присутствовавших и наблюдавших это, необычное для советских людей, зрелище, остро интересовал один вопрос. Как этот высокий человек, да ещё в таком головном уборе, сумеет пройти низкий и узкий входной люк, перед которым даже пассажиры среднего роста наклоняли голову.

Всё решилось до удивления просто. Не выпуская из руки посоха, человек привычным движением снял свой высокий убор, обнажив при этом голову, покрытую густыми седыми, слегка вьющимися, длинными волосами, без малейшего намёка на лысину, наклонился и, слегка присев, шагнул внутрь. При этом, он в одной руке держал свой белый цилиндр с ниспадающим шлейфом, а рукой с посохом ловким жестом подобрал переднюю часть своей длинной одежды, так же изящно, как это делают светские дамы на торжественном приёме.

Оказавшись во входном тамбуре, он распрямился, осмотрел нашу толпу, замершую в проходе между рядами кресел. Все наши лица, обращённые к вошедшему, выражали напряжённое внимание и острое любопытство. А зрелище, увиденное нами, стоило этой гаммы чувств. Горделивая, почти царственная посадка его седой головы, уже одним видом своим показывала, что обладатель её очень важная церковная фигура. Внимательный, строгий и в то же время доброжелательный взгляд его, коснулся каждого из нас и оставил в душе какое-то, трудно объяснимое, чувство благодати.

На художавом лице его, как бы сошедшем с канонической иконы, отразилось некое подобие простой человеческой улыбки. Он, наверное, понял наше состояние и, желая разрядить обстановку, освободил правую руку от убора, придерживая его рукой с посохом, плавным размашистым движением перекрестил всех нас, наслаждался произведенным впечатлением и, развернувшись в тесноватом тамбуре, шагнул в носовой салон и скрылся за занавеской, торопливо задёрнутой стюардессой, скользнувшей следом за ним.

Непривычное оцепенение, охватившее нас пассажиров, в подавляющем большинстве своём людей неверующих, медленно разрядилось. Оживлённо обсуждая всё увиденное, мы разошлись по своим местам.

Если бы не внутренний интерьер, чуда современной отечественной техники «ТУ 104», то можно было подумать, что все мы стали свидетелями и участниками какого-то фантастического представления, разыгранного на наших глазах, талантливыми актёрами, одетыми в костюмы, характерные для прошлого века. Было что обсудить между собой.

Вторая стюардесса, повозившись у входного люка, закрыла его, отряхнула и одёрнула свою форменную одежду. Коротким взглядом, посмотрелась в висящее на стене тамбура небольшое зеркало, поправила на голове синюю пилотку и с традиционной улыбкой шагнула в наш салон. Лица всех пассажиров, обращённые к ней, были полны ожидания разъяснений. Она поняла наше любопытство и после традиционного аэрофлотовского приветствия, наконец, внесла ясность.

«Уважаемые пассажиры – сказала она, едва сдерживая восторженные интонации – Вместе с нами в Ленинград совершит деловую поездку глава Русской Православной церкви его святейшество патриарх Алексий (Симанский)!» (впоследствии его именовали не иначе как Алексий Первый)

«Обычно, для таких поездок, ему предоставляется отдельная машина со специальным экипажем, но ввиду срочности и важности визита в город Ленина, его святейшество счёл возможным воспользоваться обычным рейсом наравне с рядовыми советскими пассажирами.

Для нашего экипажа Коммунистического труда – далее следовали не запомненные мною фамилии, должности и звания членов экипажа, отмечу только, что и командир и второй пилот были лётчиками первого класса, а командир, к тому же, кавалер ордена «Трудового Красного Знамени» - это большая честь и знак особого доверия.

Аэрофлот и наш экипаж приносит вам свои извинения за доставленные неудобства и небольшую задержку рейса. В воздухе мы постараемся наверстать её. Просьба проявить понимание и сохранять спокойствие».

В этот момент самолёт дрогнул и начал плавное движение на буксире. Я бросил взгляд в иллюминатор. Трап давно отошел. Но на поле ещё стояли автомобили и чёрные фигурки провожающих. Красной ковровой дорожки уже не было.

В салоне вновь зазвучал приятный голос нашей стюардессы. «По прибытии в аэропорт назначения город Герой Ленинград, высадка будет производиться не у здания аэропорта, как обычно, а немного поодаль. К вокзалу вас доставит специальный автобус, встречающие уже предупреждены. Свой багаж, у кого он имеется, вы получите своевременно в зоне ожидания». И последние её слова – «Просьба пристегнуть ремни. Желаем вам приятного полёта!» - потонули в мощном гуле запускаемых турбин.

И что интересно. Обычной на взлёте, напряженности в поведении пассажиров, которая была подмечена мною в моих предыдущих полётах, не было и малейшего следа. По лицам то и дело проскальзывали улыбки, попутчики оживлённо обменивались впечатлениями и комментировали всё увиденное. Мрачный юмор ожидания, сменился почти весельем, то и дело, в разных частях длинного салона, слышались вспышки жизнерадостного смеха. Уже никто не вспоминал песенку, наводившую на тоскливые размышления полчаса назад.

Незнакомые до этого люди просто нуждались в общении. Всех распирала потребность поделиться личными ощущениями от пережитого. Мой сосед, грузный полноватый мужчина старшего возраста, явно какой-то опытный и пробивной снабженец, наклонился к моему уху и стараясь перекрыть шум вошедших в стартовый режим двигателей прокричал – «Вот теперь-то, мы можем совершенно не беспокоиться о благополучии нашего полёта. Сам господь позаботится о том, чтобы всё было по высшему разряду.

С таким важным попутчиком можно лететь хоть во Владивосток, хоть в Америку. На худой конец, если техника подведёт, то в такой кампании нас примут на том свете с распростёртыми объятиями! Этот дедушка с господом, наверное, ежедневно общается!» Он весело рассмеялся и огляделся по сторонам, ожидая реакции соседей по салону, но слышал его шутку только я, самолёт набирал скорость по взлётной полосе и двигатели буквально ревели. Сменив выражение своего лица на серьёзное, он закончил фразу. – «Да что там с богом, он даже лично со Сталиным, почти два часа беседовал!!!

Осведомлённость соседа в вопросах Православной религии была неисчерпаемой, за время короткого часового полёта, я, совершенно до этого далёкий от этой темы молодой студент вечерник, узнал много нового и весьма любопытного.

Я с самого первого полёта полюбил этот, необычный для будничной жизни, процесс и всегда предвкушал впечатления от него, как некий приятный аттракцион. И даже сознание того факта, что, в определённой степени, этот аттракцион не вполне безопасен, щекотало мои молодые нервы и доставляло приятное возбуждение. При этом, мне было особенно приятно, расположившись у иллюминатора, наблюдать все фазы полёта начиная с первых толчков движения по дорожке, кончая той секундой, когда замолкали выключенные после посадки могучие двигатели и воцарялась необычная после долгого шума тишина.

Особенно мне нравился взлёт, когда мелкая, учащающаяся дробь и вибрация от колёс, несущихся по полосе, вдруг прекращалась, начинался собственно полёт с крутым набором высоты. Мои тренированные уши водолаза, совершенно спокойно переносят быстрое изменение воздушного давления и не доставляют никаких неприятных ощущений, как большинству сидящих в салоне, я просто не замечаю этих перепадов, всецело поглощённый созерцанием, открывающейся перед моим взором картины. В этот момент, никакая сила была не способна оторвать меня от прозрачного, слегка выпуклого наружу, круглого окна.

Стремительно уходящая вниз земля, наземные строения аэропорта, отдельные деревья, сливающиеся в рощи, и аккуратные многоугольники скверов и парков, дороги и улицы, с ползущими по ним автомобилями, квадраты полей и пропадающий в туманной дымке беспредельно расширяющийся горизонт. Жаль только, это зрелище продолжается не так долго, самолёт ныряет в облака и, подрагивая на воздушных завихрениях всем своим корпусом, вплоть до концов крыльев, пронизывает их. Облака так же быстро отходят вниз и, ослепительно белым в лучах высотного солнца ковром, закрывают ставшую тёмной картой земную поверхность.

Только в тех, редких для наших широт, случаях, когда полёту сопутствовала ясная безоблачная погода и можно было на всём протяжении маршрута видеть землю, я любил, разглядывая землю с большой высоты, проверять свои познания в географии и память на характерные детали рельефа: реки, озёра крупные водоёмы, ориентироваться, представляя себя в роли если не лётчика то, как минимум, штурмана несущего меня самолёта.

Тем временем, наш полёт, начавшийся столь необычным образом, продолжался. Мой сосед слева, почувствовав во мне заинтересованного свежего слушателя, распался в красноречии. Сыпал событиями фактами истории и теми деталями церковной жизни и быта, узнать которые, в наше пронизанное атеизмом время, было невозможно, да и не от кого.

Не отрывая взгляда от окна, я слушал его льющуюся потоком речь, изредка поддакивая или задавая короткие вопросы- реплики. Оказывается, что Алексей, ещё будучи митрополитом, всё время блокады прожил в осаждённом Ленинграде. В холодном, нетопленном, освещаемом только светом лампад и тоненьких, редких в то страшное время, свечек кафедральном Никольском соборе, проводил он богослужения, проповедями и молитвой поддерживая ленинградцев, призывая к стойкости в борьбе с захватчиками.

И что удивительно, несмотря на всю антирелигиозную пропаганду, проводимую советским правительством, в храме всегда было много народу, иногда даже заходили люди в военной, чаще морской, форме. За эту патриотическую деятельность в дни блокады Алексей был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Интересное это явление, разговоры в дороге. Сосед, которого я про себя назвал - «снабженец», совершенно не знал меня, видел впервые, мы даже не представились друг другу, но та откровенность, с которой он осыпал меня, известной ему, совершенно необычной мне, молодому советскому студенту, информацией, очень подкупала и располагала к определённой симпатии. А знал он, действительно много, и слушать его было очень интересно, поскольку мои познания, в этой специфической области, были весьма скудны.

Слушая попугайчика, я невольно сопоставлял льущийся из него поток информации, с тем, что мне было известно о религии до этого дня. Кое-что, из того, что рассказывал мой сосед по полёту, было мне известно, но большинство информации, особенно о Русской Православной Церкви было совершенно для меня новым, ранее неизвестным, а потому вызывало интерес. Я слушал его с вниманием и время летело незаметно.

Полёт наш, между тем, близился к завершению. Час полёта до Ленинграда миновал. Двигатели изменили тон и началось снижение. По внутренней трансляции вновь попросили прекратить перемещение по салону, занять места и пристегнуть ремни. Крылатая машина, подрагивая всем корпусом, пробила по-ленинградски низкую облачность. Вновь показалась земля.

Под крыльями вначале просматривались поля и перелески пригородов. Мы перелетели ленту Невы и на малой высоте обогнули город с севера, пролетая над районами новостроек «Гражданки», вновь оказались над водной гладью Финского залива, курсом на аэропорт Пулково. Самолёт тряхнуло, вышли шасси, и, спустя минуту, их колёса коснулись бетонной полосы.

Всё это время я, увлечённо прикипший к иллюминатору, совсем забыл о соседе, не слушал его. Лишь когда аппарат, свернув с посадочной полосы на боковую, дорожку замер и заглушил двигатели, до меня донёсся громкий смех и голос соседа. «Ну вот! Долетели, с божьей помощью!!!»

К нашему самолёту оперативно был подан заранее пригнанный трап, на ступенях которого коврой дорожки не было, всё было как на обычных рейсах. Пассажиры потянулись к выходу. Пошли и мы с соседом. Проходя мимо зашторенного переднего салона прикрываемого улыбающейся стюардессой, я услышал звон стекла и посуды, там происходила дорожная трапеза. Оживлённой толпой, покинув машину, все мы плотно разместились в подошедшем автобусе, а самолёт поплыл мимо нас буксируемый в другое, более почётное, место, к низкому зданию старого ленинградского аэропорта.

Автобус высадил нас у лёгких навесов, которыми обозначалась в те времена, зона прилёта и выдачи багажа. Подъезжая к аэровокзалу, мы могли наблюдать из окон финальный акт спектакля, свидетелями и невольными участниками которого, мы все стали.

На площадке со стороны лётного поля перед вокзалом стояли многочисленные чёрные автомашины, У выстеленных по асфальту красных дорожек толпились люди в чёрном и белом одеянии, а по трапу, тоже покрытому ковром, величественно спускался наш попугайчик, поддерживаемый под руки двумя слугами в чёрном. Процедура повторялась в обратном порядке.

Те же крестные знамения на все стороны, целования руки и троекратные поцелуи с встречающими в белых одеждах. Сверкания бриллиантов не наблюдалось, погода была наша, ленинградская, пасмурно, ветер и низкие мрачные тучи, сплошь перекрывшие небо. Хорошо хоть господь не устроил дождя, смилоствовал к своему полномочному представителю на земле.

Багажа у меня никакого не было, одна сумка через плечо (командировка была краткосрочная) и я, минуя ожидавшую толпу встречающих, устремился на рейсовый автобус, курсирующий до города. Необычное путешествие для меня закончилось. Но нет! Судьбе было угодно напомнить мне о нём ещё раз.

Уже при подъезде к городу наш автобус вдруг свернул на обочину и остановился. Спустя минуту-две мимо нас, в направлении к городу, по пустому Московскому шоссе пронеслась многочисленная кавалькада чёрных машин с сиренами и мигалками. Патриарх Алексей Первый, видимо, очень спешил по своим божественным делам!

Так мои пути, на короткое время, пересеклись, и даже совпали, с одним из почитаемых ныне «святых» нашей церкви, самой Православной (правильно славящей Господа) церкви на всей земле!

Прочитал с большим интересом! Вы так написали, что как будто я сам побывал там...

Уважаемый Константин, возникли даже не вопросы, а возникло желание немного пофантазировать. Хорошо, давайте представим, что религии нет. Вот вчера была, а сегодня её не стало. Что на Ваш взгляд будет происходить в обществе? Ведь в любом обществе, религия это некая объединяющая сила, которая в той или иной степени не даёт человеку проявлять свои худшие качества...

М м м да!

Необходимо обладать весьма богатой фантазией, чтобы представить себе подобную ситуацию. Одного материалистического мировоззрения тут не достаточно. Для осмысления подобной модели понадобится ввести одно существенное условие. Рассмотрение её возможно (и корректно) лишь при исчезновении всех религий на всей земле! В противном случае, оставшаяся где-то даже простейшая вера, непременно даст рецидив и со временем овладеет освободившимся пространством полностью, превратившись в монопольную (и более страшную) психическую болезнь людей, напоподобие глобального чумового мора.

Можно ответить кратко и на этом просто закрыть вопрос, перенеся его в отдалённое будущее или на учёную аудиторию, повергнув этих умных людей в бесконечный и бесплодный спор о возможных последствиях такой, не боюсь этого слова, глобальной катастрофы, сопоставимой резвее что, с мировой атомной войной! Именно так, а не иначе, я представляю себе развитие событий.

Но этот мрачный прогноз, моё предположение, я отложу на конец своего ответа, а пока Попытаюсь провести читателя по узкой, долгой, трудной, в чём-то даже опасной, тропе с самого первого шага. Придётся углубиться в самую древнюю историю, ко времени появления на земле человека мыслящего прямоходящего (хомо сапиенс эректус).

С самого своего естественного эволюционного зарождения (как атеист, я сознательно опускаю и не рассматриваю возможность одномоментного появления человека разумного в силу акта некоего «творения» или привнесения его в готовом виде инопланетным разумом) первобытный человек постепенно пытался осмыслить и осознать окружающую действительность, определить своё место в этом огромном, часто враждебном мире.

Первобытный мыслитель был подобен малому ребёнку, задающему самому себе (обратиться-то за ответом было не к кому) множество вопросов.

– А что это такое? А почему? Зачем и для чего это? Как понимать и как относиться к этому? Как поступить, чтобы не погибнуть от голода не пропасть от непонятных явлений природы? Откуда всё это взялось и кто я такой по отношению к этому миру?

Его пугала и бездна ночного неба, усеянная мириадами звёзд, и кажущаяся безбрежной и бездонной равнина океана, мрак ночи или темнота дремучего леса, землетрясения и вулканическое извержение, молнии и гром с неба, страшные наводнения, селевые потоки и оползни, ледяной и снежный холод зимы, кажущееся разумным поведение диких животных и хищных зверей... Было чего бояться слабому ещё первобытному человеку.

С другой стороны утешало, что есть и не страшные и даже полезные явления, как небесное светило – солнце, которое согревает и оживляет всё вокруг, а белые снежные вершины далёких гор дают столь необходимую всему живому воду и даже пламя огня, столь страшное во всепожирающем лесном пожаре, будучи приручённым в очаге, становилось добрым и ласковым, помогало готовить более вкусную пищу, согревать холодную пещеру и освещать её, отпугивать хищников...

Не находя ответов он (древний мыслитель) выдумывал своё объяснение. Он наделял, всё ему непонятное, некоей сознательной волей, одухотворял его. Так появилась вера и природные явления обрели вид неких духов – солнца, воды, ветра, огня, разумного (в его понимании) зверя... всего, что его окружало. Приняв это миропонимание и мироощущение, человек мыслящий нашел в этом утешение и облегчение – что понятно уже не столь страшно.

В дальнейшем, этот человек пользовался им сам и делился своей выдумкой с соплеменниками. Так выдумки одних, становились истиной для других, чей мыслительный аппарат был не столь развит, а страх перед необъяснимым более сильным, менее способных к размышлениям, изрекший эту «истину» становился у них почитаемым остальными Учителем (условно назовём его так).

Даже вождь племени, видя, как благотворно и успокаивающе действуют на соплеменников эти объяснения Учителя, уважал его и делился с ним частью своей власти, приближал, ублажал его, советовался по разным вопросам. Так складывался, существующий и поныне, союз религиозных и светских лидеров. Фантастические «открытия» и домыслы Учителей легли в основу процесса религиозного познания мира, развитием и углублением этого процесса, не прекращающегося и по сей день. Этим занимались многие поколения религиозных философов – жрецов, монахов, служителей всяческих культов, историков...

В результате этой работы образовалось многообразие всяческих вер, верований, суеверий... В этом отражается длительный и сложный процесс становления религиозного сознания у представителей разных стран и народов. Именно в форме религиозных представлений и замысловато сформулированных догм в сознание людей внедрялись социальные, морально-нравственные, идеологические установки, помогающие правителю канализировать совокупную энергию сообщества в нужное ему русло.

Общество становилось более управляемым, послушным правителю. Союз религиозных деятелей с правителями становился всё более тесным. В некоторых государствах правитель и верховный иерарх господствующей церкви совмещался с главным правителем в одном лице (или просто объявлялся живым воплощением бога) и тогда образовывалось религиозное государство!

Господствующая вера в таком государстве насаждается сверху насильственным путём, все, кто не придерживаются её (или придерживаются любой другой веры), либо подлежат изгнанию, либо просто уничтожению!

Государства, в которых исповедуются другие веры – объявляются врагами, против них организуются войны с целью обращения в свою веру побеждённых народов. Такие войны, как правило, объявляются священными, угодными своему богу. Сколько кровавых событий, человеческих жертв и страданий принесено на алтари всяких богов – не поддаётся исчислению.

По сей день, межгосударственная и межконфессиональная конфликтность на этой почве нисколько не утихает, а лишь обостряется. Вот откуда и пришла к нам ВЕРА, так появились и развились до современного состояния все мировые религии известные на сегодняшний день.

Так возникло и чёткое разделение всего человечества на миллионы верующих, принявших за истину проповедуемые им догматы и действующие согласно им, не мыслящими себя вне этой веры и тех, кто сделал проповеди своим основным занятием, профессией если угодно.

Теперь можно понять, почему к Богу обычно обращаются люди инфантильные (с детским сознанием), слабые, легко внушаемые. Большому ребёнку (им может быть вполне взрослый человек, даже имеющий высшее образование) трудно жить одному в этом огромном равнодушном мире, и он ищет патрона, опекуна, покровителя, Хозяина.

Верующему не охота (а большинству и не по уму, по недостатку знаний) искать самому ответы на сложные жизненные вопросы, легче спихнуть всё на бога - пусть разбирается. «Начальнику» (читай – богу) виднее, какой смысл во всём творящемся в этом мире, а мы тут - мелкие сошки, посидим тихонечко, за нас всё решат насчёт смысла жизни, а после смерти вознаградят райским блаженством за послушность и долготерпение.

Прав был кто-то из великих, когда сказал – "Верующий - это человек, который не знает, что делать с собственной жизнью, а претендует при этом на жизнь вечную"! Верующие обвиняют атеистов, что они живут во имя удовольствий, вместо того, чтобы плоть умерщвлять да о боге подумать. Но на самом деле, сами-то они стремятся к вечному наслаждению (в выдуманном ими раю).

Процесс этого религиозного мифотворчества не прекращался никогда и продолжается в наше время. Религиозно мыслящие учёные и философы пытаются в своих работах привлекать новейшие открытия и достижения светской науки для подтверждения своей веры в сверхъестественное, модернизировать примитивные догмы дошедшие из глубины веков, дабы они стали понятны нашим современникам и не особенно противоречили нынешней науке. Вот пример модернизации догмата о рае и аде.

Согласно новым представлениям о «загробном мире» душа если она есть попадает в некое общее пространство, в котором обитают ВСЕ души ВСЕХ, ранее живших. Это не отдельные места (рай и ад по-старому), в которые попадают души умерших, это состояние души оказавшейся по ту сторону и вдруг осознавшей, что всё, что творится в мире живых открыто и доступно для восприятия и обозрения душам умерших.

То есть, когда человек жив все его действия слова поступки мысли совершенно прозрачны для душ его предков, ранее умерших друзей, родственников и недругов. Он-то думал, что его не видит никто, а на самом деле находился на подиуме перед всеми и был наблюдаем ими.

И вот теперь он среди них и понимает, что они, эти души, знают о нём ВСЁ, что в реальной жизни можно было скрыть и замаскировать ложными словами, фальшивыми улыбками и фарисейскими клятвами. Здесь этим никого не обманешь и негодяй предстаёт во всём его негодяйстве, а праведник во всём своём блеске. Душа теперь может «видеть», как ведут себя и что говорят о ней, оставленные в реальной жизни родные друзья, знакомые, сослуживцы...

Она узнаёт горькую правду о себе, реальное отношение к себе окружающих её душ. Но ничего уже поделать, исправить не может! Это навсегда!!! Вот это и является современным представлением о АДЕ и РАЕ. А все эти райские кущи или адские сковородки покажутся детскими сказками по сравнению с таким вечным ужасом и кошмаром.

В этом вполне псевдонаучном рассуждении опущена одна существенная деталь. Речь идёт о некоей субстанции, именуемой религиозными проповедниками - ДУША. Вот в этом-то понятии и заключена основная ловушка. Само это понятие является древним (вероятно, самым древним мифом), выдумкой, на которой зиждутся все последующие умозаключения.

Что есть такое душа? На сей вопрос до сих пор не ответил никто, и я уверен, не ответит никогда! За многие тысячелетия от возникновения и последующего развития религиозного мировосприятия, понятие душа имело множество трансформаций. Вначале её представляли просто двойником каждого человека, который пребывает в его теле и покидает его в момент смерти. Этот двойник – точная копия личности, но только обладает рядом свойств от него отличных, как то – быть невидимой, способность свободно бесшумно перемещаться в пространстве, летать, проходить сквозь стены... но при этом оставаться всё тем же человеком, тело которого она (душа) покинула навсегда.

Более того, покинутое тело утрачивает главный признак человека – сознание, разум... оно обречено на неподвижность, разложение, тлен и распыление на атомы. Но вот душа, по утверждению проповедников религии – бессмертна и вечна. Поскольку, изначально душа – аналог тела, и носитель его прижизненного разума, то становятся понятными первичные модели загробного её поведения и последующего вечного существования.

Праведный образ жизни вела эта душа (в брэнном теле) будет вознаграждена в раю. Грешная же душа будет наказана страшными муками в аду. У такой модели (человекоподобной души) есть всё, чтобы воспринимать и райские наслаждения, и адские муки. Живущим адептам веры (недалёким и малообразованным) можно внушить страх перед этими муками и пообещать воздаяние за тяжелую, несправедливую земную жизнь.

На этом страхе и на этих надеждах покоится фундамент почти ЛЮБОЙ из религий. Вынь из под неё этот камень, и она развалится, как картонный домик. Но за все тысячелетия существования религий никак не удалось (а многим очень хотелось) подтвердить правомочность такой модели. Она так и остаётся древней выдумкой, плодом фантазии.

В наш информационный век, когда на микросхеме размером с почтовую марку можно разместить все тома большой энциклопедии и ещё останется много места, у религиозно-мыслящих людей появился соблазн изобразить душу, как некое «информационное облако», невидимое, невесомое и свободное... покидающее мозг умершего человека вместе со всей информацией, накопленной за жизнь и являющееся компактным виртуальным аналогом (фантомом) конкретной личности.

Вот собственно и есть та новейшая модель души, которая господствует в умах адептов веры. На этом построен простой и понятный фундамент мировоззрения, не склонному к размышлениям и анализу, современного верующего человека. На такой модели и построено описанное выше понятие о рае и аде.

И вот теперь я позволю себе вернуться к изначальному вопросу. – «А что если...?». Что произойдёт если вдруг все религии, вместе со всем, что им сопутствовало в истории, исчезнут, как будто их и не было никогда?

А неизбежно произойдёт следующее – миллионы людей, простых (и не очень) ныне верующих, утратят всякое представление об окружающем их мире.

Они потеряют жизненную опору, которая им помогала выживать в этом недружелюбном мире, надеяться, уповать, взывать в молитвах о помощи к высшей сущности – богу (носителю пусть суровой, но справедливости)...

Перестроиться на материалистические рельсы, принять другую систему ценностей, быстро они не смогут. Стать свободными хозяевами своей судьбы и совести – тоже не смогут, а многие и не захотят!

Десятки тысяч людей ныне занятых исключительно поддержанием вер и верований – попов, служащих всех церквей, священников всех рангов, жрецов и монахов, новоявленных гуру и «Учителей»... т.е. всех тех, кто благополучно, ничего не производя, прекрасно паразитируют на верах миллионов! ...

Они тоже утратят источник своего благополучия и будут вынуждены переквалифицироваться, и адаптироваться в чуждую им среду, а они же ничего другого делать не умеют (и не хотят).

Это же не военные, которые, имея военную профессию, всё же могут найти себе применение в мирной жизни. Для ставшего безработным клира (условное обобщающее понятие) это будет полнейшей жизненной катастрофой!!! Правители, лишившись мощного рычага идеологического воздействия на массы, тоже окажутся перед фактом своей несостоятельности. Им не позавидуешь!!

В более выгодном положении окажутся лишь военные. Имея под рукой современное оружие, велик соблазн начать новую борьбу за власть с позиции своей силы, тем более, что никаких, сдерживающих эту силу, инструментов у властей не будет. Представления этой категории о светской морали и нравственных нормах весьма ограничены и условны. Вот и представьте, это уже не так трудно, что произойдёт на земле.

Ведь у каждой власти, в каждой стране есть армия, и оружия накоплено немало, в том числе и такого, после применения которого, победителей просто не будет! А мысль об овладении всем миром никогда не покидала горячие головы военных. Приехали! Пожалуйте в АД!

В какой-то мере эти мои размышления подтверждают слова нашего современника психиатра и психолога М. Е. Литвака:

«Религия нужна, чтобы удерживать глупых, которым растолковать или доказать что-либо невозможно. Чтобы заставить таких людей вести себя более или менее прилично, их нужно напугать или очаровать. Этим и занимается религия».

М. Е. Литвака. «Принцип сперматозоида», издание пятое, Ростов-на-Дону, «Феникс», 2003год, страница 197.

Знаете, читал и всё ждал когда Вы заговорите о военных... Хотелось плавно перейти к следующему вопросу, который будет касаться не просто военных действий, а захвата территорий. Позволю себе немного поразмышлять...

Власть в каждой стране любит подчёркивать свою миролюбивость, говоря населению, что мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути. Не понимаю такого лукавства. Возможно, что ошибаюсь, но любое государство обладая достаточными возможностями, не примнёт воспользоваться своей силой для захвата чужих территорий. Зачем так стесняться, не понятно. Слабые государства, мирные в силу того, что не имеют таких возможностей, вот и ведут себя тихо.

Помню очень давно, у меня был спор с одним очень умным человеком на эту тему. И очень хорошо помню вопрос, который его поставил в тупик, и он по существу не смог мне ничего ответить. Рискну этот вопрос задать Вам.

Власть в России, во все времена очень любила и любит говорить о том, что Россия миролюбивое государство, и так было всегда. Но тогда откуда при такой миролюбивости, такие обширные территории которыми обладает Россия?

Вопрос ваш не менее сложный, чем предыдущие. Просто так, на него не ответить. Болезненная это тема для многих наших соотечественников, особенно тех, в чьих головах основательно угнездилось, воспитанное прошлой советской властью, патриотическое (читай милитаристское) сознание. К настоящему, исконному значению, любви к своей Родине, этот совковый патриотизм не имел никакого отношения.

Государство, в лице своих правителей прививало с младых ногтей своим подданным представление о том, что чем больше территория находится под властью нашего (самого передового в мире) строя, тем сильнее и могущественнее страна и тем лучше в ней живётся населению (спорный тезис, но ведь утверждали и верили в него).

А если так, то и те соседние страны (и населяющие их народы), глядя на счастье жителей нашей страны, непременно захотят присоединиться к нашему сообществу и ощущать от этого радость.

Из, достоверных и не очень, свидетельств прошлого, мы прекрасно знаем как, под какими лозунгами, под какими хоругвями и знамёнами происходила борьба между правителями разных Государств за овладение возможно большей территорией, наша Россия – не исключение.

Вся история формирования нынешней политической карты мира – есть история непрекращающихся (и по сей день) войн и захватов. Такова природа властителей, а в конечном итоге, природа и психология человечества, как его отдельных представителей и народов, так и в целом. Войны, войны, войны... Захватнические и освободительные, священные и колониальные, справедливые и не очень...

«Мальбуки» всех времён и народов стремились если не прославиться в веках, отхватив кусок чужой территории и поставив её население под своё правление (порабощение), то хотя бы «наследить» в истории человечества. Названия их победоносных (и не очень) походов в иные земли разные, но суть оставалась одна – реки крови и моря человеческого горя!!!

Пересказывать и анализировать причины этих страшных событий прошлых столетий теперь уже не имеет смысла. Всё исследовано и проанализировано в своё время летописцами, историками, учёными и философами. Не стоит повторяться. Остановимся на совсем недавней истории нашей России, событиях, которые ещё свежи в памяти ныне живущих.

О том, как действительно жили люди в СССР, знали на практике только сами эти люди, населяющие одну шестую часть суши! А о реальной жизни в соседних странах, они могли лишь догадываться по слухам и редким свидетельствам, просочившимся сквозь колпак «железного занавеса» изолирующего население Страны Советов от всего остального мира.

Официальная советская пропаганда, используя все доступные ей средства и методы, с утра до вечера создавала и вбивала в головы граждан мифы о тяжелой жизни простых людей в других странах и об их горячем желании присоединения к Союзу, которому препятствовали лишь малочисленные алчные буржуи, правящие там и их приспешники. Попутно внушалась мысль о том, что надо помочь населению этих стран (если понадобится и силой), и это будет справедливо и благородно по отношению к ним.

Они потом сами поймут своё счастье, а тех, что не поймут, или не захотят понять, придётся убедить силой, если понадобится, то и суровыми воспитательными мерами. Чего не сделаешь ради «счастья ближнего».

Вечная, как мир, вожделенная мечта всех царей, королей и прочих правителей, объединения как можно большего количества (в идеале – всех) стран и народов под единым (своим) правлением.

Большевистские лидеры ничем не отличались в этом смысле от правителей прошлого, но сознавая, что мир меняется и действия, которые были приемлемыми в прошлом, уже неприменимы и осуждаемы, стремились, насколько это возможно, замаскировать свои цели и планы, витиеватой, но доступной для понимания простыми людьми риторикой.

Их лозунги сводились к одному – Наше государство, государство нового типа, где всем владеет и управляет народ. Ложь конечно, но какая сладко звучащая ложь!!!

Наше молодое государство находится в стадии развития, но народы, населяющие его, уже живут счастливо (как именно – помнят многие, но у всех эта память различна, кто помнит радостные песни и победные реляции по утрам и праздникам, а кто длинные очереди за продуктами питания и жестокости лагерной охраны), гораздо лучше, чем им жилось при царях. Это вызывает у правителей соседних государств опасения, что позитивный пример СССР вызывает у населения их стран явную симпатию и желание сделать так же, а это для правителей полный крах.

По этой причине, они испытывают к нам лютую ненависть и желание уничтожить такого неудобного для них соседа. Наше государство изначально миролюбивое (тут вытаскивался ленинский декрет о мире, который сам «лидер мирового пролетариата» именовал не иначе, как «похабный»), но оно вынуждено, будучи во враждебном окружении, «держать порох сухим» и быть постоянно готовым к отражению посягательств извне.

Для этого надо вооружаться, насколько это представляется возможным, отказывая себе в необходимом, крепить «обороноспособность» (читай военную мощь).

Боеприпасы хранящиеся, в огромных количествах, просто под открытым небом! Таких «складов» тысячи!

Воспитывать в людях готовность в любой момент встать на защиту отечества (понимай – советский государственный строй), и если понадобится пожертвовать своей жизнью во имя защиты государства.

Урок «Гражданской обороны» в советской школе.

И это при том, что мысль, как бы осчастливить коммунистической идеей население всего земного шара, постоянно долбила в головах лидеров большевиков. Совсем не случайно на гербе СССР была изображена вся земля, накрытая сверху серпом и молотом! Символика более чем прозрачная!

Для воплощения в реальность этой идеи была даже создана и неплохо финансировалась, специальная организация под названием «Коминтерн», простершая свои многочисленные щупальца почти во все страны мира.

Деятели и функционеры этой организации вели свою работу среди населения этих стран, подготавливая его к победе социализма во всём мире. Когда же все окажутся в общем Союзе они будут ещё и благодарны, а пока...

Населению же СССР пока предлагалось потуже затянуть пояса, не роптать на «временные» трудности и усиленно ковать оружие освобождения и самим быть готовыми, когда правительство прикажет, взять его в руки и осуществить, предначертанную большевиками, великую освободительную миссию, возложенную самой историей на наш многонациональный народ.

И затягивали, и даже почти не роптали (ну разве что на кухнях, у котелков со скудной пищей), и ковали, ковали, ковали... тысячи танков, самолётов, артиллерийских орудий, бомб, снарядов, патронов... всего того, что понадобится для решения, предначертанной Партией большевиков-ленинцев, великой исторической задачи. Даже по составу и количеству произведённого вооружения, любой, мало-мальски смыслящий в военном деле человек, не говоря уже о специалистах-экспертах, может с уверенностью определить к какого рода военным действиям готовится то или иное государство.

Заряды и ракеты хранятся так! Не удивительно, что они часто взрываются.

Оружие ведь тоже подразделяется (и довольно чётко) на наступательное и оборонительное. Эксперты зарубежных штабов, опираясь только на количество произведённых танков, поняли, что обороной миролюбивого государства тут совсем не пахнет.

Ведь если бы советское государство действительно было бы (как провозглашало) миролюбивым, то оно в первую очередь было бы озабочено укреплением своих весьма протяженных (в силу огромной территории) границ, а для этой цели нужны были бы совсем иные силы и средства.

Миллионные регулярные армии, вооруженные современным наступательным оружием и не меньшее количество подготовленных резервистов, даже с учётом длины границ, не как уж нужны для обороны. При разумной организации обороны вполне хватило бы мощной и многочисленной артиллерии и различных по классу истребителей, а на земле пулемётов, минного вооружения, в конце концов!

Ну кто скажите, в здравом уме полезет завоёвывать страну, у которой есть ракеты с ядерными боеголовками, в количествах достаточных, чтобы уничтожить всё живое (да и саму землю) многократно!!!

Грозное оружие преодолевает российскую реальность.

Но как мы теперь знаем, из достоверных источников, советские границы «оборонялись» гораздо сильнее изнутри, чем снаружи. Это чтобы «осчастливленные» советские граждане не разбежались из этого коммунистического рая-концлагеря. А, стало быть...Выводы делайте сами.

Горы произведённого, ценой невероятных лишений народа, оружия (тот самый «бронепоезд»), не могли лежать спокойно, они создавали у правителей призрачную иллюзию своей силы и вседозволенности. Как то ружьё, которое, как утверждал Станиславский, висящее на стене в первом акте, должно выстрелить в последнем.

Так накопленное оружие и подготовленные миллионные армии, самым своим наличием, провоцировали на демонстрацию своей силы и могущества. Не раз, за советскую историю, планировались и предпринимались попытки, часто успешные, такой демонстрации. И в европейской части страны и в азиатской, и на северо-западе, и на закавказском юге. Некоторые из соседних стран и их народов на собственной шкуре испытали это «счастье» и «дружескую заботу».

Какие-то из них были вынуждены уступить этой силе и «добровольно» влиться в «счастливую семью народов» СССР (вот оно – расширение территории), а другие, ценой большой крови, сумели отстоять свой суверенитет и независимость. Пример – Польша, Финляндия. А как характеризовать афганскую войну, затеянную старцами из Политбюро ЦК КПСС? Неужели и по сей день считать её «интернациональным долгом»? Если бы не отчаянное сопротивление населения, кто знает, возможно появилась бы ещё одна «братская советская республика Афганистан».

Именно по этой причине, как только пошатнулась и ослабла власть советской империи, «Союз нерушимый» распался на части в короткое историческое время. «Братская семья народов» разбежалась по своим национальным норкам. «Лагерь социализма», созданный в результате второй мировой войны, оказался не прочным, его не спас «Варшавский договор» оказавшийся мифической силой.

Их не смогли удержать ни угрозы, ни ожидаемые экономические трудности, Империя, державшаяся на страхе и штыках, рухнула. Да! И мне, как бывшему гражданину СССР, а теперь новой России, это печально сознавать, но трезвый разум подсказывает, что это было предопределено самой историей. Все империи обречены на распад.

Этот урок истории, увы, не пошел впредь новым правителям России. Снова и снова, как только появился нефтяной и газовый «свет в конце тоннеля», когда страна «поднялась с колен», не без помощи, кстати, тех же зарубежных стран, снова в правящих верхах пошли разговоры о «сухости пороха», «бронепоездах на запасном пути», «потенциальных противниках», «происках Запада», «заговоре Мировой закулисы»...

Вновь в речах правителей зазвучали угрожающие ноты, и обещания «адекватных ответов», т.е. все те грабли, желание погулять по которым, никуда не исчезло. Правда, ныне уже мало кого привлекает перспектива строительства мифического «светлого будущего» - коммунизма, и вовлечения в это «строительство» соседних государств и народов...

Советский солдат на полевых работах. Военная подготовка по-советски. Условия максимально приближенные к боевым.

На замену показавшей свою несостоятельность коммунистической идеологии была извлечена и отряхнута от нафталина религиозная православная доктрина. Бывшие партфункционеры ныне стоят со свечками, бьют поклоны и целуются со священниками, молятся во вновь отстроенных или восстановленных храмах и призывают к патриотизму на основе Православного единения нации, и это в многоконфессиональной-то стране. Это уже в 21м веке!!! Грустно!

Не прочь они и под новыми флагами поиграть мускулами и показать соседям (бывшим «братьям») – кто тут главный, оттяпать (по их терминологии – вернуть или удержать) «исконные» территории. За примерами этого «ретромышления» правителей наших не надо долго копаться в памяти.

Ещё бурлит и плещет огнём «умиротворённый», удержанный силой и деньгами, Северный Кавказ, а правители и подчинённые им генералы обратили свой взор и протянули руки за Кавказский хребет в Осетию и Абхазию. Только вмешательство мирового сообщества умерило их милитаристские аппетиты. Но во вновь созданных, никем не признанных, марионеточных республиках до сих пор постреливают и ждут помощи и подачек от нашей России.

Неплохо бы вспомнить, скольким, так называемым Народно-освободительным движениям мы помогали оружием и деньгами, отказывая себе в самом необходимом и насущном? Где они теперь, эти «братья»?

Так что же? Мы и наши потомки так и обречены идти на поводу у неуёмных аппетитов правителей, быть заложниками их милитаристских амбиций??? Пока, вероятно, да! Люди с современным мышлением к властным вершинам сейчас подступиться не могут! И по вине нас, граждан, в немалой степени!

Задумаемся.

Удручающая картина вырисовывается, но... Когда беседуешь с интересным, и главное с мудрым человеком, то хочется спросить о многом. Отойдём ненадолго от политики, хотя разве можно от неё отойти...

Поймал себя на мысли, что в нашей беседе упустил один очень важный момент, даже не момент... Я не попросил Вас рассказать о человеке, который на мой взгляд оказывает огромное влияние на воспитание и формирование личности любого человека. Бабушка. Да, я попрошу Вас рассказать о Бабушке. Какой она была? Что запомнилось?

Проводы бабушки Шуры.

Бабушка Шура (Александра Александровна - мать моего отца) умерла, не дожив до своего столетия всего неделю, умерла тихо спокойно, как говорилось в прошлом – отошла. Не болела, не страдала. Она просто тихо ослабела и угасла (от старости), сохраняя до последней минуты здравый рассудок и посильную активность.

В Астрахань, где она проживала последние годы со своей дочерью, моей тётёй Марусей (Мария Константиновна – старшая сестра отца), я полетел на следующий день. Отец в это время (уже второй год) тяжело болел, перенес инсульт и мы не стали сообщать ему эту печальную весть. Прибыл в город, я к вечеру и появился в доме уже в темноте.

Встретила меня заплаканная пожилая тётя Маруся и сразу провела в единственную комнатку их маленькой квартирки на первом этаже старинного астраханского дома. Несмотря на августовскую уличную жару, в комнате было довольно прохладно, даже как-то зябко, это работал подаренный отцом и им самим вставленный в оконную раму кондиционер.

Знакомая по прошлым посещениям комната была погружена в полумрак и только свеча, горящая в изголовье стоящего на столе посреди комнаты гроба с телом бабушки, немного рассеивала эти потёмки.

Бабушка лежала со спокойным выражением на благородном лице как будто спала. Удивительно, но её спокойствие разливалось по комнате и проникало в душу каждого вошедшего. И при жизни она была таким источником спокойствия и мудрого благоразумия.

Тётя на своей маленькой кухоньке напоила меня чаем с дороги, поведала события последних дней, расспросила о состоянии отца и обрисовала программу следующего дня.

День похорон обещал быть нелёгким и насыщенным событиями, надо было отдохнуть перед всем этим. По этой причине, мы не стали засиживаться до полуночи, а тут же пошли спать. В маленькой комнатухе мебели было немного и тётя устроила меня на раскладушке около стола с бабушкой. Удивительное дело, присутствие в комнате покойницы совсем не смутило меня, хотя это происходило впервые в моей жизни.

Бабушка была при жизни такая добрая, ласковая и спокойная, так умела в любой ситуации налаживать мир и гармонию, что даже сейчас, лёжа в гробу, она продолжала влиять на нас умиротворяющее. При колеблющемся свете пламени свечи, поёживаясь от непривычного для лета холода, я незаметно для себя крепко заснул.

Разбудил меня стук в дверь, доносившийся с веранды, которая служила прихожей этой маленькой квартиры на первом этаже. Проснувшись раньше меня тётя, открыла и на пороге появилась фигура молодого плотного мужчины, в котором я, спросонья не сразу узнал своего двоюродного племянника Виктора Бекназарова, с которым мы переписывались, но не виделись уже лет 15. Он прилетел из Москвы ночным рейсом, но, по молодости, был бодр и деятелен.

Его отношение к усопшей прабабушке и двоюродной бабушке Марусе было особенно трепетным. В его возвращении с пелёнок, все они, вместе с его мамой (моей двоюродной сестрой Ириной) и бабушкой Раей (старшей сестрой отца) принимали самое активное участие, поскольку в то время и бабушка Шура, и тётя Маруся проживали в Москве. Он попросту не мог себе позволить не отдать последний долг нашей общей прародительнице.

Я и Виктор (он был на 10 лет моложе меня) были единственными родными мужчинами, оставшимися от некогда многочисленного и разветвлённого древа рода Чекмарёвых. За завтраком, которым нас накормила хлопотливая тётя Маруся, состоялся краткий, но содержательный, мужской совет. А предстояло нам проделать всё что в обстановке больших городов брали на себя специальные организации за очень немалые деньги. По целому ряду причин, мы такими средствами не располагали. Так что рассчитывать на постороннюю помощь не приходилось.

Позавтракав, мы, в сопровождении тётиной знакомой, дребезжащим трамваем отправились на тогдашнюю окраину Астрахани, где располагалось старинное городское кладбище. Около небольшой деревянной церквушки, расположенной на возвышении в середине главной аллеи кладбища мы, найдя маленькую конторку, оформили с помощью тётиной знакомой все необходимые документы. Никаких рабочих поблизости не оказалось и, заполучив на время две лопаты, кайло и лом, сопровождаемые конторщицей, мы пошли на поиски могилы.

Это оказалось непросто. Кладбище было «заселено» плотно и хаотически. Старенькая тётиня подруга долго путалась, но, наконец, всё-таки вывела нас в нужное место. За невысокой металлической оградкой посреди площадки 3х3 метра покрытой густой травой, высохшей уже на летнем жарком солнце, стоял каменный памятник, представлявший собой вертикальную массивную стилизованную «кафедру», на наклонной верхней части которой были рельефно изображены лежащие, раскрытая библия и большой массивный резной крест.

Такие или очень похожие на него памятники были видимо традиционным стандартом тех далёких времён и, в обозримом пространстве, среди чахлых кустиков и деревьев, просматривались на других соседних могилах.

Доска, закреплённая на фронтальной стенке памятника, сообщала нам, что в сей могиле погребены Сиротины (такова была девичья фамилия нашей усопшей бабушки). Кроме того, надписи с именами и фамилиями были и на боковых вертикальных поверхностях памятника.

За долгие годы в этом месте нашли последний приют многие наши предки по бабушкиной линии. Последнее захоронение (на котором присутствовала старенькая тётиная подруга) имело место более 40 лет назад, иначе мы бы не получили разрешения на подзахоронение, таковы были правила. С разрешения служащей кладбища, мы приступили к работе, а она ушла, оставив нас у памятника. Сопровождавшая нас старушка обстоятельно разъяснила нам, что предстоит сделать.

Оказывается, могилу рыть нет необходимости, памятник установлен на крыше расположенного под землёй склепа. Фактически, весь огороженный участок это та самая крыша, присыпанная сверху полуметровым слоем грунта, с вырастающей на нём травой и цветами. Вход в склеп находился перед калиточкой ограды участка, почти на дорожке. Вот до него нам и предстояло добраться, выкопав в этом месте яму, достаточную по размерам для вноса гроба.

Утреннее солнце уже достаточно припекало и, раздевшись до минимального приличия, мы приступили к работе. Смущённая нашим видом, старушка покинула нас и отправилась обратно к дому бабушки на Красной набережной, где в затенённом дворе под аркой должна была состояться краткая, ввиду жары, скромная церемония прощания. Она предупредила нас, что не позднее, как через три часа всё должно быть готово.

Летняя жара навязывала жесткий график процедуры, не оставляя времени на раздумья. Высушенная южным солнцем глинистая кладбищенская почва была подобна крепкому цементному раствору. Кайло и лом, в наших неумелых, пусть и сильных руках, оставляли лишь маленькие лунки в дорожке.

Надо было спешить и мы с остервенением начали молотить землю. Наконец удалось, немного взрыхлив наиболее прочный поверхностный слой, углубиться примерно на метр и расширив яму лопатами, мы увидели кирпичную кладку.

Это придало нам силы и вскоре, продвигаясь по сантиметрам вглубь, вдоль обнажавшейся стены склепа, мы создали около неё яму, достаточную для того, чтобы встать в ней в полный рост и пусть с небольшим наклоном, но попытаться внести гроб. Теперь пришлось работать по очереди, спускаясь в яму.

Время приближалось к полудню, солнце уже палило во всю и наши вспотевшие тела покрылись прилипшей пылью. Теперь мы почти ничем не отличались по виду от древнеегипетских рабов на постройке чуда света – пирамиды. Да и сам труд этот мало чем отличался от каторжного, разве только над нашими спинами не свистел подгоняющий кнут надсмотрщика. Очень хотелось пить. Взять с собой воды мы в спешке не догадались.

Пока я ковырялся в яме у стены, Виктор отправился на поиски вожаемой влаги. Оставшись один, я почувствовал, как во мне проснулся дух археолога. Сразу в памяти всплыли недавно прочитанные страницы из книги «Боги, гробницы, учёные» К.В.Керама о работах известных открывателей древних гробниц. Я стал внимательно исследовать очищенную стену склепа. Кладка из крепких, красных, качественных старинных кирпичей была ровной и гладкой и только по цвету скрепляющего раствора, можно было догадаться, что посередине стены имеется проход, заложенный позднее. Вот он то, нам и был нужен.

Острым концом лопаты я прочистил промежутки между кирпичами и пошевелил один в верхнем ряду. Он нехотя и не сразу подался и после изошённых усилий пополз наружу. И вот он у меня в руках, в стене темнеет зияющая дыра.

Она так и тянет заглянуть, но ни фонаря, ни даже свечи, у меня нет, а после яркого солнечного света темнота внутри склепа кажется ещё более кромешной и даже пугающей. Никаких запахов и звуков из отверстия не исходит. Ничего, т.е. совершенно НИ ЧЕ ГО!! И тем не менее!

После недолгих раздумий, начинаю извлекать один за другим остальные кирпичи закрывающие проход. Дыра понемногу увеличивается, и вот уже в неё может пройти голова, немного позднее плечи... Наступает самый важный момент всей процедуры, я, наконец, решаюсь заглянуть внутрь.

Скажу сразу – я атеист и совершенно не суеверен, но предстоящее действие, где-то в глубине души меня сильно напрягало. В этом состоянии было всё смешано и первобытный страх наших далёких прародителей, и острое молодое любопытство учёного-исследователя.

Преодолев сомнения и колебания, я наконец, решаюсь и пролезаю в дыру до пояса. Понемногу глаза привыкли к полумраку, моё дыхание и учащённое сердцебиение (единственное, как мне кажется, что нарушало гробовую тишину) приходит в норму.

Подобно Картеру, заглянувшему первым в только что вскрытую гробницу Тутанхамона, я вижу то, что никто (уже более 40 лет) не видел! Из ныне живущих, так уж точно. Но в отличие от известного учёного к чувству первооткрывателя примешивается ещё одно, совершенно необычное чувство, его мало кому из моих современников довелось испытать. Я как бы пришел «в гости» к своим далёким предкам, к родственникам!

Это состояние трудно передать и описать словами. Невольное желание поздороваться и извиниться за неподобающее торжественности события одеяние, вернее - почти полное его отсутствие!

По спине и ногам, припекаемым полуденным южным солнцем текут ещё ручейки пота, а голова, грудь и руки покрываются мурашками от ощутимой могильной прохлады (возможно и не только от неё)! И что же я вижу?

Небольшое помещение (2х2м) накрытое сверху сводчатым кирпичным потолком, с которого свисают многочисленные известковые сосульки и паутины, кирпичные неоштукатуренные стены с беловатыми потёками и пятнами высохшей плесени, пол покрытый слоем пыли со следами обуви, оставленными нашими предшественниками.

Справа и слева вдоль стен штабелями, один на другом уложены гробы, по три штуки с каждой стороны. Гробы как гробы, традиционной формы и отличаются только отделкой. В нижнем ряду, прямо на полу стоят тёмные деревянные, вероятнее всего дубовые, неотделанные (даже неокрашенные) массивные домовины самых первых «поселенцев» этого мрачного обиталища скорби.

Согласно надписи на памятнике, это мои прадед и прабабушка Сиротины. К стыду своему, я только гораздо позднее узнал имя прадеда, найдя в семейном архиве его фото.

Звали его Александр Захарович, а вот прабабушкино имя я так и не смог узнать, жаль! Верхние гробы уже более поздние были обтянуты материей три (два справа и один слева средний) красного цвета разных оттенков, а один сверху слева синей. Синий, по всей видимости, был самым последним из них. Красная материя местами уже обветшала и, лопнув, разошлась, открывая потемневшие небрежно оструганные шершавые доски. Традиционным украшением всех были складчатые полосы кружевной белой ткани, зажатые крышками и выступавшие по контуру наружу.

Ткань на верхних наклонных плоскостях слегка припорошена пылью. Но самым удивительным и трогательным был небольшой букетик цветов, лежавший на верхней крышке синего гроба поближе к изголовью. Цветы совершенно высохли, но, при этом, почти сохранили изначальный цвет и форму. Последний подарок ушедшей навсегда женщине!

В том, что внутри этого гроба лежал прах именно женщины, у меня сомнения не возникало. Скорее всего, это была одна из сестёр моей бабушки Шуры. Вот и она присоединится к этой компании совсем скоро...

Из состояния этого углублённого размышления над брэнностью нашего земного бытия меня внезапно вывело осторожное прикосновение человеческой руки к моей голой спине, торчащей из пролома в стене склепа. Я невольно вздрогнул всем телом и одним резким движением вылез наружу. Яркий солнечный свет на мгновение ослепил меня и я не сразу разглядел стоящего рядом со мной Виктора.

- «Фу! Ты! Напугал меня!!!» - произнёс я внезапно охрипшим голосом. Виктор и сам понял, что напугал. Извиняясь, он тихим голосом спросил – «Ну! Что там?» Я посторонился, уступая ему место у пролома. Он заглянул внутрь осторожно, не залезая, как я, по пояс. Полученное впечатление отразилось на его мгновенно помрачневшем лице – «Да а а!!» - произнёс он всё тем же почти шепотом.

Только тут я увидел, что мой родственник-напарник посвежел и отмыт от глиняной пыли, выглядит вполне прилично и бодро. Я окончательно вернулся к реальности и вспомнил, что Виктор ходил за водой, жажда мгновенно напомнила о себе.

Витя протянул мне небольшой отпотевший алюминиевый бидончик с холодной водой. Я жадно припал к нему и за один приём залпом выпил почти половину. Пока я утолял жажду, напарник рассказал мне, как он нашел кран с водой, напился, помылся и даже получил от дежурной служительницы кладбища этот бидончик и ещё старое ведро и лопаточку – мастерок, которые нам пригодятся, когда надо будет заделывать пролом в стене.

В ведре была вода. Мы набросали в неё куски глины, извлечённые с самого дна ямы, и оставили намокать. Поручив Виктору окончательно подготовить проход и яму к церемонии, я отправился к крану по указанному им направлению. Действительно, около домика дежурной я быстро нашел торчащую из земли трубу, оканчивающуюся медным краном. Земля вокруг трубы была обильно смочена водой и даже стояла небольшая лужица, из которой с жадностью лакала какая-то местная бродячая собака непонятной породы.

Я не стал её прогонять, подождал, пока она напьётся и, приоткрыв кран, набирая в подставленные под струю ладони, наскоро обмыл грязь с тела и пот с лица. Сразу стало гораздо легче. Назад я шел бодрее, обсыхая на ходу, полотенца у нас тоже не было. Когда я уже подходил к месту, меня по дорожке объехал похоронный автобус и остановился впереди, там уже стоял Витя.

Вместе с тётёй Марусей, одетой в тёмное, приехали человек 10 родных и знакомых, двое пожилых мужчин и остальные – старушки в возрасте нашей тётё. Водитель открыл заднюю дверь автобуса и мы с Виктором извлекли из него гроб с телом бабушки. Нам помогали ещё двое мужчин. Одного из них я знал по прошлому приезду с отцом. Это он, давал нам свой катер для поездки на рыбалку в дельту Волги, его фамилия была Герасимов, а второй был мне не знаком.

Процедура окончательного прощания была скорой, жара диктовала свои условия. Все были в тёмной одежде, а для пожилых людей это особенно чувствительно. Постояли недолго в молчании у раскрытого гроба, запечатлели в памяти спокойное, умиротворённое, доброе лицо бабушки Шуры.

И, закрыв крышку, прихватив её гвоздями, понесли к могиле. Бабушка и при жизни не отличалась полнотой, а перед смертью ещё и похудела, так что нести её нам труда особого не составило. Повозившись немного у входа, мы внесли гроб в склеп.

Я, как самый подготовленный по одежде, вошел в расширенный Виктором проход задом, неся перед собой изножье гроба. Подошвы моих сандалий оставили чёткие следы на пыльном полу погребальной камеры. Было довольно тесно в этом маленьком помещении втроём, но мы с Витей, изловчились и, приподняв повыше, установили гроб поверх трёх, стоявших справа от входа почти под самый свод.

Бабушка Александра Александровна Чекмарева закончила свой земной путь и нашла вечное успокоение в семейном склепе. Покой тебе, добрая бабушка и вечная память! Но! Нет! Покой ещё не настал!

Виктор передал мне довольно толстую восковую свечу и коробок спичек. Я установил её в нише на противоположной входу стене и зажег.

Это был не церковный ритуал, как мне потом объяснили, (бабушка, хоть и крещёная, но в бога не верила, отпевания над ней, по её просьбе, не совершалось), свеча, догорая в замурованном помещении, сжигала кислород и тем самым, способствовала созданию необходимой атмосферы в склепе. Мудрая практика, пришедшая из далёкого прошлого.

Кажется всё! Можно приступать к заделке входа. Для этого подготовлены кирпичи и глиняный раствор. Пожилые люди мучительно ждут завершения церемонии, их надо пожалеть. Произнеся про себя, в полной тишине прохладного склепа, последние слова прощания, направляюсь к выходу. На мгновение задерживаюсь напротив упомянутого мною ранее букетика сухих цветов в желании запечатлеть в памяти эту благостную картину...

В этот самый момент за моей спиной происходит нечто, от чего моя атеистическая кровь холодеет в жилах!!! В могильной тишине раздаётся громкий сухой хруст и треск, сопровождаемые звуком, подобным звуку выдоха очень уставшего слона и помещение наполняется мельчайшей пылью!!! Стремительно оборачиваюсь! И вижу...

Стопка гробов под бабушкиным существенно понизилась, за счёт того, что один из средних гробов не выдержал, сломался и просел почти на треть. Доски, удерживаемые тканью обивки, не рассыпались и гроб просто стал более плоским, чем ранее, раздавшись в ширину. Целостность его нарушена не была и из него ничего не выпало. У Ф Ф Ф! Кажется, для одних суток, впечатлений более чем достаточно!!!

Пора наверх, из этого царства мёртвых! Нервы и так на пределе. Выбираюсь наружу, зажмурившись опять от яркого света. Только тут понимаю, что меня бьёт озноб и не только от прохлады подземелья. Прихожу в себя под внимательными взглядами собравшихся. Надо завершать работу.

Быстро, в четыре руки, укладываем на место кирпичи, покрывая их глиняным раствором. Они ложатся на свои места так же ровно. В последнюю щель бросаю взгляд на горящую ровным пламенем свечу и освещаемую её желтоватым светом стену. Всё, склеп замурован до появления нового поселенца. Это будет не так скоро и уж конечно не с моим участием.

Вылезаю наверх из ямы и вдвоём с Виктором, привычно уже работая лопатами, засыпаем её. На дорожке у калиточки остаётся лишь небольшой рыхлый бугорок. Со временем, под дождями он просядет и сровняется, время закроет следы нашего вторжения. Оглядываю в последний раз могилу и памятник. Приехавшие на автобусе провожающие не теряли времени и, как могли, привели в порядок могилу.

Площадка внутри ограды очищена от сухой травы и даже подметена. Привезённые цветы и небольшой венок аккуратно уложены у подножья памятника, там же, установлена фотография бабушки, наклеенная на картонку. Всё прилично и скромно, соответствует событию.

На память приходят слова, выбитые на одном из гранитных памятников, мемориального кладбища в Ленинграде, на которые обратил моё внимание отец во время экскурсии –

- «Не тревожьте, не топчите, Погребенный здесь мой прах. Я ведь здесь навечно дома, Это вы, пока в гостях!»

Надо ехать обратно. Забираю свои вещи и выхожу на дорожку, где стоит наш транспорт, в тени которого, на лёгком ветерке, пожилые люди прячутся от солнца, не решаясь залезть в раскалённое нутро автобуса. Едем обратно.

У домика конторы делаем короткую остановку, возвращаем с благодарностью инструменты, ведро, бидончик. Тётя Маруся передаёт нам свёрток для любезной работницы кладбищенской конторы. В свёртке, ещё тёплом на ощупь, кусок любимого бабушкиного пирога с судаком, это наше поминальное блюдо. Бабушка как истинная астраханка очень любила пироги с рыбой. Женщина с благодарностью принимает наш скромный подарок. Едем по улицам.

Я ехал, как был, просто сложил свою одежду на сидение. Дома надо будет помыться, прежде чем одеть чистое. Смотрю в окно. По улицам идут по своим делам люди, проезжают редкие тогда машины... Город живёт своей обычной жизнью, ему нет дела до того, чем мы занимались в течение этого времени. У всех свои заботы и свои житейские проблемы. Дома уже готов скромный поминальный стол. О нём позаботились те, совсем уж пожилые женщины, которым не по силам было добраться до кладбища и выдержать на жаре утомительную процедуру.

Пока я привожу себя в порядок, люди степенно рассаживаются и проходит, обычная на Руси, церемония застольного поминовения. Очень жаль, что тогда у нас не было магнитофона, не говоря уже о видеокамере. Какие интересные разговоры, рассказы я услышал за этим поминальным столом!

Все припоминали давние события, связанные с бабушкой Шурой, вспоминали её добрый нрав, её мудрость, которой она щедро делилась за свою долгую жизнь, со всеми, с кем сводила её судьба. Да! Редкой души человек ушел от нас.

Все в один голос жалели, что не удалось отпраздновать её столетие, к которому готовились не только все присутствовавшие, но даже городские власти того времени. Это было не таким уж частым событием для Астрахани. Но! Всё произошло так, как произошло и ничего тут не изменить!

Уже ближе к полуночи, мой помощник Витя вызвал такси, откланялся и уехал в аэропорт. Он должен был опять лететь ночным рейсом, этого требовала его ответственная работа.

Я же, остался ночевать и уехал на следующий день на поезде, оставив грустную старенькую тётю Марусю на перроне вокзала.

Так закончилась долгая земная жизнь моей любимой бабушки Александры Александровны Чекмаревой.

Светлая Память! Люди живы, пока мы помним о них...

Наверное, не являюсь исключением, но помню как в детстве выбегая во двор поиграть с ребятами с собой брал умопомрачительно пахнувший лаваш, конечно же сыр... Вопрос будет о пище. Как мы питаемся, к чему идём в будущее в плане питания. Скажите, нам суждено в перспективе перейти на „химию„? Ведь население планеты растёт, а в плане развития „продовольственной программы,, никакой перспективы нет.

*«Широко простёрла химия руки свои в дела человеческие!»
М.Ломоносов*

*«Коммунизм – есть советская власть плюс химизация всей страны!»
Партийные лозунги времён Н.С.Хрущёва*

Для меня, прожившего большую часть жизни при советской власти, это определение – «Продовольственная программа» - не просто слова. Я прекрасно помню, как после очередного съезда КПСС, на котором впервые они прозвучали, стало понятно, что «мудрые» наши политбюрошные старцы, наконец, поняли, что с вопросом обеспечения населения элементарной едой, партия зашла в тупик.

Как не пытались официальные СМИ убеждать население огромной страны, что дела идут хорошо и не за горами «светлое будущее», именовавшееся тогда для солидности и простоты понимания - «коммунизмом», на деле всё обстояло совсем не радостно. Даже народ уже понимал (на своих желудках и пустых полках магазинов), что всё не так просто.

Не даром партия большевиков, изначально и категорически стоявшая за общественную собственность на землю, и развитие колхозно-совхозного производства продуктов питания, пошла (скрепя сердце) на предоставление населению небольших (6 соток) участков земли, хоть и не в частное, но всё же в пожизненное землевладение.

Как и всё в советской стране, это предоставление было преподнесено, как неслыханное благодеяние, знак трогательной заботы родной партии о благе народа. И хотя участки давали далеко не каждому, в первую очередь, конечно представителям победившего класса «гегемонам» - рабочим, и обставлено было всяческими условиями (партийно-профсоюзными комиссиями), тем не менее перепало и представителям и других классов. Даже, о! ужас! «гнилой интеллигенции»!!!

Что поделать? Кушать и по возможности – ежедневно, хотели все, а производимой колхозами продукции отчаянно не хватало, да и качество её оставляло желать лучшего. Элементарной картошки, основного народного продукта, до следующего урожая обычно не хватало, не говоря уже о каких-то других, более сложных в возделывании овощах. За этим решением (и разрешением) стоял, хоть и не прозвучал в открытую, простой и понятный лозунг – «Кормитесь граждане сами, как сможете!», а партия умывает руки.

И народ, понявший, что дело обстоит плохо, активно принялся возделывать свои «участки» с максимальной инициативой и частнособственнической рачительностью. Успех не замедлил сказаться. Даже городское население, казалось бы, далёкое от земледелия, если не считать «шефской помощи селу», в ежегодных «битвах за урожай», весьма быстро преуспело в этом, исконно российском деле.

Оно и не удивительно, ведь изначально, ещё с царских времён, Россия была аграрной страной, в которой большинство населения были крестьяне. Значительную часть городских жителей составляли бывшие крестьяне, бежавшие из оголодавших колхозных сёл в города. Но у многих из них в этих сёлах оставались родные, с которыми контакт не был утрачен.

Им приходилось помогать не только деньгами, денежные доходы жителей советского села (колхозников) были не столь велики (по сравнению с заработками в городах и на промышленных предприятиях), но и своими рабочими руками, не забывшими ещё своей связи с землёй.

Довольно скоро, несмотря на то, что участки предоставлялись довольно далеко за городом, на неудобьях и заболоченных местах, граждане сумели очень быстро окультурить их и стали получать неплохие урожаи, серьёзно конкурирующие и по количеству, а, главное, по качеству с продукцией колхозов и совхозов.

Овощная проблема, за счёт самообеспечения, худо-бедно была решена, но вот с продукцией животноводства и птицеводства дела обстояли по-прежнему плохо. Тут уже горожане помочь не могли, специфика не та. Не каждый горожанин (а, тем более, горожанка) знал с какой стороны подойти к корове, даже к козе. А уж подоить – извините! Не говоря уже об обслуживании (ФУ!!!) свиноводов!!!

Без помощи горожан, колхозы и совхозы справляться уже не могли, производительность была недостаточной для обеспечения населения. Партийным руководством предпринимались отчаянные попытки создавать современные молочно-товарные и птицеводческие комплексы, по образцу западных, но всё наткнулось на специфический менталитет сельского населения, которое не привыкло, да и не хотело, работать столь же эффективно и добросовестно, как их западные коллеги.

Оно и понятно, там фермер работал на себя, на благополучие своей фирмы и семьи, а в стране всеобщего обобществления, за зарплату, причём, не ахти какую большую. Мотивация к труду была принципиально различной. В результате, недокормленные коровы давали мало молока, а с кормами дела обстояли всегда напряженно, фуражное зерно приходилось покупать за рубежом.

Миллионы кур в гос. курятниках именуемых птицефабриками и даже «Птицеградами» дошли от не качественных кормов и повальных инфекций. Промышленные откормочные свиноплоды тоже не могли похвастаться большой производительностью. Что? Тупик?? Похоже, что да! Одно время партия казалось, нашла выход из тяжелого положения с белковыми продуктами. Решение выглядело простым и многообещающим.

РЫБА и МОРЕПРОДУТЫ!!!

Усилив флот, подготовив и наняв (с помощью повышенных зарплат) персонал, партия поспешила обрадовать население, что отныне рыба на наших столах успешно заменит мясо, и по количеству и по разнообразию. Был даже введён единый для всей страны «Рыбный день» - четверг!

В специально созданных во всех городах магазинах «Океан» стали продаваться не только знакомые треска, хек, мойва, навага, селёдка конечно... но и экзотические рыбы (Путассу, Бельдюга, Простипома... да простят меня цензоры!!!).

Народ, понятное дело, ломанулся в эти дворцы моря, но быстро понял, что рыба, оно конечно хорошо, но мяса, масла, колбаски, молочка... тоже хот-ца. Потянулись из городов и весей в столичные мегаполисы поезда с народом, жаждущим мясных продуктов. И запахло колбасой выбегающие из Москвы электрички. «Длинная, железная, зелёная, пахнет колбасой» – Что такое? Загадка тех времён. Вот тут мы и подошли к заголовку и девизу моего ответа – ХИМИЗАЦИЯ!

Без лишней рекламы и помпы, в стране были созданы несколько специализированных НИИ пищевой направленности, которым было поручено, в кратчайшие сроки найти и внедрить в массовое промышленное производство синтетических продуктов и всяческих добавок-наполнителей, пригодных для питания простого населения огромной страны. И наука, подпитанная финансами, стимулированная партийным вниманием и «заботой», не подкачала.

Были придуманы всевозможные ароматизаторы, ферменты, отдушки, консерванты и прочие вещества, под влиянием и при участии которых, ранее совершенно несъедобные, казалось, продукты вполне сходили за полноценные.

Мы, простой народ, рядовые потребители, даже этого и не заметили, ели и нахваливали. Отдельные, особо чувствительные и разборчивые гурманы, конечно, отметили своеобразие изменившегося вкуса обновлённых продуктов под старыми наименованиями и даже высказывали предположение, что в столь любимую в салатах «Оливье», колбаску под названием «Докторская», сардельки, сосиски... подмешивается (страшно подумать!) туалетная бумага!!!

Но это, конечно, гнусное очернительство советской реальности, вражьи происки и наветы! Никакая не бумага, (она сама была в те времена жутким дефицитом), а всего лишь обычная древесная целлюлоза (чего-чего, а опилок у нас всегда было в достатке), обработанная новейшими химическими средствами, созданными в недрах НИИ учёными-химиками от «Пищепрома».

Такие же новации постигли и другие продукты сыры, консервы (вспомните «Паштет шпротный», «Завтрак туриста», плавленые сырки с разными наименованиями, маргарины...). Перечислять можно было бы долго, но суть одна. Химия властно проникла в наши организмы не после Перестройки и наступления импортных товаров на наши прилавки, а ещё при советской власти на излёте 70х годов прошлого столетия!

Сами понимаете, рекламировать эти достижения партийному руководству в голову не приходило. Более того, многие из этих химических веществ были засекречены и знать о них, полагалось не каждому, а исключительно особо допущенным.

И действительно, зачем простому труженику знать, что подмешивалось в молочные продукты для веса и объёма, из каких компонентов состоял маргарин «Особый» и пастообразный сыр «Дружба» и «Юбилейный», какие «опилки» входили в состав хлебных батонов и буханки хлеба (из за которых они черствели до каменного состояния и плесневели уже к следующему утру). Не знают, едят... и всё в порядке!

На последок, позволю себе дополнить совершенно достоверными личными сведениями, почерпнутыми из специального (естественно закрытого от народа) журнала. Я случайно натолкнулся на этот журнал, работая в спецбиблиотеке по своей электронной тематике.

Журнал этот попал в наше хранилище, вероятно, по недосмотру и чьему-то разгильдяйству. Но я был благодарен по сей день, этому неизвестному раздолбаю, за то, что он приоткрыл мне завесу над «страшной государственной тайной»!

В статье этого журнала подробно было описано величайшее «достижение» советских химиков-пищевиков. Как из вонючего, жесткого и совершенно несъедобного мяса океанской акулы, путём обработки (инъекциями прямо в тушу) химическими компонентами (ферментами, рецептура была приведена), спустя каких-то три-четыре часа получалась «говядина бескостная», которую почти не отличишь на вкус от натуральной!

Эта продукция поступала в систему «Общепита» под названием «Брикеты мясные» и шла на приготовление котлет, биточков, бифштексов в рабочих столовых по всей стране! Ели и не подозревали обмана, да ещё благодарили родную партию и правительство за заботу о рабочем человеке.

А наши отважные рыбаки-передовики, теперь не выбрасывали за борт залетевших в невод за селёдкой или скумбрией акул, а, на полном основании, включали их в отчёт по плану улова. Рапортовали уже не просто рыбой, а синтетической «говядиной» в мороженных брикетах. Всем было хорошо.

Вот так мы и жили. Поэтому, когда я сейчас, при продуктовом изобилии, слышу недовольное брюзжание сограждан, относительно поступающей к нам на прилавки зарубежной синтетической, читай «химической», пищи я иронично помалкиваю.

Знали бы они, что приходилось есть в совке, не были бы столь категоричны в оценках. Зарубежные изготовители, воспитанные своими привередливыми покупателями, честно пишут на упаковках и состав продукта, и все входящие компоненты до миллиграммов.

Не нравится – не бери, купил не глядя – ешь, не отравят. Если и попадётся некачественный или просроченный продукт, то это, скорее всего, не происки поганого Запада, а наша родная Российская предприимчивая торговая самостоятельность.

Зарубежные производители ведь тоже за свой бизнес радуют и, подсунув дрянь, могут его через суд лишиться в одно касание. Поэтому им не резон откровенно обманывать покупателя.

Попробовал бы советский потребитель выступать по аналогичному поводу, ему бы враз объяснили, что бывает за очернительство советской (естественно – лучшей в мире!) пищевой продукции.

А химия, да что химия!!! В желудке и кишечнике у нас всё распадается на те самые химические элементы, кои и поддерживают нашу жизнь и работоспособность. Лечите глаза граждане! Или пользуйтесь очками, посещая магазин. Смотрите, что покупаете, внимательно смотрите, не берите, что попало! Слава ... (я неверующий)... этому самому Богу... выбор теперь есть!

Не надо стоять в ночной очереди и давиться у прилавка, или «доставать», как было в совке!!! А под водку, да в качестве закуски, сойдёт и синтетический, как и при большевиках, плавленый сырочек, или огурчик... со своего (теперь, между прочим, со СВОЕГО! приватизированного!) участка! Оцените разницу!

Кстати о водке. Раз уж зашёл разговор об алкоголе, спирте, то не могу не спросить о его роли в жизни общества. Ведь не зря водку называли универсальной валютой. Не преувеличена ли роль алкоголя?

Спирт в нашей жизни – всеобщий эквивалент и двигатель экономики.

Спирт, как концентрированный алкоголь, в России, а в Советской России, особенно, при наличии богатейшей питейной истории и традиций, с течением времени, стал неким подобием денег. На неофициальном бытовом языке его так и называли «жидкая валюта» за неимением любой другой.

В служебном и бытовом общении, имея спирт, все дела можно было решить проще, быстрее и гораздо дешевле, в конечном счёте, чем за официальные деньги - рубли. Вся проблема состояла лишь в том, чтобы иметь всегда под рукой необходимое количество спирта, соответствующего качества.

Производство спирта в СССР было поставлено на серьёзную промышленную основу. Почти в каждом, сколько нибудь крупном городе был свой спиртозавод.

Большую часть продукции этих заводов и заводиков направляли прямым ходом на соседствующие с ними ликероводочные предприятия, где она превращалась в столь любимые населением алкогольные напитки, бутылки с которыми заполняли полупустые полки магазинов и других торговых точек.

Для отдалённых районов Сибири и Дальнего Востока заводы южных областей выпускали и поставляли просто разлитый по бутылкам пищевой спирт безо всякой переработки в алкогольные напитки. В этом была прямая выгода, в том числе и на транспортных расходах. Во-первых, в этих суровых краях население, и не только мужское, было крепче здоровьем и было в состоянии употреблять чистый спирт, не разбавляя.

А во-вторых, гражданам предоставлялась возможность самим, проявляя фантазию, перерабатывать спирт в алкогольные напитки в соответствии со своими привычками и традициями, а так же наличием местного сырья в изобилии произрастающего в этих богатых краях. В каждом посёлке деревне семье производились свои присущие данной местности всевозможные настойки и наливки на культурных и дикорастущих плодах ягодах и травах.

Товар был ходовым и в силу упомянутых выше традиций на полках не залеживался. Продажа его, пополняя в значительной степени государственную казну, являлась существенным источником стабильности экономики.

Получив положенную ему зарплату, рабочий, да хоть и того же ликёроводочного предприятия или спиртозавода, нёс значительную её часть в магазин и обменивал на произведённую им же самим продукцию. Затем употреблял её внутрь и работал до следующей получки.

Это я так для примера. На самом деле работники спиртозаводов, конечно же, утоляли свою «жажду», не отходя далеко от рабочего места и бесплатно. Именно по этой причине на таких предприятиях почти никогда не испытывали дефицита кадров. Хотя «текучесть» этих самых кадров, была ощутимая. Вредное производство, ничего не поделать!

Если, по какой-то причине, происходило нарушение этой закономерной последовательности, допустим, в этом месяце, как назло, не было общенародных праздников, то налаженный конвейер давал сбой и даже, в небольших городах, задерживалась выплата зарплат. Причём не только на этом предприятии, но и зачастую во всех городских кассах и окошечках, где выдавались жалованья. Это очень нервировало и не только любителей спиртосодержащих жидкостей, но и остальное население, а так же членов семей этих любителей.

Так что, поддержание кругооборота спирта в государстве было одной из важнейших задач партийного руководства страны. Оно очень строго спрашивало с руководителей, поставленных в узловых точках этих конвейеров, за сбои в работе. Пожалуй, именно по этой причине годовой календарь в нашей стране изобиловал равномерно распределёнными профессиональными и иными более значимыми «праздниками».

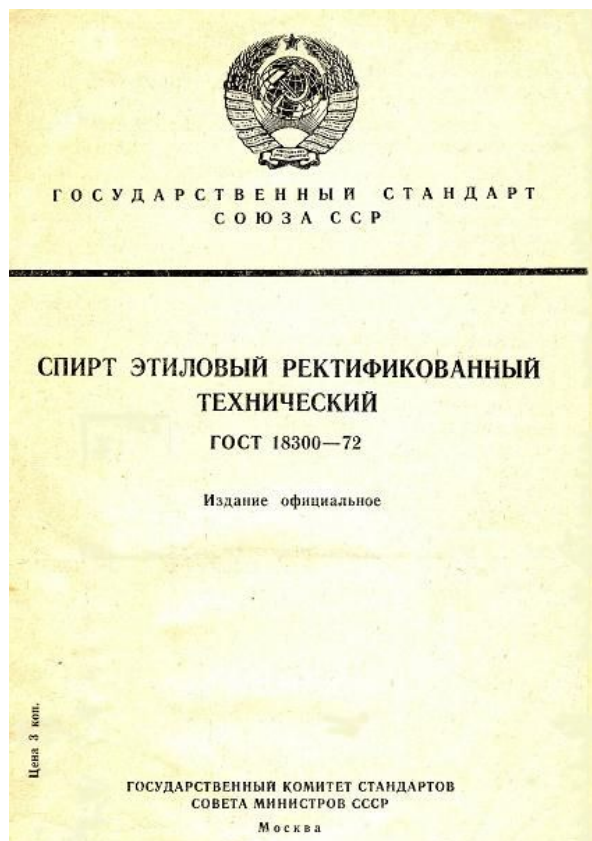
Большую лепту сюда вносил и еженедельный выходной – воскресенье, к которому, даже, особым решением того же партийного руководства КПСС, был великодушно присоединён ещё один – суббота. Население встретившее этот «подарок» с огромным энтузиазмом и воодушевлением, в ответ на заботу, резко увеличило скорость спиртового конвейера.

Но то была, так сказать, видимая сторона процесса. Была и другая не менее значимая для экономики страны, скрытая от посторонних глаз, параллельная сторона. Суть её состояла в следующем. Значительная, если даже не бóльшая, часть производимого в стране чистого неразбавленного спирта-ректификата, не перерабатывалась в алкогольные напитки, а поступала в разные города и посёлки, на фабрики и заводы, научные институты и лаборатории, воинские части и корабли флота, ну и, конечно же, медицинские учреждения.

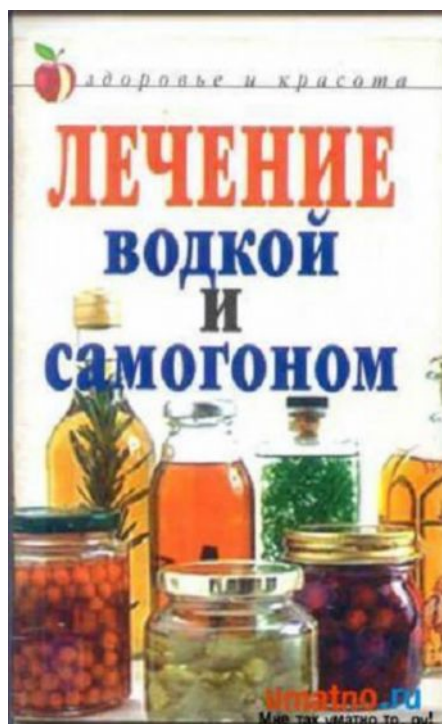
Конечно часть этой полноводной (правильнее сказать полноспиртной) реки использовалась в соответствии с её назначением: в науке, технике и технологии, как универсальный растворитель и антисептик.

От простого смазывания иглы больного перед уколом, до очистки ответственных деталей космических аппаратов, боевых ракет и деталей электроники (промывания контактов).

Нельзя сказать, что в многогранной человеческой деятельности не существовало других альтернативных жидкостей, которые можно было бы применить для большинства этих целей. Но по «странному» стечению обстоятельств, учёные, инженеры-разработчики, технологи и врачи предпочитали почти во всех необходимых случаях применение именно этой жидкости – спирта (далее я попробую пролить свет на секрет этого предпочтения).

Потребность экономики нашей страны в спирте с каждым годом только увеличивалась. Спиртовая промышленность находилась в состоянии постоянного подъёма и наращивания объёмов производства. Ввиду несложности технологического процесса получения спирта (его в любой российской деревне знала каждая бабка, о просвещённых жителях городов я уже и не говорю) ограничивающим фактором наращивания его производства было сырьё.

Как говорил незабвенный литературный герой Остап Бендер – «Гнать его можно из всего – например из табуретки...».

Но, несмотря на это, проблемы были. Главным сырьём для спиртовой промышленности были: в южных областях – свёкла, в северных – картофель и повсеместно – пшеничное зерно. Все перечисленные сельскохозяйственные продукты, увы, являлись при социализме дефицитом.

Этих продуктов постоянно не хватало для питания населения страны. Отчаянные усилия министерства сельского хозяйства улучшить положение с продовольствием приносили весьма скромные результаты. Химическая промышленность напрягала своих учёных на поиск всё новых и новых источников сырья для производства спирта. Успехи в этой области были налицо, всевозможных разновидностей этилового спирта было очень много.

Но, увы! Не все они считались приемлемыми для употребления в дело. Виды и сорта продукта, полученные путём химического синтеза, из недефицитных исходных компонентов, промышленность и другие потребители «почему-то» опять же, не жаловали. При выполнении различных работ настойчиво требовали не какого-нибудь, а именно пищевого (питьевого) спирта. Во все технические условия на производимую продукцию инженеры-разработчики и технологи обязательно включали, где это требовалось, спирт только высшей очистки. Последние годы советской власти этот продукт именовался, как спирт с Государственным знаком качества!!!

Они, эти специалисты, разбуди их хоть ночью, без запинки могли прочесть целую лекцию, привести массу убедительных научных доводов, для применения в их технологии такого и только такого, высшего сорта спирта. В отличие от многих весьма строгих технологических правил и процессов, соблюдение которых на бумаге было обязательным, а на практике довольно часто игнорировалось, все, что касалось применения спирта, соблюдалось неукоснительно.

Начиная с ежегодной заявочной кампании, когда год от года количество запрашиваемого спирта только росло и, кончая применением, когда любая, даже не очень ответственная, деталь тщательно (по ТУ или технологической инструкции) должна была быть протёрта, промыта, выкупана в сверхчистом ректификате и не по одному разу за цикл изготовления. Сколько именно израсходовано спирта на ту или иную операцию, можно было, только подсчитав остатки на складе.

Реки спирта текли по нашей стране, напоминая сложную кровеносную систему. Уследить куда течёт тот или иной ручеёк не было никакой возможности. То есть попытки, как-то упорядочить эти потоки предпринимались неоднократно, но неизменно с почти нулевым результатом. Наши российские работники чрезвычайно изощрены умом и изобретательны, особенно когда речь идёт об экономии жидкости, у которой, на их взгляд, есть другое, более достойное применение, нежели то, что упомянуто в технологической карте.

Порождённая неуёмной фантазией работника, рационализация по этой части поистине не имеет аналогов во всём остальном мире. К откровенному хищению спирта прибегали ну уж совсем обиженные на голову и ленивые и безвольные граждане. Вот они-то и попадали под железную метлу государственного и партийного контроля. И поделом! Ведь с раннего детства все должны были помнить завет Вождя – «Учиться, учиться и ещё раз учиться!!!»

Так вот, экономия состоялась. Сэкономленный драгоценный продукт исчезал из учётных ведомостей и начинал своё самостоятельное, невидимое постороннему взгляду, как теперь говорят «виртуальное» движение. Что же дальше? А дальше, начиналось самое интересное.

Наиболее простым доступным и безопасным способом использования спирта было употребление его внутрь сразу. Не сходя с рабочего места. Хлоп! И желаемый эффект достигнут. Важно только при этом окружающие, а особенно руководство, или как его принято называть в рабочей среде – начальство, не догадалось о причинах приподнятого настроения у работника и неожиданного появления брака в выполнении операций, при выполнении которых, о таковом и не знали, и не слышали.

Но к этому приёму прибегали в основном те, для которых спирт сам по себе являлся и целью, и способом достижения временного ощущения счастья. Не могу сказать, что таких было меньшинство, скорее наоборот, именно они, вернее их желудки и являлись тем океаном, в который впадали спиртовые реки. Но всё же, как правило, не такой простой и короткий путь проделывал сэкономленный спирт, прежде чем начать своё финальное разрушительное движение по желудочно-кишечному, а затем по кровеносному руслу конкретного употребляющего.

Как правило, в круговороте спирта, от собственно экономии его в ходе тех. процесса и до его употребления внутрь, всегда существовал некий, почти обязательный, этап назовём его «предварительным накоплением». Это было необходимо, для того чтобы собрать в заветном сосуде такое количество спирта, которое необходимо для осуществления задуманного полезного дела, будь то оплата не предусмотренных сверхурочных работ по выполнению плана производства, посылка группы сотрудников на, не оговоренные трудовым договором, работы в колхоз, овощную базу или организация корпоративной вечеринки по случаю какого либо праздника или торжественной даты.

Особенность российского менталитета состояла и состоит в том, что желание получить удовольствие от выпитого в одиночку с древних времён осуждалось обществом, а выпивка в коллективе (хотя бы из троих участников) приветствовалась большинством. Ну, во всяком случае, не осуждалась, а встречала понимание. Более того, избегающий таких коллективных мероприятий, определённо выпадал из сообщества и рисковал быть изгнанным из него совсем.

Только сложное заболевание служило оправдательным мотивом для отказа от участия и воспринималось с сочувствием. Что характерно, необходимость сесть за руль автомобиля после мероприятия не всегда служило смягчающим «вину» фактором (но это было ещё тогда, когда автомобилей на наших улицах было совсем мало и инспектора не очень «зверствовали» снисходительно относясь к «перегруженным» водителям). Сотрудник, не участвующий в коллективных мероприятиях с выпивкой по принципиальным соображениям, рассматривался окружающими, как потенциальный враг (с подозрением на стукачество), со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каждый уважающий себя руководитель озабоченный многочисленными проблемами текущего производства науки службы всегда имел в зачатке некоторое количество неучтённого (сэкономленного) спирта для всяких непредвиденных ситуаций. Порой только с помощью этой универсальной «валюты» можно было решить кажущийся не решаемым вопрос. А таких проблем жизнь в условиях социализма создавала премное количество. Бегло перечислю только некоторые из них, заранее понимая, что полный перечень, постоянно возникающих проблем и вопросов, не поддаётся составлению и вряд ли когда-нибудь будет составлен.

В нашем плановом хозяйстве СССР, где всё расписывалось на год и даже на пятилетку вперёд, а планы носили в основном волонтаристский характер, очень трудно было предугадать заранее в каком месте и в силу каких причин наступит сбой. Иногда, и чаще всего, причинами сбоев являлись некомпетентность, лень и разгильдяйство конкретных исполнителей. Но довольно часто источником всяческих проблем являлось само руководство страны, на самом верхнем его уровне. Ну, захотелось ЦК КПСС, в лице его престарелого Политбюро, чтобы труженики страны в порыве энтузиазма закончили пятилетку досрочно, да не на неделю или месяц, а прямо на год, а то и на два!!! Экий козырь получился бы в их постоянной борьбе на международном политическом фронте! То, что решило Политбюро сразу становилось законом для всей страны.

И начиналась невероятная чехарда. Для выполнения задания партии мало было энтузиазма тружеников. Нужны были для этого материальные ресурсы: оборудование, станки, материалы и сырьё и многое другое. А где это всё взять? Пароксизмов административного и трудового энтузиазма Госплан не предусматривал. Всё заранее по планам расписано на годы вперёд. По этим, напряженным и без того планам, всё, что надо для работы, получить не всегда удавалось. А досрочно!!?

Руководители хватались за голову, ведь они являвшиеся, почти сплошь, членами КПСС, а значит выполнение (пожеланий) указаний Политбюро для них священная обязанность. Не выполнишь – лишишься партбилета, а это, для ИТР и тем более руководителя, в СССР было равносильно смерти (иногда даже в самом прямом смысле).

Как выполнить досрочно то, для чего, и по заранее составленному и утверждённому в верхах плану, не хватало ресурсов, ни людских, ни материальных? Приходилось изыскивать внутренние резервы. Искать не предусмотренные законом обходные пути.

Одним из главных, если не основным резервом являлся сэкономленный и неучтённый спирт, хранящийся в бутылках, банках и бидонах, надёжно спрятанных в недрах начальственных сейфов. Сейф любого, сколько-нибудь важного, руководителя (обычно громоздкий напольный металлический шкаф, чем он больше и солиднее, тем важнее его владелец) состоял из двух отделений: верхнего, где хранились важные (а порой и секретные) бумаги и деньги, и нижнего, где и сохранялся от постороннего глаза резервный запас драгоценной жидкости - «всеобщего эквивалента».

Хранение пусть даже за стальными дверками сейфа большого количества возжеленной влаги, само по себе, дело далеко не простое. Мысль о том, что где-то совсем рядом, в кабинете начальника сосредоточено немало драгоценной «жидкой валюты», многим гражданам работникам не давала покоя. С этим приходилось считаться. Начальник должен был быть постоянно бдительным и никому не доверять ключи от заветного нижнего отделения сейфа. Ключи от верхнего мог иметь, например, заместитель и это не страшно. Но нижнее!!!

Это, как подвал хорошего банка! Правда иногда и это не помогало. Я уже констатировал, что наш Российский народ в массе своей весьма изощрён и изобретателен. Он не раз подтверждал эту высокую характеристику в самых различных ситуациях, особенно связанных со спиртом. Всего лишь один пример.

У нашего начальника отдела в кабинете почётное место занимал большой, если не сказать огромный старинной работы сейф. Этот стальной массивный параллелепипед по преданию установили в комнату на третьем этаже краном, через разобранное окно, так как поднять его другими способами не представлялось возможным. Как и положено сейфу большого начальника, он имел два отделения.

Содержимое нижнего отделения ни для кого из нас, низовых руководителей, не было секретом. Мы не раз получали оттуда необходимое, то или иное, количество спирта для текущих работ и непредвиденных трат. Сейф был надёжный, сотрудники проверенные и честные, посторонние в кабинет не ходили, так как сами наши работы, по определению, носили таинственный и закрытый для непосвящённых характер. Короче – надёжность сохранности, казалось бы, полная.

Увы! Это оказалось не так. Когда, наконец, было решено провести в кабинете начальника косметический ремонт с целью приведения интерьера в вид подобающий начальнику большого подразделения, оно к тому времени стало называться НПК (для не знающих – научно-производственный комплекс). Старую мебель вынесли и рассредоточили по комнатам отдела. С помощью приглашенного дизайнера спроектировали новый интерьер. Сейф по новому плану должен был скрыться за сплошной стенкой полок и шкафов по эстетической моде того времени. А пока он был оставлен в комнате и стоял посредине, чтобы не мешать работе.

Электрики заменили проводку, водопроводчики сменили батареи и установили умывальную раковину, штукатуры и маляры отделали и покрасили в правильный цвет стены и потолок, а мебельщики установили в нужных местах встроенную мебель. Сейф занял своё место и благополучно скрылся за облицовкой стенки. Привезли и расставили по проекту мебельный гарнитур начальника. Кабинет приобрёл, задуманный и соответствующий статусу начальника, шикарный вид. Начальник был счастлив, как ребёнок.

На радостях он пригласил всех руководителей нижнего звена на торжественную традиционную «обмывку» новоселья. Когда все приглашенные собрались Виталий Акимович, так звали начальника, взял свой заветный (и единственный, ввиду сложности и древности) ключ и открыл нижнее отделение сейфа.

Сложная и многоэтажная ненаучная фраза, которую произнёс он, после длительной паузы, подтвердила самые худшие предположения собравшихся. Не буду приводить её полностью, но смысл сводился к восхищению изобретательностью русского рабочего человека и констатацией наличия отсутствия, всего запаса спирта.

То есть, вся посуда была на месте, но в ней ничего не было, так как все бутылки и бидончики лежали на дне сейфа, на боку. В закромах было пусто и сухо даже уже и не пахло спиртом. Как этот фокус был проделан и кем, никто никогда не узнал.

«Обмывали» кабинет мы уже купленным в магазине коньяком. А после «обмывки», за научным разговором единодушно пришли к выводу, что спирт вытек через щели в дне сейфа в подставленную заранее плоскую посуду и собран до капли. Так что, вскрывать сложнейший старинный замок, не было необходимости. Достаточно было только наклонить или резко качнуть железного монстра, и он без особого шума отдал всё своё драгоценное содержимое. Естественно, проводить какое либо расследование не стали, даже не пытались, ввиду бесперспективности этой затеи.

Вот и надейся на сейфы. Против нашего человека - ничто не устоит. Выпили мы и за безграничную смекалку русского рабочего. Все присутствовавшие на церемонии приняли этот наглядный урок к сведению. Я так запомнил на всю жизнь. Но вернёмся к проблемам, свалившимся на голову начальника.

В критический момент руководитель, обдумав и взвесив все за и против, заперев дверь кабинета на ключ, доставал из заветных своих закромов, соответствующий по размеру сложности задачи, сосуд с заначкой и вызывал тех подчинённых, кому предстояло разруливать ситуацию. Уже, по характеру вызова и должностям вызываемых, можно было догадаться о том, какую срочную животрепещущую проблему надо будет решать.

В заводских условиях это выглядело примерно так. Начальник цеха вызывает мастеров участков – будет аврал с внеурочной работой вечерами или даже в выходные. Бутылку с нужным количеством стимулирующей жидкости уже стоит на столе. Вызывает снабженца – предстоит командировка с «выбиванием», не предусмотренными законом методами, дефицитных комплектующих, материалов или фондов.

Для современных читателей поясню – фонды, это не детали, материал или оборудование, это всего лишь разрешение на их приобретение. Чтобы раздобыть что-либо при плановом социализме мало было иметь деньги, надо было ещё иметь фонды т.е. запланированное и распределённое заранее количество того или иного «дефицита». А дефицитом могло быть всё что угодно, от фасонного или листового проката, до станка с ЧПУ или «Волги» для начальства.

Снабженец уходил, порою сгибаясь под тяжестью канистры и пропуском на вынос её с территории предприятия. Что поделать? Не отлить же в проходной начальнику охраны, чтоб выпустил «несуна». Ну а если, вызывает секретаря партбюро и всех цеховых партгруппов – то речь пойдет, скорее всего, о внеплановом коммунистическом субботнике (бесплатной работе по призыву партии и, как правило, связанной с наведением порядка на территории завода или даже вне её (на улицах города), к приезду важных персон или грядущему празднику).

Тут простыми взываниями к рабочей совести и энтузиазму не обойдёшься. Гегемон, так называли, с высоких трибун и в партийной литературе рабочий класс, даже с партбилетом в нагрудном кармане спецовки, очень неохотно отзывался на призывы своей же родной партии. Без стимула, в виде обещания налить хоть по 100-150 грамм по окончании работ, он и ухом не поведёт. Давить нельзя! А то гляди, выложит ваш билет и пошлёт всех подальше.

Тут и сам Карл Маркс подтвердит, что терять ему нечего, кроме своих цепей, ну или партбилета. Для вовлечённого, путём настойчивой агитационной работы, в ряды КПСС рабочего - это не такая уж потеря. Он-то не пострадает. Даже если уволится, то работу найдёт, может быть даже получше, квалификация высокая и у каждой проходной стенд «Требуется» с большим списком рабочих профессий. А вот начальству и заводскому и партийному ой, как не поздоровится!!! Песочить будут всех, за неуважение к представителю правящего класса, за слабую воспитательную работу...

Да и план потом выполнять будет не с кем. Придётся наливать тем, кто придёт на субботник, но потихоньку и без особой рекламы. Рабочий энтузиазм дело тонкое и требует особого подхода. Об этом и идёт разговор-инструктаж за закрытыми дверями начальственного кабинета. При этом, иногда даже приходится наливать самому партактиву (для пробы качества стимулятора и просто для поднятия партийного духа). Актив ведь тоже свои рабочие люди, ничто человеческое им не чуждо.

Сосуды со спиртом, после такого инструктажа, выносили из кабинета в мелкой расфасовке, рассавав по карманам, чтобы до поры до времени не возбуждать рабочую общественность. Они и так уже догадываются о предстоящем, как-никак газеты читают и радио слушают.

Иногда, в особых случаях, в кабинет приглашался конкретный рабочий. Это тогда, когда в какой либо услуге нуждался сам владелец кабинета. Приватный договор заключался с глазу на глаз. И все расчёты производились так же в доверительной форме. Но это только, повторяю, в совершенно исключительных случаях, поскольку всегда была опасность, что этот рабочий, почувствовав себя «избранным», потом «сядет на голову». Чтобы избежать такой ситуации, начальники действовали через посредников, в виде доверенных (и уже «повязанных» подобными манипуляциями, мастеров участков). Но, расход драгоценной жидкости, в этом случае, был существенно больше. Что делать, за анонимность в этих деликатных вопросах, тоже надо платить.

В научно-исследовательских проектных и других учреждениях дело обстояло несколько иначе. Поскольку, основную массу работников составляли ИТР, пристрастие к использованию спирта по прямому назначению, не одобрялось и практиковалось в значительно меньшей степени. Спирта, как правило, применялось в рабочих процессах значительно больше и, казалось бы, пей, сколько захочешь (или сколько сможешь), но последствия от неумеренного употребления выявлялись значительно быстрее.

Работа головой, а не руками, как на заводе, подразумевала трезвую голову. А наказание за выявленное злоупотребление бывало не в пример жестче, чем на заводе. ИТР, пристрастившийся к возлияниям, деградировал быстрее и жалости к себе со стороны коллег, а тем более со стороны общественных организаций и партийных структур не встречал. Спивались до увольнения, как правило, непризнанные «гении» и слабые в физическом отношении, но интеллектуально тонкие учёные и инженеры.

Они глубже чувствовали абсурдность социалистического бытия и искали утешение и расслабление в алкоголе. Основной же состав ИТР, прошедшие огни и воды студенчества умели управлять своими желаниями, дорожили рабочим местом и возможностью заниматься творческим трудом.

У проходных НИИ и КБ на стендах «Требуется» очень редко можно было увидеть инженерные специальности. Туда устраивались «по знакомству» или по распределению. А уж в КПСС, партию рабочих и крестьян, работников умственного труда принимали вообще по особой процедуре и в соотношении 1:3 к «гегемонам».

Только наличие партбилета повышало для ИТР возможность карьерного роста и роста, пусть небольшого, но роста, благосостояния. Вот и подумаешь не раз, прежде чем пойдёшь на поводу своих порочных желаний. Ведь лишиться партбилета могли и за более безобидные проступки, чем тривиальное пьянство на работе. Изгнанный «из рядов», лишался всего чего достиг невероятными усилиями. Стоило десять раз подумать.

Но и здесь в этих интеллектуальных оазисах жизнь была ключом. ИТРы - тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Только способы разнообразить свою жизнь они выбирали более цивилизованные.

В инженерных и научных кругах весьма были распространены туризм, альпинизм, яхтенный и технически сложные виды спорта. Среди ИТР было больше владельцев автомобилей и дачных садово-огородных участков. Зимой в большом почёте был горнолыжный спорт и лыжные походы. Все эти виды времяпровождения не очень согласовывались со злоупотреблением алкоголем, скорее противоречили ему. Но эти занятия требовали технического оснащения, а вот тут и появлялась необходимость изготовления всяческих полезных вещей, которых в магазине днём с огнём не сыщешь.

Инженер может придумать и изобразить на бумаге то, чего ещё не выпускает промышленность, но самостоятельно изготовить эту новинку, дано далеко не каждому. Дело не только в неумелых руках (руки у наших инженеров и техников порой просто золотые), нет нужного материала, инструмента, оснастки. Волей неволей приходилось обращаться к знакомым рабочим или искать таковых. Но даже по знакомству изготовить, что-либо бесплатно (или за приемлемые деньги) редко удавалось. Вот тут-то и возникала потребность в «жидкой валюте».

Денег, рабочий, почти принципиально, не брал. Да и что взять с этих нищих учёных и инженеров? Зарплаты ИТР в нашей стране были существенно ниже рабочих. Я сознательно опускаю ИТР - руководителей выше среднего ранга. У этих и желания, и возможности их осуществления были уже иными. Речь идёт об основной массе интеллектуальных работников НИИ и КБ. К тому же рабочий мог подрабатывать, а инженеру побочный заработок был запрещён законом.

Многие по этой причине во время очередного отпуска нанимались на нелегальную «халтуру» и вербовались, на север и другие глухие уголки страны, на строительные работы. Только таким образом инженер мог заработать денег на кооператив, на материалы для строительства дачного домика и, наконец, для приобретения подержанного автомобиля. Новые автомобили продавались по специальному распределению и в первую очередь рабочим или ИТР из рядов комсостава.

Приобретая видавший виды автомобиль, инженер был обречён идти на поклон к рабочему. Без спирта этот поход будет непродуктивным. Надо экономить доставать и накапливать. Вот я, исподволь, подошел к той причине, по которой инженеры, разработчики техники, учёные и другие специалисты, включают, в разрабатываемые ими тех. процессы, применение этилового спирта высшей очистки с «Государственным Знаком качества». Иначе где же ты будешь доставать и на чём «экономить»?

Спроси этих грамотных в технике людей, разбудив среди ночи, почему именно высшей очистки? Почему в таком количестве? Ответ будет без промедления – «А как же! Контакты (платы, приборы, индикаторы, колбы ...) нельзя промывать абы чем! Может случиться отказ всего устройства (реле, передатчика, синхрофазотрона, самолёта, космического корабля ...)!!! Всё! Возражать тут нечего.

Подписывай заявку, ведомость, накладную... Ты же не хочешь, чтобы всё это - (см. выше) – поломалось, сгорело, взорвалось... Наливай короче!!! Не тяни время! Наука, техника, производство, стартовый комплекс... Они ждать не будут! Буль, буль, буль... Ну, вот и порядочек. Вот уже и есть, что экономить и что накапливать.

Глядишь, через месяц-другой можно будет расплатиться с рабочим, за титановые скальные крючья для летнего восхождения, за новые нержавеющие лезвия для льдобура, за титановую лопату для тётки на дачу и за доски для этой самой дачи, и, конечно же, за сварочные работы и комплект задних фонарей для любимого, но старого «Москвича»... Да мало ли ещё полезного можно сотворить, имея в запасе всеобщий эквивалент – «жидкую валюту».

В Электронной промышленности, на благо которой я проработал почти всю свою трудовую биографию, при выполнении неплановых работ для своих же сотрудников или негосударственных заказчиков со стороны, существовала весьма своеобразная и специфическая система-шкала оценки стоимости предстоящей или оплаты уже выполненной «левой» работы.

Например, в объединении «СВЕТЛАНА», нашего министерства, бытовал такой подход. Ввиду того, что основной продукцией выпускаемой предприятием были всевозможные радио и сигнальные лампы, то в качестве сосудов для различных жидкостей использовались тонкостенные заготовки стеклянных баллонов этих ламп. Ламп завод выпускал огромное количество, как по разновидностям, форме и размеру, так и по тиражу. Баллоны изготавливались (выдувались) не на одном участке этого гиганта электроники.

По территории предприятия «расползалось» невероятно большое количество баллонов и баллончиков всех типов и размеров. Баллон лампы это довольно удобный резервуар для использования в быту. Он тонкий лёгкий и прозрачный. Всегда можно было поддержать и проконтролировать его чистоту и количество налитой в него жидкости. Вот эти-то баллоны стали мерной посудой для расчётов между работником и заказчиком. Для простоты, и в какой-то мере конспирации, в разговорной речи обычные в других местах меры объема и веса даже были здесь (на «Светлане») заменены на условные единицы.

От размера и формы баллона в который наливалась «жидкая валюта» зависело её количество. Маленькая тонкость состояла в том, что баллоны шарообразной или близкой к таковой формы, зрительно воспринимались гораздо меньше. Имея дело с неподготовленным партнёром, на этой разнице между визуальным восприятием и истинной вместимостью баллона можно было сыграть в свою пользу. Некоторые, недобросовестные, граждане жульничали на этом.

При обсуждении стоимости предстоящей или выполненной уже работы между заказчиком и исполнителем происходил диалог постороннему человеку не понятный. «Эту работу я уж, пожалуй, для тебя по знакомству сделаю за «6П9». А вот эти детальки обойдутся тебе никак не меньше «ГУ50»! Причём чистейшего, со знаком качества. «Сучок», какой попало, не беру. Я не сварщик, какойнибудь. Это им всё равно, что принимать на грудь. Мне моё здоровье дороже. Приходи послезавтра и не забудь «ГУ50» и ни граммом меньше!!!»

Для непосвящённых – поясняю:

- 6П9 баллончик радиолампы с таким названием
объём его на 50г. (до краёв получалось 75г.)
- ГУ50 баллон побольше, уже на 150-175г.
- «Сучок» - прижившееся в рабочей среде название гидролизного (из опилок) спирта.

Хим. состав тот же C_2H_5OH , но вкус его резче, запах сильный и от него можно с непривычки или от перебора ослепнуть. Но были и такие «употребители», что им это всё нипочём. Ну и для совсем уже молодых читателей, поясню, что выражение «принять на грудь» - означает выпить. Пошло это, я так полагаю, от выражения штангистов. На грудь взял штангу, а дальше сама пойдёт. Иными словами, если можешь поднять стакан до груди - значит ещё можно продолжать выпивку. Вот такие разговорчики, такие нравы, такие традиции.

На другом флагмане МЭП - «ПОЗИТРОНЕ», где я долго работал, существовала своя условная «шкала». В основу её была положена ёмкость выпускавшихся на предприятии электролитических конденсаторов. Блестящие алюминиевые стаканчики, служившие корпусом для этих изделий, идеально подходили для такой цели. Ёмкость – основной показатель конденсатора напрямую зависел от размера стаканчика. Их было несчётное количество по типоразмерам от 50мл. до 1000мл. Конечно, в разговорах подобных вышеприведённому фигурировал совсем уже «радиотехнический» условный язык.

К примеру, 20 микрофард – 50г., 100микрофард – 125г. и, наконец, 1фарада – это уже литр!!! Не забудем, что речь идёт о 96% спирте! Были и подобные сложнее работы, особенно по ремонтно-автомобильной части, что требовали и такой слоновьей дозы. Но это всё так сказать личные и частные проблемы работников отягощённых высшим образованием.

У их руководителей и начальников постоянно существовали и постоянно возникали те же, не решаемые обычным путём, вопросы, что у их коллег на производстве.

- Как вывести максимально возможное количество народа на коммунистический субботник или демонстрацию по случаю празднования 7го ноября?
- Чем стимулировать инженеров и техников, направляемых, против их воли, бесчисленными толпами на осенние поля и, продуваемые сквозняками, бараки овощных баз?
- Как облегчить жизнь и быт инженеров и техников, посылаемых в многочисленные и длительные командировки?
- Как изготовить сверхплановые макеты и приборы по, взятым из-под палки, соц. обязательствам?
- Опять же, как, минуя плановые рогатки, раздобыть материалы, комплектующие изделия, приборы и всё прочее необходимое для научной и исследовательской работы особенно сверхплановой???

Вопросы, вопросы, вопросы...От этих бесчисленных вопросов пухли и болели головы у начальников. И здесь опять приходил на помощь «всеобщий эквивалент» - пищевой спирт! Примеры удачного разрешения этих и других проблем опытными руководителями я наблюдал (и принимал в них участие) лично.

Рассказы о некоторых из этих событий изложил я в своих рассказах. Первый из них – «Денатурат». Это самые ранние мои впечатления от встречи с этим российским продуктом.

Денатурат

Впервые, я услышал это, новое для меня тогда, слово от бабушки Евдокии Васильевны, маминной мамы, в городе Свободный в 1948 году.

Перед отъездом на гастроли, мама привезла меня к бабушке на лето. Гастроли предстояли длительные с проживанием в вагоне или в мало приспособленных случайных помещениях типа сельских клубов и воинских частей. С питанием было вообще непонятно. Накормят артистов принимающая сторона или нет, всегда было под вопросом. А у бабушки был огород. И хотя жила она очень бедно (пенсия всего 23 рубля), но летом огород позволял прокормиться и запастись немного продуктов на зиму. Бабушка и моя тётя – мамина младшая сестра Вера, ещё школьница, жили в угловой комнатке около 12 кв. метров большого деревянного одноэтажного дома.

Фасадная сторона дома выходящая на улицу была отгорожена от неё рядом огромных тополей. Толстые стволы деревьев сплошь были покрыты шевелящимся ковром мохнатых гусениц. А за густыми кронами тополей дома почти не было видно. Два окна нашей комнаты выходили во двор. Под окнами земля была покрыта мелкой пахучей ромашкой. На этой травке я и играл в течение дня. Здесь я был всё время на виду. Отсюда хорошо просматривалась калитка в огород, где почти весь день трудилась бабушка.

Через открытое окно можно было сразу попасть в нашу комнату, минуя тёмные сени и общую прихожую, которые очень не любил и даже побаивался. Там всегда плохо пахло и царил полумрак. Часть комнаты занимала круглая печка, а на свободной площади ютились мы втроём. Я тогда был ещё маленьким и довольно щуплым мальчиком, а потому места много не занимал. Вечером меня укладывали спать на трёх досках положенных на две табуретки. «Кровать» моя на день разбиралась и освобождала место для прохода. А табуретки служили мебелью. Вера спала на небольшой кровати, а бабушка на сундуке. Кроме этого, в комнате стоял колченогий стол у окна и ножная швейная машинка «Зингер». Вот и вся обстановка.

Понятно, что все собирались в комнату только перед сном или в непогоду. В тот год домой на короткую побывку приезжал дядя Миша. Он служил моряком на тихоокеанском флоте и мне сразу очень понравился. Красивый, кудрявый, в матросской форме, он был очень весёлым и много рассказывал мне о море. А ещё он умел фотографировать, так как у него был настоящий фотоаппарат с гармошкой. Снимал он и всех на огороде, там, на солнце было светлее, а потом вечером мы, закрыв ставни и завесив окна, проявляли в темноте стеклянные пластинки. Фотографии получались маленькие, но всех можно было узнать и Веру, и бабушку и меня.

Само это занятие мне было очень интересным, особенно когда в темноте в пахучем и мылком на ощупь растворе, на бумаге возникали наши лица. Это было как чудо. И дядя Миша был сказочным фокусником. После этого мы все укладывались спать на полу, так как иначе всем не хватило бы места. Дядя Миша побыл не долго и скоро уехал опять на службу. Так я и запомнил его на всю жизнь, улыбчивым и молодцеватым, в форме военного моряка. Некоторые фотографии сохранились и напоминают о нашей встрече в Свободном.

Ещё к нам иногда заходил мой старший дядя Георгий. Он жил отдельно в городе и работал связистом на железной дороге. Форма у него была строгая чёрная с погонами. И сам дядя Гоша был высокий и статный, но почему-то всегда суровый. Наверное, потому что он уже побывал на войне, был ранен и многое испытал. Про войну он мне ничего не рассказывал, а больше спрашивал, кем бы я хотел быть. Я говорил, что хочу быть моряком. Тогда он улыбался и говорил, что моряк у нас уже есть и что лучше надо учиться на инженера.

Кто такой инженер, я ещё тогда не понимал, но чувствовал, что это очень важный и учёный человек. Всё равно мне хотелось быть моряком, но обижать дядю Гошу не хотел и обещал, что непременно буду учиться в школе. До школы мне было ещё далеко целых три года, но я уже листал Верины учебники. Мне было очень интересно разглядывать в них картинки. Особенно мне нравились учебники: история древнего мира, ботаника и зоология.

В них было много картинок. Читать я ещё не умел. Только знал отдельные буквы и мог складывать слова. «Ра-бы в руд-ни-ках древ-не-го Ри-ма» и маленькие чёрные человечки в разных позах изображенные на старинном кувшине с длинным горлышком. Других книжек с картинками в доме не было. Бабушка с Верой жили очень бедно и книжек не покупали. Вера иногда приносила от подружек толстые книжки и читала сидя на завалинке или вечером при керосиновой лампе. Бабушка сердилась, что она много жжёт керосина. Я просил почитать мне вслух, но Вера отказывалась. «Они про любовь, это тебе не интересно, ты ещё мал и ничего не понимаешь» – говорила она в ответ. И действительно, книжки были совсем не интересные, вовсе без картинок.

Погода в то лето стояла хорошая и поэтому всё светлое время мы проводили на улице в основном на огороде. Огород хоть и небольшой всего несколько грядок вдоль забора, но внимания он требовал немало. Прополка и поливка отнимали много времени и сил. Так что, чаще всего я видел бабушкину спину между грядок. Работала она, не покладая рук. Тётя Вера, Веруся - как я её называл, была уже большая девочка, старшеклассница помогала матери, как могла. Но часто убегала куда-то с подружками и если бывала дома, то когда делала уроки.

Я, в меру сил, пытался помогать бабушке, но не всегда по делу. Не разбираясь в густой ботве, я мог «прополоть» и полезное растение. И ещё всегда был соблазн съесть недоросшую морковку, капустный лист, зелёный ещё помидор или маленький огурчик. От такой еды, кроме убытка, никакой пользы. Да ещё мог заболеть живот. Короче в огород мне, как вредной козе, дорога была заказана. Помощь моя сводилась, в основном, к совместным с бабушкой, походам за водой для полива.

Бабушка с большим ведром, а я с маленьким ведёрочком шли к большой, заросшей высокой осокой и водорослями, яме с водой, расположенной у дороги в ста метрах от дома, на другой стороне улицы. Выйдя на шаткий мосточек и, раздвинув водоросли, бабушка большой старой поварёшкой наполняла зеленоватой болотной водой сначала своё ведро, а потом моё ведёрко. Заходить на ненадёжный мосток, мне было запрещено.

Плавать я тогда ещё совсем не умел. Сидя на корточках у берега я с интересом наблюдал жизнь разнообразных водяных обитателей.

Кого там только не было: разного размера пиявки, жуки плавунцы, водяные скорпионы, личинки комаров стрекоз и других насекомых. Как зачарованный, я мог бесконечно смотреть происходящее под водой.

Тем временем бабушка выходила с ведрами на берег и уже звала меня в обратную дорогу. Таких походов за день набиралось больше десяти. Лето было сухое и жаркое. Так что я, без особого сожаления о недосмотренном в воде, отправлялся к нашему огороду. Бабушка брала меня за руку, а в другой руке несла тяжелое ведро с болотной водой. Её сухая жилистая и морщинистая рука, с крупными раздувшимися синими венами, крепко держала мою ладошку и слегка подрагивала от напряжения.

Я семенил за бабушкой, стараясь не расплескать по дороге драгоценную влагу из своего ведёрочка. С каждым походом оно становилось всё тяжелее и тяжелее. По дороге мы часто останавливались, меняли руки и отдыхали. Жаркое солнце грело нещадно. Хотелось пить. По лицу бабушки катились крупные капли пота. Она посматривала на меня сквозь толстые линзы своих очков, как бы спрашивая – «Ну что Костя? Пойдешь ещё? Или, может быть, останешься во дворе, в тени дома?».

Я упорно не соглашался на такой соблазн, видя как тяжело бабушке. И потом, меня ждал короткий отдых у воды. Мне было интересно, что там произошло за время нашего отсутствия. Пока я сидел на травке в тени дома под окнами нашей комнаты, бабушка поливала грядки. Больше всего требовала полива капуста, которая, наряду с картошкой, была основной нашей пищей. Но картошки на огороде было мало. Она была посажена здесь только для быстрого употребления. Этот сорт у бабушки так и назывался – скороспелка.

Основные посадки картошки были сделаны ещё до моего приезда далеко за городом. Там были выделены участки для горожан. Раза два-три мы с бабушкой ходили на эти поля окучивать и пропалывать картошку.

Это были далёкие и трудные для меня походы. Собирались с раннего утра все трое. Брали с собой еду и воду. Бабушка брала основной инструмент – тяпку. Долго точила её ржавым напильником, а потом закуtywала лезвие тряпкой, чтобы не пораниться по дороге. Утренняя дорога была не такой утомительной. Было ещё свежо и даже прохладно. Но днём на поле было ужасно. Солнце палило. Спрятаться от него было негде, ни деревца, ни кустика. Взятую с собой питьевую воду расходовали экономно. Мне вручался огурец, который в какой-то мере заменял питьё. Окучивали картошку бабушка и Веруся, по очереди.

Я ходил за ними и выдёргивал отдельные травинки. По ходу дела бабушка объясняла мне, что к чему. Она старательно присыпала комками сухой земли появившиеся снизу бока клубней. Если этого не сделать, то высунувшийся из земли бочок позеленеет и такой картофелиной можно серьёзно отравиться. Эту бабушкину науку помню с тех самых лет. К полудню, когда работа была закончена, мы устраивались на обочине дороги. Бабушка и Вера отдыхали и приводили себя в порядок, наскоро перекусывали и отправлялись домой. Пыльная извилистая, с подъёмами и спусками, дорога до города казалась мне бесконечной. Но уже в городе, где росли деревья, мы шли по тени, здесь нам становилось немного легче.

Первой радостью этого путешествия была ближайшая городская водоразборная колонка. Около неё на деревянной скамейке делали привал. Можно было умыться и вдоволь попить холодной воды.

Второй радостью для меня было посещение находящегося по дороге магазинчика под названием «ХЛЕБ». Бабушка доставала из своего дорожного узелка тряпочку с мелочью и покупала хлеб для всех, а мне ещё небольшую белую булочку. Булочка была мягкая и душистая, а самое главное, что и доставляло мне вторую радость, внутри булочки, как в пирожке, было запечено немножко сладкого повидла. Ради этого счастливого момента стоило терпеть все тяготы такого похода.

В конце дня уставшая после работы бабушка приносила с огорода несколько выкопанных картофелин пучок зелени и пару огурчиков. Это и был наш ужин, или обед, как хотите. Продолговатые, красноватого цвета картофелины варились прямо в кожуре на керосинке в общей прихожей, служившей кухней для всех жильцов дома.

Поеживав, мы начинали готовиться ко сну. Жесткие доски моей «кровати» застеленные старым бабушкиным зимним пальто и тоненьким одеялом казались мне мягкой периной, о которой я знал из сказок. Уже почти засыпая при свете керосиновой лампы, я наблюдал, как бабушка, сняв с полочки бутылку с какой-то синеватой жидкостью и сев на свой сундук, долго растирала ею свои натруженные руки и, покрытые узловатыми жилами, ноги и колени. Руки и ноги у неё болели. Эта процедура приносила ей временное облегчение, позволяющее заснуть.

На бумажной этикетке бутылки были изображены страшные череп и две косточки, как на жестяной табличке электрического столба рядом с нашим домом. Я уже знал буквы и смог прочесть надпись ниже черепа - «Денатурат ЯД пить нельзя!». На мой недоуменный вопрос бабушка объяснила мне, что денатурат это такой СПИРТ. Он вредный и ядовитый если его попробовать пить. Но для натирания рук и ног пригодный. Он даже полезный, так как на нём настояны разные полезные травы. Они облегчают боль и лечат от ревматизма суставов.

Сам по себе СПИРТ не очень вредный, только противный и жгучий на вкус. Но его даже пьют, как лекарство, особенно если в нём растворено что-то полезное. Она снимала с той же полочки другую бутылочку поменьше. В ней жидкость была прозрачная желтоватого цвета. Я уже знал её. В этой бутылочке в жидкости плавал длинный корешок какого-то растения, напоминающий по виду худенькую человеческую фигурку с ножками и без головы. Бабушка называла этот корешок непонятным и, необычным для моего уха, словом Женьшень.

«Это тоже СПИРТ» - поясняла она – «но он полезный и даже лечит почти от всего, так как на нём настоян целебный, почти волшебный, китайский корешок. В природе он очень редок, но в дальневосточной приморской тайге его успешно собирают знающие люди и продают китайцам. Те, в свою очередь, делают из него чудодейственное лекарство и продают по всему миру»

Изредка, когда кому-нибудь из нас нездоровилось, бабушка капала несколько капель из этой бутылочки в стакан, а потом разбавляла водой и давала выпить больному. Обычно это помогало, причём и от простуды и от сильной усталости, короче «от всего!».

Так что слово СПИРТ я узнал, прежде всего, как лекарство и относился, до поры до времени, к нему именно так.

Много позднее, уже став постарше, я узнал об этой жидкости много нового и совсем другого. Повзрослев, я понял, что в нашей стране эта жидкость, и всё что с ней связано, имеет особое, почти мистическое, значение и смысл.

Будучи уже школьником я как-то раз пошел с отцом на рынок. Рынки в ту послевоенную пору представляли собой весьма живописную и интересную с познавательной и практической стороны картину. Мы долго бродили в суматошной многоголосой толпе. Разглядывали разложенные на примитивных импровизированных прилавках, а больше прямо на земле, на газетках, предметы.

Обилие и разнообразие представленных здесь на продажу предметов поражало воображение. Здесь было представлено буквально всё от кучки ржавых гнутых гвоздей до шикарных вещей привезённых воинами освободителями в качестве трофеев из побеждённой Европы.

Покупатель находился и для ржавой отвёртки, и для мейсенской фарфоровой тарелки от сервиза. Бродили мы, бродили, ища иголки для патефона (они тогда были страшным дефицитом, наравне с кремнями для зажигалок) и приценивались к разным полезным в быту мелочам. И вдруг около прилавка-газетки одного инвалида без одной ноги, я замер, как вкопанный.

Меня охватил ужас. Инвалид, которому трудно было стоять, как стояли многие остальные продавцы, сидел на старом деревянном тарном ящике, отставив в сторону прямой негнувшийся протез. Он торговал старыми шарикоподшипниками, очень полезной вещью, так как, имея два таких подшипника, можно было сделать из досок самокат.

Такой я видел у одного из пацанов с нашей улицы. Я даже пару раз, в очередь с другими знакомыми мальчишками, катался на нём, делая кружок по твёрдому, как камень, школьному двору. Я очень хотел иметь свой собственный самокат и кататься на нём когда захочу. Но инвалид запросил несусветную цену.

Отец только крикнул от возмущения. Весь суровый вид продавца и его решительно названная цена не предусматривали возможного в таких местах торга. Видя наше сомнение и решив, что мы раздумываем, инвалид не спеша, развязал свой заплочный мешок, лежавший около его ящика и извлёк из него бутылку с синеватой жидкостью.

Бутылка была в точности такая же, как на полке у бабушки Евдокии. И даже этикетка на ней была чуть новее, но по содержанию та же – «череп с костями и ЯД пить нельзя!». Но то, что он проделал в следующий момент на наших глазах, повергло меня в шок. Вынув из горлышка самодельную деревянную пробку инвалид продавец поднёс бутылочное горлышко к своим губам охватил ими и, запрокинув голову, начал пить. Синяя жидкость, этот «ДЕНАТУРАТ», эта пакость, которую пить нельзя, булькая, перетекала из бутылки в горло инвалида. Кадык мужчины двигался вверх и вниз, рука подрагивала, а между его грязными пальцами мне улыбался череп – символ смерти!!!

Я закаменел, глаза мои сделались, наверное, квадратными. Вот сейчас на моих глазах несчастный инвалид войны рухнет, как подкошенный мёртвым и мы с отцом будем виноваты в его смерти, поскольку не купили у него товар по запрошенной цене!!! Видя мою реакцию на свои действия, инвалид прервал своё страшное занятие и, истрактовав ситуацию по-своему, спросил не изменившимся хриплым голосом – «Ну что? Берёте? Нет? Так и ступайте дальше! Ищите, кто продаст вам такой хороший товар дешевле!»

Судя по решительному голосу, он совершенно не собирался умирать на наших глазах и вообще не собирался делать это. Покопавшись в мешке, он достал кусок хлеба с прилипшими к нему крошками табака и вялый огурец. Понюхав хлеб, он смачно надкусил огурец и подмигнул лукаво моему отцу, мутным уже, но повеселевшим глазом. Отец, не сразу поняв моё состояние, потянул меня за руку дальше. Он решил, что мне очень хочется купить эти дорожные подшипники и потому я упираюсь, уходя от «прилавка» инвалида. А мне было до жути интересно, что с ним будет дальше. Ведь ЯД! И пить его уж точно нельзя! Как говорила мне бабушка. На моих глазах произошло чудо!

В полной растерянности я шел домой, не понимая, почему отец отнёсся к этому событию так нейтрально. Позднее, когда я окончательно пришел в себя я задал этот вопрос отцу. Его реакция была для меня совершенно неожиданной. Он весело рассмеялся. - «Ах! Вот оно что! Ты подумал, что этот человек решил отравиться? Не беспокойся сын. Эти люди прошедшие войну, весь этот ад и оставшиеся в живых, от такого не умирают. А «Денатурат» - это такой спирт, только подкрашенный краской, чтобы не перепутать с другими жидкостями. Он хоть и вредный, как любой спирт, но не смертельный, если не пить его много.

Череп с костями это для неграмотных и детей, чтобы отпугнуть. У нас в стране не мало людей, которые пьют всякую гадость ещё и похуже.

И травятся и умирают, но всё равно пьют. Что поделать. Перевоспитать их очень трудно. Даже может быть невозможно. Они больные и их лечить бы надо, да они и сами не хотят.

Жизнь такая сложная штука, не всегда поймешь, что правильно, а что нет. Одно тебе скажу. Никогда не пробуй даже эту дрянь. Я знаю столько хороших людей, которые погибли, попробовав, а потом были не в силах отказаться» - он замолчал, и остаток дороги прошел погруженный в свои думы.

Наверное, вспоминал своих рано умерших от спирта друзей и знакомых. Я не беспокоил его, мне ещё младшему школьнику тоже было о чём подумать, поразмышлять.

Наставления отца по этому конкретному случаю и этой животрепещущей теме, я помню, по сей день.

Болтун - находка для шпиона. Первые, вторые отделы, всеобщая и повсеместная секретность и подозрительность. Что это было? Сохранение государственных секретов, или сокрытие недостатков и слабостей?

Интересная тема. Признаюсь, даже не предполагал, что доживу до того времени, когда о подобных вещах можно будет открыто, не шепотом на кухне, а вполне открытым текстом, говорить вслух и не оглядываться с осторожностью по сторонам. Ведь всю свою рабочую биографию я проработал в обстановке этой самой «трогательной и нежной» заботы со стороны соответствующих служб.

Что поделатъ, вся страна была одним «режимным» предприятием, наглухо закрытым от всяческих «происков проклятого Запада». Причём не только учёные, конструкторы и рабочие, занятые непосредственной разработкой и изготовлением военной техники, не только сами военные, использовавшие эту технику по прямому назначению, но и члены их семей, обслуживающий персонал, т.е. все, все, кто хоть в малой степени соприкасался с «оборонкой» попадали на всю жизнь под наблюдение бдительных «Органов».

Порою, доходило до абсурда, когда на ленинградской трикотажно-чулочной фабрике, где мне довелось побывать по работе (наладка электронных блоков управления ткацких станков с ЧПУ), был полновесный Первый (режимный) отдел и секретный цех!!! Цех этот, выпускал тельняшки для флотов ВМФ. Секретом, как шутили местные работницы, являлось количество синих и белых полосок на них!

На самом же деле, под закрытые сведения подпадало количество выпущенных форменных рубашек, по которому «коварный враг» (вокруг же все потенциальные предатели и шпионы) мог бы с высокой точностью разузнать и подсчитать количество личного состава нашего военно-морского флота! Страшный это был секрет!!! Сколько ещё было таких «секретов» неизвестно, пожалуй, даже самому высокому начальству этого грозного и не уважаемого в народе департамента.

Впервые в своей жизни, напрямую и непосредственно столкнулся я с секретностью ещё будучи учеником 9 класса средней школы. В моей семье и среди родных никто не работал на «режимных» предприятиях и в силу этого были, пусть частично, но освобождены от ежедневной опеки вездесущих «Органов». Я – школьник, оказался первым и надеюсь, последним, из нашего рода, кто ощутил эту «заботу».

Как это получилось, во всех подробностях я описал в цикле своих рассказов «О спирте...». Позволю себе процитировать некоторые отрывки из этих воспоминаний, которые касаются темы заданного вопроса.

В самом конце пятидесятых, начале шестидесятых годов, министерство просвещения СССР, под давлением правительства и других министерств, решило радикально реорганизовать учебный процесс во всех советских школах. Генеральным направлением был выбран курс на всеобщее политехническое обучение. Заводам и фабрикам нужны были в большом количестве молодые и обученные рабочие кадры.

Уж слишком многие желали получить высшее образование. Конкурсы в ВУЗы страны достигли небывалых высот. Партию, то бишь - КПСС пугало такое явное нежелание сразу после школы вступать в ряды самого передового в мире рабочего класса.

Надо было заставить молодёжь пополнить опору режима новыми силами. Заставлять и принуждать у нас умели прекрасно. Опыт предыдущей истории страны тому подтверждение. Так поступили и на этот раз.

Во всех школах страны было введено одиннадцатилетнее обучение с обязательным освоением школьниками старших классов рабочих профессий. Это касалось как мальчиков, так и девочек - различия тут не делалось.

А уж склонность к гуманитарным дисциплинам не принималась во внимание вовсе. Каждая школа была прикреплена к ближайшему заводу или фабрике. На базе учебных структур этих предприятий проводилась подготовка будущего молодого пополнения рабочего класса. Там, где таких структур не существовало, наскоро создавались школьные Учебно-производственные комбинаты.

Наша 62-я школа Приморского района, где я тогда должен был учиться в девятом классе, по вышеозначенной программе реформирования обучения, была прикреплена к, расположенному поблизости, крупному оборонному заводу. «Северный завод» - он тогда обозначался как п./я.493, был расположен около станции железной дороги «Новая деревня».

Его огромная территория включала в себя, пустынное тогда и огороженное колючим забором, большое лётное поле, именовавшееся «Комендантским аэродромом». Оно и понятно, завод был авиационным. До войны, а потом и после, готовая продукция покидала территорию этого завода своим ходом с этого аэдрома. К тому времени, которое я описываю, завод был уже перепрофилирован и готовые «изделия» вывозили в больших товарных вагонах по имевшейся ж. д. ветке.

«Изделия» были самыми современными для международной обстановки «холодной войны» и крупносерийный выпуск их имел очень важное значение для обороны страны. Вот мы школьники, а в дальнейшем, пройдя обучение, – квалифицированные рабочие и должны были помочь решать задачу увеличения серийности этих «изделий».

«Эта важная народно-хозяйственная и оборонная задача ляжет на ваши молодые плечи!» - так, или примерно так, выражался в своей пафосной вступительной речи заместитель директора завода, начальник отдела подготовки кадров ОПК товарищ Белорусцев Сергей Александрович, когда выступал перед нами, собранными по случаю начала учебного года, в актовом зале.

«Партия и правительство доверяет вам – молодым, ковать надёжный щит мирного неба над нашей необъятной Родиной!! Цените это доверие. Хорошо учитесь и постигайте глубже тонкости нашей рабочей науки» - и далее в том же духе...

Товарищ Белорусцев закончил призывать и начал страшать. Он говорил нам о технике безопасности при посещении территории и цехов завода. О рабочих специальностях, которые нам предстоит освоить, прежде чем мы определимся с выбором конкретной профессии. И в конце, доверительно понизив голос, посуровевшими глазами оглядывая зал, поведал нам, как я понял, самое главное.

«Завод наш оборонный, а потому – секретный» - сказал начальник ОПК. Слово «секретный» он произнёс каким-то зловещим шепотом. От этого по спине поползли мурашки. «Это значит» - пояснил замдиректора – «что далеко не каждому и всякому Родина может доверить ковать щит своего неба. Это надо ещё заслужить. Надо, во-первых, хорошо учиться, а во-вторых, пройти соответствующую проверку на «допуск»».

Как я понял, значительно позднее, это «во-вторых», гораздо важнее всего прочего. Ещё до того, как нас направить на учёбу в ОПК «Северного завода», где-то в недрах спецслужб была проведена предварительная работа и первые листочки в моём «досье» наверняка имеют эту дату 1960 год. Не все мои соученики были включены в нашу группу, вероятно, не всё «было чисто за кормой» у их самих или каких-либо родственников.

После торжественного собрания для нас состоялась небольшая экскурсия в цеха завода. Четырёхэтажное новое здание учебного центра ОПК вплотную примыкало к высокому, украшенному поверху колючей проволокой, глухому забору завода. Через небольшую, охраняемую часовым с винтовкой, дверь в заборе нас провели, пересчитав, на запретную территорию предприятия.

Вот так я вступил на ту тропу, ставшую затем столбовой дорогой, по которой я и иду всю свою трудовую жизнь, по сей день. Не стал я токарем, фрезеровщиком, слесарем, хотя официальные солидные документы ОПК «Северный завод» подтверждают мою (совсем не малую 4-й разряд по каждой из них!) рабочую квалификацию. Мог бы стать, но я уже тогда полюбил радиотехнику, и в мечтах видел себя разработчиком новейших радиоаппаратов для своей страны и армии.

Не столь быстрым был мой путь к высотам науки, но я прошел все ступени становления, через цех завода, работая радиомонтажником, затем в научной лаборатории НИИ «Интеграл» с лаборанта, до инженера – разработчика и конструктора, руководителя КБ. Но для этого понадобилось сначала успешно окончить учёбу на вечернем факультете «ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина), а это осложнилось женитьбой и рождением ребёнка. Всё преодолел, справился и не жалею.

Сложен был этот путь, но интересен. Не всё было так просто и прямо. И многие повороты судьбы были прямо связаны с вмешательством ведомства, озабоченного «Государственными секретами» и их охраной.

Об одном из таких поворотов судьбы я написал в другом рассказе того же цикла «О спирте...». Приведу отрывок по теме.

Работая уже инженером, я был включён в состав группы специалистов, решавших важнейшую Государственную задачу, разрабатывавших сложнейшую аппаратуру для оснащения одного из «Кораблей Науки» (по многолетней привычке, опущу его название, корабль ещё в строю).

Работа была проведена на высоком научно-техническом (слова из заключения Госкомиссии) уровне и нам – группе разработчиков предстояла дальняя морская командировка для проверки работы нашего детища в реальных условиях открытого океана.

Я ликовал, не зря поработал, постарался, теперь-то я, наконец, увижу океан, о котором мечтал и грезил всю предыдущую жизнь. Судьба распорядилась иначе, и резко изменила мою жизнь. Перед самым выходом в экспедицию нашу группу отозвали в Ленинград для окончательного формирования состава и прохождения сложной процедуры оформления выезда за пределы СССР.

Конечно, самые сложные процессы происходили без нашего непосредственного участия. Эта процедура носила в нашей, закрытой железным занавесом от остального мира, стране некий сакральный характер. В ней принимали участие многочисленные чиновники и служащие разных ведомств, облечённые особым доверием государства.

Пристальному анализу подвергалось каждое слово, каждая запятая многочисленных документов, написанных и соответствующим образом оформленных, на каждого кандидата на выезд.

Никому из нас и в голову не приходило, сколько людей задействовано в этом процессе. Сколько проблем и головной боли мы доставили этим людям. Им мало было исследовать наши родословные на максимальную глубину в прошлое. Каждого из родственников проверить на принадлежность к социальному слою (сословию). Выяснить, не был ли он замешан в какой-нибудь нехорошей истории и не состоял ли, не приведи господи, в троцкистах и прочих нелояльных к нынешней власти организациях.

Любое сомнение, любое белое (я уже не говорю, о тёмном) пятно в их биографиях, трактовалось не в пользу претендента на поездку за рубеж. Поводом, для возможного отклонения кандидатуры, мог явиться любой, обнаруженный в архивной пыли, документ, любой клочок бумаги, содержащий пророчащие или просто подозрительные сведения о проверяемом или о его многочисленных родных.

Каждый, из занятых в этом процессе, работников, начиная с непосредственного начальника (написавшего первую характеристику) и кончая высокими начальниками соответствующих ведомств, ставя свою согласительную подпись, рисковал головой и, как минимум, должностным положением, благополучием себя самого и всей своей семьи.

В этом государстве существовала и процветала система круговой поруки и поголовного заложничества.

Случись что, с нами в море, все эти люди окажутся виноваты в том, что были, не достаточно бдительны при проверке кандидатов в команду. А если, не дай бог, корабль, в силу неизвестных и не преодолимых причин, пропадёт со всей командой в открытом море, то все эти чиновники и клерки понесут суровую ответственность за недосмотр, за политическую близорукость.

Сильно они рисковали. Очень они сомневались. Дай им волю, они бы напротив каждой фамилии и без того коротенького списка поставили бы жирный минус. Для них было бы проще заменить всех этих, сомнительно благонадёжных инженеров, на своих проверенных товарищей, которые уж точно не подведут. Но тогда задача, во имя которой, были потрачены немалые государственные деньги, была бы не выполнена. Увы, для выполнения работы требовались настоящие специалисты, а не те «инженеры в штацком», проверенные, но несведущие в конкретной технике люди.

Тоже ответственность и не меньше чем первая. Что и говорить, нелёгкая работёнка, у этих ответственных товарищей. Приходилось рисковать и, скрепя сердце, ставить подпись, не найдя малейшей, хоть какой-нибудь зацепки в документах очередного командированного. Ну и что из того, что корабль выйдет в Атлантику, не заходя ни в какие иностранные порты, не останавливаясь у чужих берегов?

Ну и что, что он будет болтаться посреди океана месяц или даже больше, не имея контактов с редко проходящими вблизи кораблями, всячески избегая таких случайных встреч, а потом вернётся, таким же порядком, в родной порт? А вдруг! А мало ли что?!

На память мне пришла трагическая история прекрасной женщины Тамары Правдиной яхтенного капитана первого класса, что для представительниц слабого пола, само по себе, самая яркая характеристика.

Воспитанница детского дома, в который попала в тридцатые, недоброй памяти, годы она всю жизнь мечтала работать на морском судне. Она целеустремлённо двигалась в этом направлении.

Преодолевая все преграды на пути к заветной цели - стать настоящим моряком открытого моря. И яхтенный спорт для неё был одной из ступеней на этом, нелёгком для женщины, пути. Она преодолела всё: и собственные слабости и природную робость перед большими начальниками. Она пожертвовала своей личной жизнью, не создавая семьи, из боязни, что это может помешать осуществлению её заветной мечты.

Но, когда решался вопрос о включении её в состав экипажа гражданского торгового судна, для выхода и работы за границей, какому-то из особо бдительных работников показалось подозрительным, что у неё нет родных, нет заложников, остающихся в стране, на время выходов за рубеж. Матерью и отцом Тамары, по её словам, была наша Родина. Фамилию свою она получила в детдомовской канцелярии, так как всегда была правдива и искренна в своих мыслях и поступках. Более убеждённой патриотки я никогда не встречал.

Но её предала, ей отказала в доверии, эта самая Родина, в лице работников особого отдела, решающих такие вопросы. Ей отказали, мотивируя тем, что её родственники неизвестны и проверять её, можно только со времени её поступления в детдом. Этого показалось мало. А вдруг она дочь врага народа! Такого удара в спину её женская нервная система не выдержала, и она рано ушла из жизни, так и не увидев открытого моря. Жестокая социалистическая реальность того времени.

И сколько таких поломанных судеб на совести работников этой системы сотни? тысячи? сотни тысяч? Кто может подсчитать? «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» – железное правило этих особых служащих.

Но все эти их терзания, все сомнения и размышления, проходили мимо нас, в тишине особых кабинетов и на немногочисленных и немногословных совещаниях у больших начальников. Нас в эти процессы не вовлекали. Нам хватало своих проблем.

Что взять с собой в длительный поход? Во что одеться, с учётом суровых условий северной Атлантики? Как организовать и обеспечить жизнь и быт семьи в своё отсутствие?

Возможности устойчивой связи по личным вопросам с берегом, с домом нам не гарантировали. Стало быть, домашние будут всё время до нашего возвращения пребывать в постоянном волнении и страхе за наши судьбы.

Надо их по возможности подготовить морально и успокоить. Жены и родственники настоящих моряков сознают, с кем имеют дело и понимают необходимость таких издержек службы, но всё равно волнуются и страдают. Наши родные не все готовы к таким испытаниям. Им надо помочь, их надо поддержать и подготовить морально.

И ещё одна важная задача была возложена на каждого из претендентов лично. За оставшееся до выхода время, надо было каждому пройти придирчивую комплексную медкомиссию в специализированной поликлинике при больнице им. Чудновского. Эта ленинградская клиника обслуживала плавсостав нашего морского флота. Только комиссия этой больницы решала, пригоден ли моряк к выходу в море по состоянию здоровья. Её решение было окончательным, как приговор достопамятной «тройки».

Моряки, конечно, не космонавты, но здоровья морская служба требует не мало. Лечить от возникших хворей в море, на корабле, зачастую некому, да и нечем. По штату, в составе экипажей были врачи и даже, порой, очень неплохие, но корабельный врач не волшебник и не всё он может выполнить в условиях автономного плавания. В сложных случаях, иногда приходилось больного доставлять в ближайшее лечебное учреждение на берег и даже в иностранных портах.

Лечить приходилось, тратя на это иностранную валюту. Правительство нашей страны очень не одобряло такие случаи и старалось с помощью жесткого медицинского отбора предупредить их. Я комиссии не особенно побаивался, на здоровье я по молодости не жаловался. Тем более, что я занимался подводным спортом, а водолазная комиссия была дотошной ничуть не меньше морской. Тем не менее, мои визиты к врачам Чудновки затянулись.

Все эти рентгены, анализы, осмотры специалистами, требовали много времени. Больница находилась далеко от моего дома, метро тогда там ещё не было, и добирался туда я на медленном дребезжащем трамвае. До отправки оставалось всего три дня и зубной врач. Зубы у меня не болели, и я шел к нему спокойно. Но, увы, оказалось, что тут то и подстерегала меня неприятная неожиданность. Внимательный врач обнаружил на трёх моих зубах начало кариеса. Он категорически отказался поставить свою подпись на общем листе комиссии, без проведения курса лечения.

Зубные процедуры большинство из нас не любит с детства. Но это случай особый и я насколько это возможно прошу доктора лечить эти зубы, прямо сейчас, не сходя с кресла. Доктор усмехается - «Экий вы прыткий, молодой человек. Здесь работы недельки на две с перерывами. Только после этого я вам гарантирую, что в море с вами ничего неприятного не случится». Я так и похолодел. Все мои предыдущие усилия и старания пропадают даром. Послезавтра команда уезжает в Балтийск, а ещё через пару дней выходит в море. Плакала моя мечта о выходе в океан.

Ищу выход из создавшегося положения. «Доктор, а нельзя ли как-то по-другому, быстрее и проще? Мне скоро отплывать и ждать меня никто не будет». Видя моё возбуждённое состояние, доктор колеблется (боясь меня напугать) и произносит – «Ну, разве что, удалить! Но это же варварство! Зубы вполне послужат вам после лечения, да и сверлить их надо не так уж много».

Он так и не понял моей ситуации, решив, что я боюсь бормашины. С отчаянием обречённого я ухватился за эту идею. - «Рвите доктор! Рвите все три и сейчас! Я готов вытерпеть всё лишь бы выйти в море, не остаться на берегу навсегда». У доктора глаза полезли на лоб – «Да вы что! Зубы-то вполне здоровые! И потом три за раз, это будет не просто!!!». «Я закусил удила. Рвите доктор!!!»

Маленькое отступление от текста рассказа.

Теперь, на склоне лет, когда у меня во рту не осталось совсем своих зубов, я с тихой грустью вспоминаю те, первые три, совсем почти здоровые зуба, которые я по молодому своему романтическому энтузиазму, столь опрометчиво и напрасно, принёс в жертву на благо науки и Родины.

Выйдя из больницы с полностью подписанным и заверенным печатью заветным листочком, с онемевшей, от действующего ещё наркоза, челюстью, я несколько кварталов шел пешком, находясь в состоянии близком к шоку. Но сердце моё ликовало. Препятствий, для осуществления моей мечты, теперь не существовало. А зубы? Что зубы. Оставшихся, вполне хватит, чтобы жевать корабельную пищу. Боль пройдет уже завтра. И никто не заподозрит во мне желающего транжирить государственную валюту у иностранного доктора в зарубежном порту. Я был почти счастлив!

Радовался я напрасно. Самое страшное, подстерегало меня не в больнице, а на работе. До отъезда остался один день, когда меня вызвал начальник отдела и вместо командировочного удостоверения, пряча в пол глаза, вялым заискивающим голосом, сообщил, что моя кандидатура не прошла проверку на допуск к походу. Для меня это было ударом и громом среди ясного неба.

Это что же, меня комсомольца и молодого инженера, лишают допуска, лишают доверия, ставят под сомнение мой патриотизм и порядочность?

Ответов на эти вопросы я так и не получил, ни в тот день, ни позднее, когда группа моих товарищей уже отбыла в море. «Не волнуйтесь, не нервничайте товарищ Чекмарёв.» - успокаивал меня начальник – «Никто вас допуска не лишает, работайте, как и прежде.

Но допуск он разный. Одно дело для работы внутри страны и совсем другое за её пределами. Здесь в нашем НИИ у вас хорошая репутация, работой вашей мы довольны. Вам была выдана прекрасная характеристика для оформления документов на поход. Никто не ставит под сомнение вашу благонадёжность. Но, понимаете ли, разные бывают обстоятельства, по которым отказывают в выезде за рубеж. Вас мы проверяли и не раз. Всё в порядке. Но мало ли какие сведения раскопали в «Большом доме» на ваших новых родственников со стороны жены?»

«Да что вы такое говорите!» - кипятился я – «Вы же прекрасно знаете, что моя жена работает здесь же на «Интеграле». Её тоже наверняка проверяли и не раз. Иначе давно бы уже лишили допуска и уволили!». Начальник смотрел на меня грустными понимающими глазами и пожимал плечами. «Ничего поделать не могу. Не я, и не наша организация решает такие вопросы. Работайте и не берите в голову эти мысли. Мало ли в жизни что случается. Не надо унывать по всякому поводу».

Начальник был пожилой и очень уважаемый мною человек. И глаза его были такие грустные и честные, но я чувствовал, что он немного лукавит и чего-то недоговаривает. Он не почувствовал, какой мечты лишили меня, какое оскорбление нанесли мне этим недоверием.

Такого к себе отношения я вытерпеть не мог. Сотрудники нашего отдела, которые были в курсе произошедшего, сочувствовали мне. Они высказывали самые невероятные предположения относительно мотивов отказа. Пытались утешить.

Но меня это только раздражало. Мне казалось, что они тоже что-то знают, только, жалея, не хотят сообщить. Этому надо было положить конец. Я решил, что надо уходить из института, в котором проработал столько лет, которому обязан своим становлением, как инженера-разработчика. Нельзя носить в душе этот камень недоверия, приходя на службу, каждый день помнить об этом. Общаться с людьми, которые знают обо мне что-то такое, что бояться рассказать.

Истинную причину отказа, я узнал много лет спустя, от одного из своих бывших сослуживцев, ставшего в последствии Генеральным директором этого самого предприятия. Несмотря на значительную разницу в возрасте и положении, я сохранил с ним дружеские отношения и по сей день. Он узнал её благодаря возможностям своего высокого поста.

Причина заключалась в национальности моей тёщи. Она была еврейка. Для меня этот факт не имел, ровным счётом, никакого значения. Елена Соломоновна была прекрасной, хотя и несколько внешне суровой и внутренне болезненной женщиной. У нас с нею никогда не было никаких, даже малейших, трений, ни на бытовой, ни на национальной почве.

И родню свою, с её стороны, я хорошо знал – прекрасные люди. Но вот для спецслужб факт её национальности тогда (да и наверное по сей день) являлся серьёзным, порочащим мою биографию. Уже начинался, сначала слабый, отток евреев за рубеж, потом переросший в исход. Свирепая тоталитарная система, как могла, боролась с этим процессом. Я попал под эту «метлу» и пострадал. Бог им судья! Они сами себя наказали.

Я подал заявление на увольнение по личному желанию. Перешел на другое предприятие, тоже оборонное, но уже по электронному ведомству, где и работаю, по сей день. О переходе не жалею и работу свою люблю.

Пользу приношу и, надо полагать, не малую, если руководство упростило продолжать работу после оформления пенсии.

Я пошел навстречу этой просьбе, и теперь, в новых условиях, получил возможность передавать свой опыт молодым сотрудникам, которые слыхом не слыхивали о тех, ушедших от нас временах и нравах.

Работа тоже закрытая от посторонних, и даже есть режимная служба, но её деятельность носит характер, как и в любом серьёзном деле, разумной целесообразности. Это вселяет оптимизм и надежду, что прошлый общегосударственный идиотизм уже не повторится.

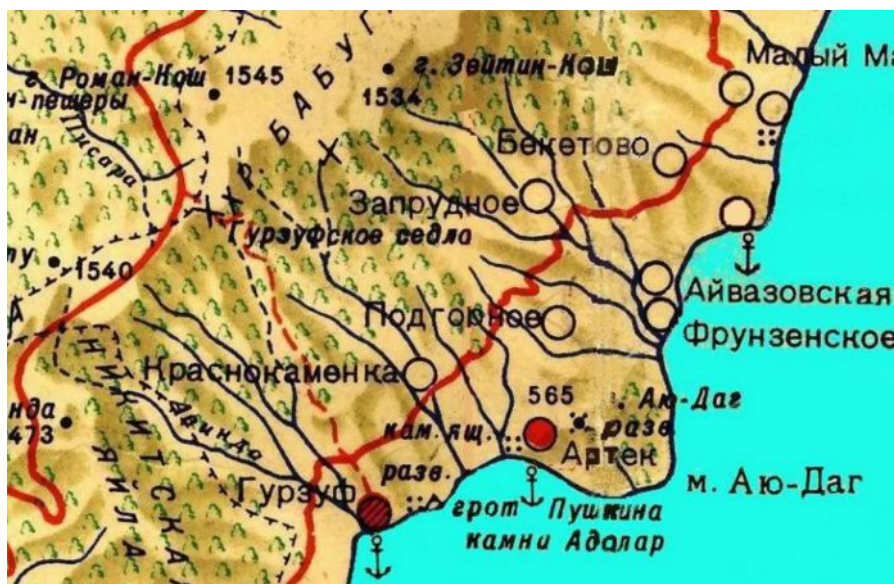
Общегосударственный идиотизм. Пожалуй, лучшего определения ситуации и не подберёшь...

Давайте немного отвлечёмся от серьёзных тем. Море. Вот если я попрошу Вас рассказать о Море! Морская пучина, голубая бездна... Как заболевают морем?

О море я способен говорить часами. Не стану утомлять вас, скажу лишь одно. Еще будучи совсем маленьким, я своими глазами увидел Тихий океан (точнее это было Японское море) с берега залива Посьета. Эта бескрайняя волнующаяся водная равнина произвела на меня неизгладимое впечатление!

О том обеде на берегу залива, я уже рассказывал, в ответе на самый первый вопрос о моём детстве на Дальнем Востоке. Повторять не буду, это были самые первые мои впечатления от встречи с морем.

Расскажу о более поздних событиях, когда я ста уже более взрослым, из которых станет понятной моя любовь к морю и всему, что с ним связано в моей жизни. Для начала приведу два отрывка из своих воспоминаний о моём пребывании в «Артеке», написанных уже достаточно давно, по просьбе создателя [сайта «Артековец»](#) Дмитрия Плюховича.

Во Всесоюзном санаторном пионерском лагере «Артек», расположенного на южном берегу красивейшего Чёрного моря, плавания, как такового, не существовало в принципе. Не знаю, как сейчас, но тогда контакт с морской водой для пионеров существовал только в виде, так называемых, водных процедур, в сочетании с воздушными и солнечными «ваннами». Происходило это так.

Исключительно в солнечную тихую погоду объявлялось, нет, не купание, объявлялись пляжные процедуры. Они состояли в следующем. Как всегда строим, отряд выходил на галечный пляж.

В другое время, не строим, без сопровождения взрослых, пионерам выходить на пляж, было категорически запрещено, даже не подходить к воде. На пляже всегда стояли деревянные кровати-лежаки две группы на расстоянии метров пятьдесят друг от друга.

Каждая группа состояла из двадцати лежаков по 10 в два ряда. Уже на пляже отряд делился на мальчиков и девочек. Девочки направлялись к дальним лежакам, а мальчики оставались возле ближних.

По команде врача (по врачу и воспитателю или вожатому на каждую группу) следовало снять всю одежду и занять место на лежаке, пузом кверху (одежда и полотенце - под голову). Панамка должна закрывать лицо и голову. Через пятнадцать минут, по песочным часам, следовало перевернуться на живот, но только по команде и все разом. После двух таких смен положения, все поднимались, бежали под навес и некоторое время сидели в тени.

Затем наступал момент собственно купания (прошу прощения – водной процедуры). По команде вожатого мы выходили к самой воде и выстраивались вдоль неё в шеренгу. Некоторое время стояли в ряд лицом к морю. Производился пересчёт участников купания. Справа в пятидесяти метрах от нас в такой же шеренге стояли девочки. Напротив них неподалеку в море плавала шлюпка спасателя.

Врачи давали команду и обе шеренги мед-лен-но заходили в воду чуть выше колена (имелось в виду колено самого низкорослого в шеренге). По команде все садились на дно и, начиналась, собственно, водная процедура. Следовало соблюдать тишину, не ложиться, не махать руками, не брызгаться. Надо было просто сидеть и наслаждаться процедурой. Это было не развлечение, а лечебный процесс. Сказать, что я плохо переносил это мероприятие это ничего не сказать. Я ненавижу его!!!

Чёрное море, на берегу которого проходили дни нашего беззаботного отдыха, привлекало меня, как магнит. Заболел-то я морем гораздо раньше еще, когда не видел его, а только читал в приключенческих книгах. То, что я увидел с высоты Ангарского перевала в день нашего приезда в «Артек» и затем, оказавшись на берегу, удивительным образом совпадало с моими детскими и юношескими мечтами. С первого же дня, взглянув со смотровой площадки тоннеля Генуэзской крепости вниз, я полюбил его ещё крепче, на всю жизнь.

По этой причине всё, что во время моего пребывания в лагере, так или иначе, было связано с морем, вызывало в моей душе горячий отклик. С нетерпением я ждал того дня, когда лагерные врачи разрешат купание в море. Ведь одно дело бродить на некотором расстоянии, не имея права подойти к воде (даже просто зачерпнуть пригоршней и попробовать на вкус) и совсем другое окунуться целиком, поплыть, нырнуть и, раскрыв глаза, увидеть подводный мир.

Характерный запах моря, его постоянный шум, солнечные блики на волнах и удивительная прозрачность воды оказывали на меня гипнотическое воздействие. Во мне происходила невероятная внутренняя борьба. Сблазн, нарушить запрет, был очень велик. Я с интересом вглядывался в своих друзей по отряду.

Неужели это только я страдаю от этого? Может быть, именно этим отличаются так называемые отличники от обычных ребят?

Дисциплина для них, наверное, важнее всего. Запрещено - стало быть и не хотелось! А как же нормальное любопытство, романтика, детское озорство и бесшабашность юности? Нет! Не все Артековцы были отличниками и безропотно ходили строем, взявшись за руки.

Были и другие, более нормальные, но не часто и, поэтому, о них ходили легенды. Одну из них рассказал нам как-то вечером Валерий Дмитриевич, наш вожатый. История состояла в следующем.

Трое ребят отдохавших в августовскую смену находились в нижнем приморском лагере (это часть первого главного лагеря «Артека»). Именно там находится причал, где рядом с пограничными катерами содержался небольшой тогда Артековский флот. Он состоял из нескольких больших морских шлюпок. Время от времени на этих шлюпках катали по морю пионеров. Эти катания обставлялись всеми мыслимыми и не мыслимыми мерами безопасности.

В группы отбирались только те, кто умел плавать. О купании в Артеке я расскажу потом подробнее. На каждого «морехода» одевался оранжевый надувной спасательный жилет с множеством ремешков и лямок. Все эти ремешки и лямочки застёгивались и завязывались ещё на берегу. Жилет был резиновый и, учитывая крымскую летнюю жару, в нём было, мягко говоря, не холодно.

Но чего не выдержишь ради морской романтики. Увы, вся романтика сводилась к тому, что под наблюдением взрослых (один на руле, а второй на носу шлюпки) шестеро юных моряков в течение получаса махали вёслами, совершая круги неподалеку от причала. На берегу их ждала сменная команда, уже одетых в оранжевые жилеты и изнемогающих от нетерпения и жары, претендентов.

Ребятам хотелось отплыть подальше, увидеть новые берега, почувствовать настоящую морскую волну. Хотелось подставить лицо тугому морскому ветру и солёным брызгам чтобы, закрыв глаза, представить себя настоящим мореходом. Но эти упражнения проводились только в штилевую погоду и недалеко от базы. Тем ребятам, которые уже заразились романтикой дальних странствий, эти занятия были не интересны скучны.

Мальчишки на то и мальчишки что их не останавливают непонятные запреты взрослых. Иначе никогда бы не появились «одиссеи» прошлого. И вот трое ребят из отряда морского лагеря сговорились и решили, тайно взяв шлюпку, уплыть ночью в море с надеждой добраться до турецкого берега. Они серьёзно по взрослому подошли к осуществлению этой затеи.

Изучили систему охраны и содержания шлюпок. Выяснилось, что собственно охраны, как таковой, не было. Персонал лагеря уповал на бдительность пограничников и дисциплинированность Артековцев. Пограничникам хватало и своих забот. Они считали лодки не своим инвентарём и, к тому же, лагерная территория охранялась и никаких забот стражам границы не доставляла. Лодки были привязаны к причалу морским узлом из обычной верёвки. Вёсла хранились прислонёнными к стене берегового сарая, а руль вообще не снимался с кормы.

Надо отметить, что шлюпки были подарены «Артеку» военными моряками новыми в полном комплекте. Мачты и паруса, которые только мешали катать пионеров, были раз и навсегда убраны в сарай, а остальное снаряжение, включающее спасательные и другие принадлежности, даже бочонок с водой, хранилось на шлюпке. Заговорщиков это вполне устраивало. О том, что морской узел развязывается одним движением руки, они уже знали.

Поднакопив сухарей и других засушенных продуктов (это было нетрудно при обильном кормлении пионеров), в одну из тёмных южных августовских ночей, они осуществили свой дерзкий замысел. То ли прожектор в эту ночь был на профилактике, то ли просто повезло, но пограничники их натурально «прошляпили». Хватились беглецов только на утренней линейке. Естественно, искать пропавших стали на берегу, постепенно расширяя зону поиска. К обеду стало ясно, что в ближней зоне их нет.

Это уже серьёзное беспрецедентное ЧП. Лагерное начальство обратилось к военным и в первую очередь к пограничникам. Пограничники подошли к проблеме соседей очень серьёзно и, обследовав территорию, обнаружили пропажу шлюпки. К этому времени наши беглецы, дружно гребя вёслами, были уже далеко за горизонтом и, наверное, считали, что Турция уже не далеко, поскольку вершины крымских гор начали размываться дымкой на горизонте.

От напряженной ночной гребли и жаркого солнца их разморило и они, решив, что всё позади, уснули. Разбудил их шум снижающегося вертолета, а затем и рёв пограничного катера, идущего на полном ходу. Взятая на буксир шлюпка, была торжественно отбуксирована к причалу лагеря, а путешественники попали в радостные объятия друзей и счастливого персонала.

К всеобщему удовольствию, особых жестоких мер наказания виновных за этим событием не последовало. Храбрых моряков, конечно, поругали за доставленное беспокойство и волнения. Предполагать какие либо политические мотивы их поступка никому в голову не пришло (будь они постарше, это было бы неизбежно).

Отправлять провинившихся домой и, тем самым подставлять себя, администрация лагеря не решилась. У пограничников тоже были основания не афишировать свой прокол, поскольку главной задачей этой службы тогда являлась защита границы в основном изнутри.

Были приняты меры организационного характера. Шлюпки с тех пор приковывались на цепь. Вёсла и другой инвентарь стали хранить под замком. Катания и без того редкие стали ещё реже и только под мотором в группе из двух, трёх судов. Прожекторы светили каждую ночь и обшаривали всё побережье артековской территории, ослепляя ночующих чаек.

Рассказав эту поучительную историю, вожатый обрадовал нас извещением о том, что наш отряд скоро поплывёт на экскурсию к Адаларам.

Как только будет приемлемая погода за нами придут шлюпки, но когда точно это произойдёт, никто точно сказать не может. Остаётся только ждать. С этого момента для меня и думаю что для всех остальных выражение «ждать у моря погоды» приобрело особую остроту и актуальность.

Ждать пришлось не долго. Дня через два прямо за завтраком нам было объявлено, что шлюпки пришли и ждут нас на нашем пляже. Завтрак закончился почти мгновенно. Большие спасательные шлюпки (теперь я бы сказал – вельботы) стояли, уткнувшись носами в галечник пляжа. Слабый прибой легко покачивал их. Море было почти зеркальным.

Отряд быстро разделился на три группы, все надели жилеты. Нам объяснили простые правила поведения в шлюпке. Сидеть спокойно на отведённом месте, держась руками за сидение. Не опускать руки за борт. Не вставать. Погрузка прошла без задержек, так как всем хотелось быстрее оказаться в море. В каждой шлюпке были по двое взрослых: матрос-моторист он же рулевой и на носу воспитатель или вожатый. Я забрался в шлюпку с Валерием Дмитриевичем, законно полагая, что его комментарии к экскурсии будут интереснее. Интуиция меня не подвела, так оно и вышло.

На этих лодках-вельботах (у них острая кормовая оконечность) были установлены подвесные моторы. Я уже тогда разбирался в этой технике и сразу определил, что марка мотора ЛМР-6. Такой мотор я уже видел у нас на Каме. Заурчали моторы и наш «флот» взял курс на две скалы, торчащие в море напротив «Артека». По мере удаления от берега открывалась живописная панорама. Строения у воды становились всё меньше и меньше. Зато горы за лагерем, как бы поднимались и разрастались вширь.

Вода за бортом шлюпки, которая у берега была лазурной, постепенно темнела и темнела пока не превратилась в темно-синюю. Адалары, издали казавшиеся небольшими, приблизившись, выросли многократно. Уже стал слышен шум волн разбивающихся о скалы. Теперь чтобы разглядеть скалистые острова целиком пришлось вертеть шеей и заирать голову. Скалы были не просто большие, они были огромные. Наши шлюпки выглядели на их фоне просто букашками на поверхности воды.

Валерий Дмитриевич, который с момента нашего отплытия, перекрикивая шум мотора, начал рассказывать о разных приметных объектах на берегу и в море, как раз закончил излагать старинную крымскую легенду о возникновении Адалар и замолк. Наш отряд направился в пролив между островами. Скалы грозно нависали над нашими головами.

На память пришла легенда об Одиссее, плывущем на «Арго» между Сциллой и Харибдой. В какой-то момент стало немножко жутко. Мне показалось, что проход становится уже, а скалы сближаются. Впечатление усилилось оттого, что лодки вошли в тень одного из островов. После яркого солнечного света и бликующего моря стало мрачнее и даже прохладнее. Скалы, омываемые морскими волнами, вырастали прямо с большой глубины вертикальными стенами.

Море в проливе было беспокойным и если бы нам понадобилось причалить, то найти место безопасной высадки было бы трудно. Но выход на скалы не входил в наши планы. Наш «флот» обошел вокруг Адалар. В одном месте экскурсовод обратил наше внимание на небольшую площадку на одной из скал. От воды к ней вели вырубленные в граните ступени, а за самой площадкой виднелся грот.

Выглядело это всё достаточно живописно. Валерий Дмитриевич пояснил, что до революции в этом гроте был небольшой ресторан и на этой площадке выступал Шаляпин. Думаю что его голос, усиленный отражением от скал, соперничал или даже перекрывал шум морских волн.

Обойдя вторую скалу, мы легли на обратный курс. Приближающийся берег вернул наши мысли к сегодняшнему времени. Поднялся небольшой ветерок, появились волны. Начало качать, некоторые пионеры вспомнили, наверное, дорогу в «Артек» и довольно быстро «позеленели». Вожатый предложил им сесть прямо на дно шлюпки, где качка чувствуется меньше. Несчастные безропотно выполнили указание, это немного помогло. Немного погода мотор заглушили и в полной тишине под носом шлюпки зашуршали камешки пляжа. Путешествие в историю окончилось, горн позвал нас на обед.

Много лет после этого я мечтал попасть снова в эти места и посетить самому грот в скале, где пел великий бас. Но мечты остались мечтами, а судьба распорядилась иначе. Теперь это будет называться поездкой за границу, а жаль!

В своих воспоминаниях я снова и снова возвращаюсь к морю. Причиной тому является то впечатление, которое произвели на меня, прочитанные мною в детстве книги, о дальних путешествиях и необыкновенных приключениях, связанных с морем. Богатая детская фантазия рисовала в моём воображении далёкие острова, поросшие буйной тропической растительностью, населённые дикарями или потомками корсаров. Леса, изобилующие экзотическими животными и ярко раскрашенными птицами.

Позднее, когда мне в руки попали великолепные книги Жуль Верна, я взахлёб прочёл его связанные сюжетом и действующими лицами сочинения: «Двадцать тысяч лье под водой», «Пять недель на воздушном шаре», «Таинственный остров». По несколько раз, как предоставлялась возможность, я просиживал в полутёмном кинозале, вновь и вновь переживая приключения детей капитана Гранта и пятнадцатилетнего капитана.

Изготавливая в кружке дома пионеров модель корабля, я становился в мыслях его капитаном, перебирающим в своих руках отполированные ручки его штурвала и зорко вглядывающегося в морскую даль. В моих жилах бурлила и клокотала смесь крови архангелогородских поморов и астраханских моряков и рыбаков. Душа рвалась на морской простор за новыми приключениями.

Накануне отъезда в «Артек» я прочёл еще одну книгу, которая подстегнула мой, и без того горячий, интерес к морю. Это была книга Золотовского «Подводные мастера», о нелёгком, но полном приключений, труде профессиональных водолазов. Она красочно и ярко описывала, на понятном школьнику языке, подводный мир, доступный далеко не каждому, а потому таинственный и привлекательный.

Здесь интересно было буквально всё и богатая подводная растительность и разнообразная фауна, романтика поиска затонувших городов и старинных кораблей, ушедших на дно, унося туда несметные сокровища.

Во время своих посещений Ленинграда, я в первую очередь, навещал полюбившиеся мне: Военно-морской музей и находящийся рядом с ним Зоологический. Причём, наибольший интерес, вызывали у меня экспозиции связанные с подводным флотом и подводными морскими обитателями.

Учительница биологии, заметив моё увлечение миром моря, однажды предложила сделать доклад о мировом океане и его флоре и фауне. Доклад получился длинным и в урок я не уложился. Мне всё время казалось, что ещё не всё сказано и остались самые интересные факты, о которых просто невозможно промолчать. Много позднее я понял, что это наивно, уложить в сорок пять минут описание безбрежного и бездонного океана.

В школьной программе по биологии просто не было выделено океану столько времени и даже институтские программы в значительной степени сокращены по той же причине.

Следствием этого выступления было то, что учительница географии попросила рассказать о морских путешественниках и великих географических открытиях.

Я не стал отказываться и, хотя готовился к докладу по часам, всё равно не уложился в положенное время. Океан необъятен. Его просто не возможно описать в рамках какой-нибудь учебной программы.

А вот учительницу истории интересовало не мореплавание, как таковое: корабли, сражения на море, освоение новых земель и так далее. Она была более конкретна. К 7 ноября, она попросила сделать сообщение о легендарном крейсере «АВРОРА» и то, только в той части его биографии, которая касалась революционных событий. Цусима и всё, что с нею связано, а также устройство броненосца её совершенно не интересовало и было ею безжалостно удалено из доклада.

Политическая история не терпела отклонений от «Генеральной линии». Пришлось следовать этой линии и уложиться в двадцать минут сухой и всем известной информации. Учительница она же завуч была довольна, а я тоже не очень сожалел. В конце концов «АВРОРА» именно в революционной её роли оказалась впоследствии решающим аргументом для отправки меня в «Артек».

И вот я в этом чудесном лагере. Любимое море рядом. Его постоянный шум прибоя сопровождает нас днём и ночью. Вид морского простора притягивает взгляд и манит к себе. Но лагерная дисциплина не предусматривает несанкционированного контакта пионеров с водной стихией. Только строем и только в виде «водных процедур»!!!

Я отделён от моря непреодолимой стеной дисциплины. Непреодолимой, так, по крайней мере, казалось нашим воспитателям. Примерно так же думали древние жрецы, запугивавшие и предостерегавшие своих соплеменников от выхода в море, рассказывая всякие небылицы о чудовищах и прочих опасностях, которые таили его глубины. Если бы не было отчаянных и любопытных молодых людей, мы до сих пор обитали бы на огромном земном диске, стоящем на слонах и черепахе, а океан представлялся бы мрачным безграничным, бездонным и ужасным.

Моё отлучение от моря не могло продолжаться бесконечно. Смена близилась к концу, а вместе с этим передо мной вставала перспектива так и не ощутить своего контакта с предметом моей любви – морем. Перенести этого я был не в силах и сознательно пошел на нарушение внутреннего распорядка лагеря.

Будучи физоргом, я часто бывал на лагерном стадионе. Короткая дорога на стадион пролегла мимо «Дикого пляжа» вот здесь и состоялось моё «грехопадение». Проходя по тропинке мимо этого запретного берега в разное время, я видел, как беззаботно купаются на этом необорудованном участке берега, отдыхающие люди и их дети. Даже малыши спокойно пробирались между большими покрытыми водорослями камнями к открытой воде и плавали в море безо всяких воспитателей, врачей и спасателей.

А я четырнадцатилетний физорг отряда и обладатель спортивного разряда по плаванию с завистью и тоской наблюдал их радость и счастье. Надо мной, дамокловым мечом, висела реальная угроза наказания за нарушение установленного в лагере порядка.

Но однажды плотина не выдержала и прорвалась. Случилось это в тот день, когда на моих глазах из моря на пляж вышел мальчик примерно моего возраста и комплекции, снаряженный в комплект лёгкого водолаза-ныряльщика. На лице его была красная резиновая маска с овальным стеклом, к которой была приделана кроткая трубочка.

Один конец трубочки мальчик держал во рту, а другой конец немного возвышался над его головой и имел специальный клапан с шариком. На ступнях его были плавники, наподобие раздвоенного рыбьего хвоста, тоже резиновые и такие же красные, как маска. Но в руках!!!

В руках он держал блестящее металлическое ружьё с гарпуном, на конце которого билась и трепетала довольно большая серебристая рыба! К поясу его плавок был приторочен сетчатый мешок, в котором просматривались две большие морские раковины и шевелился краб размером с два моих кулака.

Рубикон был преодолен в одно мгновение. Я не искал обходного пути, а почти кубарем, скатился на запретный пляж и поздоровался с мальчиком. Моё появление перед ним произвело на ныряльщика не меньшее впечатление, чем его на меня. Он впервые видел артековца не в строю, а просто рядом с собой, да ещё лично здоровающегося.

Дело в том, что неконтролируемые контакты наших пионеров с местным населением и отдыхающими категорически не одобрялись руководством лагеря, по, опять же - «медико-политическим» соображениям. Мало ли какая инфекция и крамола могут быть подхвачены, при такой встрече. Своим необдуманым импульсивным поступком я нарушил сразу два строгих запрета. Дальше терять уже было нечего и я вступил в разговор.

Мальчик, которого звали Саша, был из Москвы и отдыхал в Гурзуфе с мамой. Его отец работал за границей и привёз ему это снаряжение из Франции. Мне было дозволено рассмотреть и даже примерить маску. Она ложилась на лицо плотно и даже присасывалась, если потянуть в себя носом. Дышать нужно было через трубочку, которая поднималась над водой. При нырянии клапан на трубочке не давал воде проникнуть в неё, а при выныривании сам открывался. Как просто!

Мои представления о водолазном снаряжении были совсем другими, как в книге Золотовского. А там резиновый костюм, медный шлем с иллюминаторами и тяжеленные грузы на теле и подошвах. Здесь вместо свинцовых водолазных бот - плавники. И нет никакого шланга, который так сковывает движение. Ну и что, что невозможно находиться под водой долго? Зато полная свобода в передвижении, подобно рыбам. С разрешения Саши я, надев маску, лёг животом на ближний к воде камень и опустил лицо в воду.

В тот же момент я был вознаграждён за все мои предыдущие мучения и за будущие наказания. Передо мной открылось окно в совершенно другой и удивительный мир. Вода оказалась совершенно прозрачная. Маска позволяла видеть все, что находилось вокруг. Трубочка позволяла дышать, не поднимая лицо из воды. Я видел колышущиеся водоросли на камнях, проплывающих мимо рыбок с яркой раскраской, успел заметить даже краба тащущегося в щели, под соседним большим камнем.

Я был так увлечён зрелищем подводного мира, что не сразу почувствовал осторожное, деликатное прикосновение к мое ноге. Владелец снаряжения извиняющимся голосом попросил вернуть его сокровище, так как ему уже надо было уходить с пляжа.

Саша с мамой сегодня должны были уехать домой, Этот его выход в море был последним. Мы вместе покинули пляж и распрощались на границе территории «Артека». Я был очень благодарен этому приятному мальчику за открытие для меня подводного царства.

Этот первый шаг привёл меня, впоследствии, в школу аквалангистов ДОСААФ продвижению в этом направлении вплоть до инструктора-подводника. Много раз, я погружался в воды Финского залива, Невы, Ладожского, Онежского других мелких озёр нашего Северо-Запада, но такой чистой и прозрачной воды, как в Чёрном море у берегов «Артека», я не встречал нигде

В тот день мне повезло. Мою белую панамку никто из персонала лагеря не заметил на запретной территории «Дикого пляжа». В дальнейшем я вёл себя более осмотрительно и обставлял свои тайные визиты всяческими мерами предосторожности. При любом удобном случае, я незаметно отлучался из отряда и прятался в камнях заветного пляжа. Демаскирующие меня, белые панамку и рубашку, я снимал и прятал в камнях.

Там же в камнях прятался и пионерский галстук. Издали вид мальчика в трусах на «Диком пляже» не привлекал внимания и я мог хоть немного побыть у любимого моря. Я с интересом разглядывал различные раковины, прилепившиеся к камням маленьких рачков и блошек, плавающих в воде и прыгавших по мокрым камням. Отковырнув с трудом раковину от камня, я бросал её в воду и наблюдал, что будет дальше.

Из под камня выбегал небольшой крабик. Он принимался выковыривать клешнями мясо из шляпки раковины. Изловчившись, я хватал крабика и выбрасывал его на пляж. Крабик, несмотря на свои небольшие размеры, ощутимо щипался клешнями и, оказавшись на суше боком, боком бежал к воде. Наблюдать всё это было очень интересно. Но однажды, из-под камня вылез очень большой краб.

Схватить такое чудище руками я не решился. Его клешни были весьма внушительными. У меня появилась идея поймать его какой-нибудь снастью. Несколько дней я ходил в раздумье и, наконец, придумал способ ловли с помощью проволоочной петли. Изготовив из подручных материалов снасть, я стал ждать удобного момента чтобы отправиться на большую охоту. Такой момент вскоре представился.

По распорядку на этот день у нашего отряда была назначена спевка. Это когда все вместе поют под баян артековские песни.

Занятие это, столь же продолжительное сколь и занудное, никому уже давно не нравилось, но оно было обязательным и, поэтому, никто вслух не роптал. Совместное хоровое пение, по замыслу руководства, должно было способствовать сплочиванию коллектива.

Когда все сплотились на певческой площадке вокруг баяниста и начали распеваться, я незаметно покинул общество и устремился на «Дикий пляж». В моём распоряжении было не менее полутора часов, чего было вполне достаточно для успешной охоты. Краб сразу вылез из под камня, как только я подсунил ему кусочек мяса, ракушки закреплённый на длинной палочке. Когда он начал свою трапезу и увлёкся ею, я медленно навёл проволочную петлю на его большую клешню и, дёрнув вверх, затянул её. Краб попался!

Медленно, медленно я стал вытягивать его из-под камня. Страшилище отчаянно сопротивлялось, но я оказался терпеливее и сильнее. Торопиться было нельзя, так как в случае опасности краб оставляет клешню врагу и быстро скрывается. Моя тактика оправдалась и я извлёк его из воды. Подвешенный на проволочной петле краб дрыгал всеми своими десятью ногами. Он был весьма велик даже больше того, что поймал в море Саша.

Панцирь его был покрыт мелкими водорослями, поселившимися на нём. Клешни громко устрашающе щёлкали. Да! Добыча была достойной потраченных на неё трудов и моего риска. Но время спевки истекало, и я помчался обратно, неся краба на петле. Прятать его где-либо времени уже не было. Успел я вовремя спевка ещё не закончилась и никто не заметил моего появления. Окончательно спевшиеся пионеры были увлечены своим занятием.

« Эх! солёная вода,
Ветер на просторе,
Полюбилось навсегда
Голубое море»...

Я присоединился к общему хору, выводя слова знакомой песни о краснофлотцах. Краб болтался у меня за спиной на проволоке. Я даже на какое-то время забыл про него. Вдруг! Раздался истошный девчачий крик, почти визг.

Песня прервалась и все обернулись к девочке стоящей неподалеку от меня. Она верещала, показывая рукой за мою спину. Все проследили её жест и я понял, что разоблачён. Баянист он же музыкальный руководитель лагеря недовольно спросил – «Что случилось? Почему крик? Почему прервали песню?»

Когда он понял причину и определил виновника срыва спевки, гнев его был безграничен. Меня отвели к вожатому и баянист, изложив суть произошедшего, обещал, что он этого так не оставит и доложит начальству. Что он незамедлительно и сделал.

Бедный краб давно сдох и безжизненно болтался, как вещественное доказательство моего преступления. Вид его, даже дохлого, был такой устрашающий, что никто из взрослых не решился его изъять. Так я и предстал перед срочно собранным педсоветом. Ответив на его дурацкие, по моему мнению, вопросы я был удалён до решения своей судьбы на уличную скамейку.

Я сидел, обречённо ожидая приговора, а ребята из моего отряда наблюдали за мной издалека. По выражению их лиц было видно, что они мне глубоко сочувствуют, но боятся подойти.

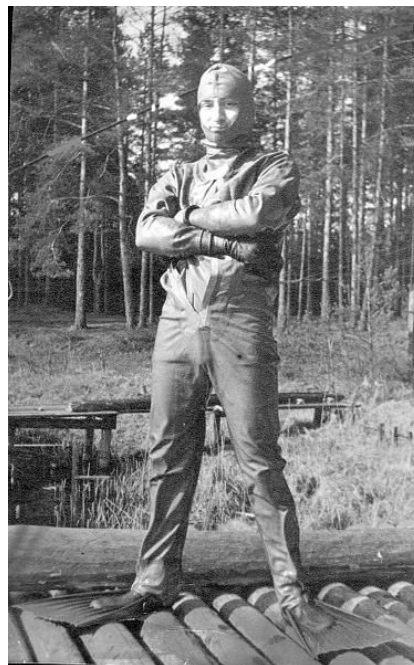
Спустя некоторое время вышел Валерий Дмитриевич и подсев ко мне на скамейку, положил руку на плечо и сказал – «Да! Костя. Ты провинился серьёзно. Педсовет был настроен решительно, отправить тебя домой до срока. Особенно настаивал баянист, утверждая, что ты сорвал политическое мероприятие – подготовку ко всеартековской спевке.

Но мне удалось их успокоить, мотивируя, что ты хорошо проявил себя в спортивной работе походах и военной игре. Я рассказал им, что ты интересуешься растениями, животным миром и очень любишь море. Мне удалось убедить их, что у тебя не было умысла срывать спевку, просто так получилось само. Но вот выход на «Дикий пляж» это наказуемый проступок.

Отправлять тебя одного домой хлопотно, да и поздно, смена скоро кончается. За это тебя решили наказать лишением права быть сфотографированным у развёрнутого артековского знамени. Это серьёзное наказание применяется на моей памяти впервые. Учти это и больше ничего не вытворяй.

Артек это лагерь и законы здесь суровые. Краба – свою добычу, засуши и заберёшь с собой. Он действительно большой. Я, за всё время работы в «Артеке», такого - не видел. Пусть этот редкий экземпляр напоминает тебе о твоём проступке»

Так и окончилось моё приключение. Спасибо водителю он спас меня от наказания. А засушенный краб, привезённый мною домой, нашёл своё место на полке в школьном кабинете биологии. Он долго являлся наглядным пособием для ребят, которые никогда не бывали в лагере с гордым названием «АРТЕК» и никогда не видели Чёрного моря.

Вот так я узнал вблизи, что такое настоящее море и полюбил его на всю жизнь.

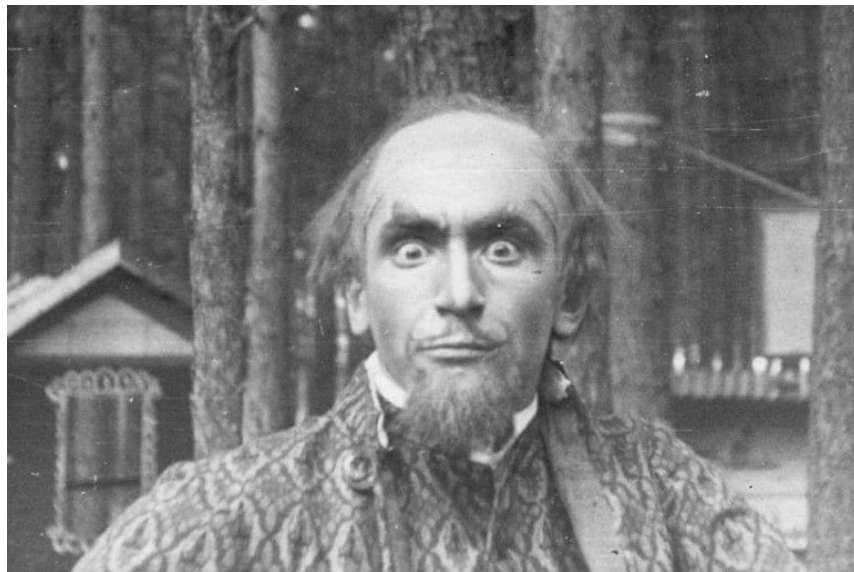
Как говорится, прочитал на одном дыхании! Спасибо.

Но ведь согласитесь, что море это ещё и огромная кладовая ресурсов. На Ваш взгляд человечество осознает, какие огромные богатства скрыты за водной гладью? Мы вообще знаем, что там в глубине морской?

«О! Высокочтимый учитель! Хе, хе!!! Если бы земля была шаром, то воды стекли бы с неё вниз и люди умерли бы от жажды!!!»

Земля же имеет форму плоского диска, который покоится на трёх больших слонах, стоящих на спине огромной черепахи. Черепаха же плавает по безграничному и бездонному морю, именуемому океаном!»

(подсказка Вольке на экзамене по географии, телепатированная ему Стариком Хоттабычем).

Не имея возможности взглянуть на нашу родную землю со стороны, из космоса, люди в глубокой древности придумывали самые различные объяснения строения земли, но общее в этих легендах было то, что океан, окружающий твёрдую сушу, невероятно огромен! Только сравнительно недавно была выстроена и блестяще подтверждена окончательная теория устройства нашей с вами планеты. Если бы древние знали реальное устройство места их пребывания, то они, наверняка, назвали бы нашу планету не Земля, а планета - ОКЕАН!

И это было бы правильно, поскольку большая часть её поверхности 71% покрыта водой. Все воды планеты Земля образуют единый мировой океан, и из космоса мы можем увидеть водную поверхность по которой «плавают» островки материков и россыпь мелких и очень мелких участков суши. Влияние мирового океана на всю планету, на её структуру, климат, на биологическую жизнь, на человечество, настолько велико, что оценить его в полной мере не представляется возможным!

Вот так, или приблизительно так, я начал своё выступление на пионерском сборе перед учениками 6 класса нашей подшефной школы. Случилось это событие в том, далёком 1965 году, но до сих пор я помню, как внимательно слушали школьники, как широко были раскрыты их любознательные глаза! Сколько было вопросов и удивлённых возгласов... А получилась эта лекция при совершенно случайном стечении обстоятельств.

Уже работая в известном НИИ «Интеграл», я, как молодой сотрудник, по установленным в те времена порядкам, был вовлечён в активную комсомольскую работу. Круг моих интересов и приложения молодой активности был необычайно широк.

Тут и художественная самодеятельность – участие в КВН и агитбригадах, участие в клубе интернациональной дружбы (естественно, только с молодыми представителями из так называемых «стран народной демократии», происходившими под бдительным контролем спецслужб).

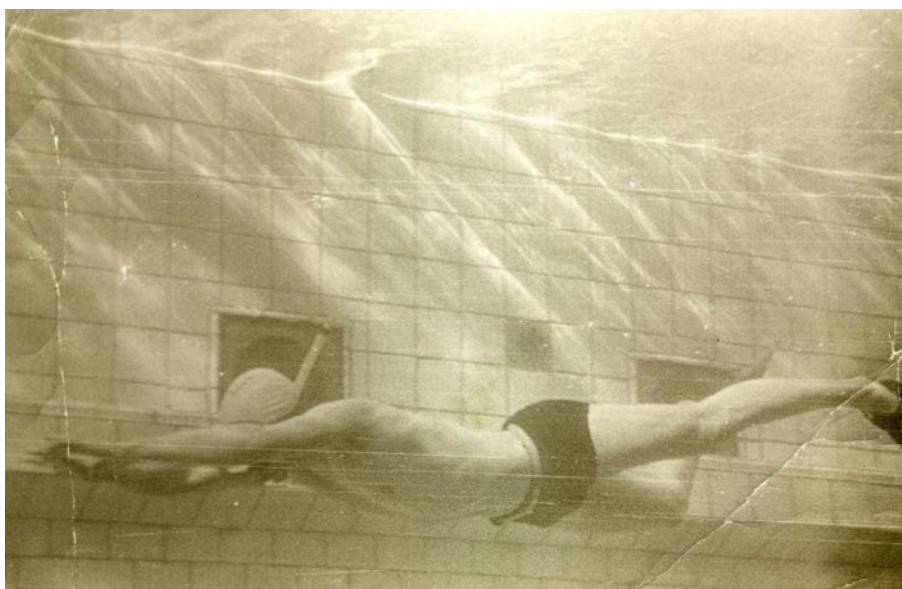
Туристские сборы и походы, сочетавшиеся с соревнованиями по туристскому многоборью и походами по местам боевой славы отцов и дедов.

Спортивная работа, в сочетании с личным участием в соревнованиях, по многим видам спорта (горные и равнинные лыжи, лёгкая атлетика, ориентирование, в том числе и «охота на лис», академическая, байдарочная и народная гребля, водно-моторные гонки, плавание...).

Но главным увлечением у меня, конечно, было недавно зародившееся в нашей стране подводное плавание, включавшее в себя скоростные виды, подводное ориентирование и поисковые экспедиции в районы Невы, Ладоги, Онеги и Финского залива. Всё, что было связано с подводными занятиями и исследованиями, в нашей стране и в мире, остро интересовало меня.

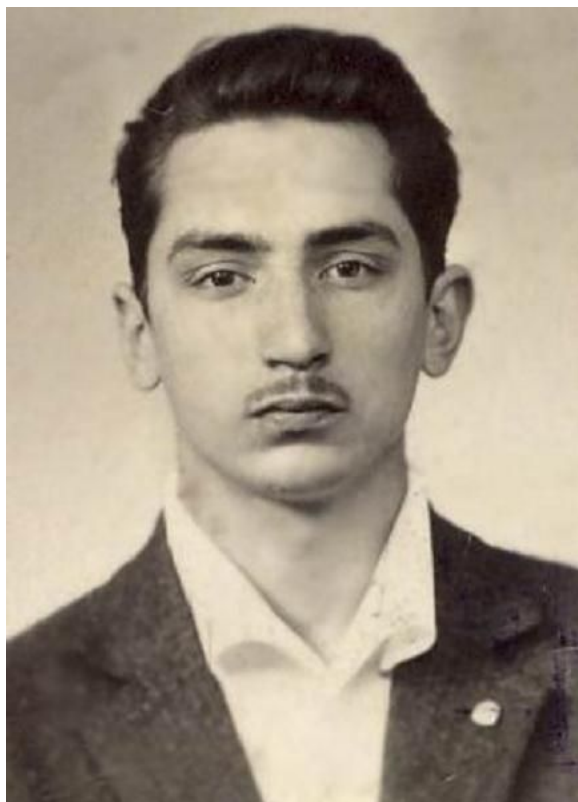

Вся доступная в те времена литература на эту тему была мною прочитана и хорошо усвоена. Разбуди меня ночью и задай вопрос о подводных исследованиях - до утра я способен был непрерывно говорить на эту любимую тему.

Так случилось, что, однажды, забежав по каким-то делам в институтский Комитет комсомола я оказался, как говорят, в нужный момент в нужном месте.

Секретарь комитета представил меня симпатичной молодой девушке. Вот тот, кто вам Элла нужен для решения вашей задачи. Элла Диденко, являлась пионервожатой нашей подшефной школы Петроградского района, что на Большом проспекте. Начала работать она совсем недавно и ещё не имела достаточного опыта, ей надо было помочь провести пионерский сбор на какую-нибудь интересную тему.

С этой просьбой она и обратилась в наш Комитет ВЛКСМ НИИ «Интеграл». Надо сказать, что ей удивительно повезло (слова нашего комсомольского секретаря), встретиться в этот сложный для неё момент именно со мной.

Опыт, полученный мною в «Артеке» и подтверждённый солидным документом (Удостоверение пионера-инструктора), оказался как нельзя кстати.

Девушка была очень смущена своей несостоятельностью и смотрела на меня, как на спасителя. Моему молодому мужскому самолюбию такое внимание очень льстило и я, тут же, включился в эту работу. Я предложил ей провести сбор на тему - «Океан и освоение его человеком».

Для нашего города Ленинграда, тема моря, всегда востребована и интересна, особенно для школьников, которым предстоит выбор профессии. На том и порешили. Я проводил успокоенную пионервожатую и тут же принялся готовить материалы к сбору. Привычка к ответственному отношению к важному делу, воспитанная отцом и всей предыдущей жизнью, подсказала мне, что надо подготовить наглядные материалы по выбранной теме.

Просто слова, пусть и самые выразительные, не способны удержать интерес слушателей, а детей в особенности. Материалов у меня накопилось достаточно много – книги, журналы, плакаты, газетные вырезки... всё это пригодилось. В назначенное время я явился в школу, нагруженный всеми этими пособиями и горя желанием оказаться на высоте возложенной миссии. Мне и в голову не пришло, что этот визит будет таким успешным, а главное, он будет иметь продолжение до самого конца учебного года.

В 6-м классе, куда меня привела Элла, стоял обычный для школы шум и гвалт. Я, уже основательно позабывший свои школьные годы, даже немного растерялся. Возбуждённые предстоящим мероприятием школьники успокоились только тогда, когда нам пришла на помощь учительница географии (классный руководитель), несколькими резкими фразами она уgomонила аудиторию и, передав бразды правления Элле, села на последнюю парту. Пионервожатая открыла сбор, рассказала о его теме и представила меня классу. Сама же заняла место рядом с учительницей.

Вот тогда и прозвучали те слова, которые я поместил вначале своего ответа. Опыт сценической самодеятельности подсказал мне правильные интонации, с которыми я и произнёс слова Старика Хоттабыча.

В классе раздался смех, напряженные перед этим лица школьников расцвели улыбками, а глаза загорелись интересом. Контакт с аудиторией был налажен, дальше всё пошло, как по маслу. Начав с краткой общей географической справки, а перешел к эпохе Великих Географических Открытий, потом рассказал о войнах и пиратстве на просторах морей и океанов и, наконец, завёл разговор об океанских экспедициях и исследовании водных просторов и глубин в наше время.

Я рассказал им о запасах полезных ископаемых на морском дне и веществах растворённых в ней, о способах извлечения из воды полезных для людей минералов. Отдельно и довольно много рассказывал о технических средствах, изобретённых человеком для проникновения и обитания в этой чужеродной для него среде. Эта часть сообщения была встречена с особым интересом, мальчишками.

Рассказал о рыбах, морских организмах, водорослях, которые обеспечивают нас столь необходимым для жизни кислородом, являются практически неисчерпаемым источником самой разнообразной пищи. Вполне возможно, что в своём запале, я уже совсем не учитывал возраста аудитории, её знаний, но слушали, затаив дыхание, а по вопросам можно было понять, что они многое воспринимают.

Это хороший пример для учителей, если материал подаётся интересно, то он побуждает к работе мысли у слушателей, порождает любопытство и фантазию. Так что, не надо бояться сложностей, будите интерес и они всё поймут, додумают.

Время летело незаметно, но никто из присутствовавших не проявлял нетерпения и усталости. Я невольно поглядывал на заднюю парту, ожидая с неё сигнала о завершении сбора, но оттуда никаких знаков не подавалось, напротив, наблюдалось полное одобрение и внимание.

Глаза преподавательницы географии стали круглыми от удивления, а пионервожатая сияла улыбкой. Её красивые глаза лучились неподдельным восхищением и восторгом. По всему было видно, что обе женщины многое, из сообщённого мною, слышали впервые, что же говорить о школьниках, чей жизненный опыт совершенно не сравним со взрослым.

Они глотали на лету каждое моё слово, каждую фразу. С радостью разглядывали принесённые мною картинки, посланные по рядам, подняв руку, задавали многочисленные вопросы... Тема сбора их явно заинтересовала, разбудила в юных душах неподдельный интерес к любимому мною океану.

Надеюсь, вы понимаете, что изложить в таком ответе всю полноту информации на эту тему, нет никакой возможности, да и не надо. Сейчас, в век информатики и Интернета, получить ответ на любой, самый сложный вопрос, не составит труда и не займёт много времени. Было бы желание.

Но тогда, в изолированном от внешнего мира Советском Союзе накопленная мною из различных источников, была особенно ценна и интересна.

Под конец, я рассказал ребятам о тех сказочных перспективах, которые открываются перед человечеством в будущем. Я предложил им самим подумать, какой бы свой посильный вклад они хотели бы сделать в удивительную и интересную науку под названием ОКЕАНОЛОГИЯ. Я смолк и вопросительно оглядел притихший класс.

Первой пришла в себя классная руководительница. Она решительно встала, быстрыми шагами пересекла комнату и порывисто пожала мою руку.

«Спасибо! Спасибо вам Константин Викторович за этот сбор, за эту содержательную лекцию!! Ничего подобного, стены этой школы никогда не слышали!» Она обернулась к притихшему классу и призвала поблагодарить шефа за эту лекцию. Что тут началось!? Хлопки, крики, смех, разговоры...

В этой суеде и шуме слабо прозвучал голос пионервожатой, призывающий расходиться побыстрее, ввиду позднего уже времени. Все потянулись к выходу, так шумной ватагой мы и высыпали на Большой проспект. Элла, которая жила неподалеку, прошла со мной до станции метро и всю дорогу, сияя улыбками, не переставая щебетала рассыпаясь в комплиментах.

Я был полностью вознаграждён за труды. Уже в вагоне метро я, наконец, вздохнул и расслабился, дело сделано! Задание Комитета выполнено, симпатичная девушка Элла довольна, а я открыл в себе ещё одну, очень важную, как оказалось, способность выступать перед случайной аудиторией не смущаясь, внятно и достойно. Можно и отдохнуть. Как я был наивен, выяснилось лишь два дня спустя.

Среди рабочего дня меня вызвали в Партком. Наш парторг, передавший мне это указание, просил не задерживаться и заметно волновался. Это было странно (я ведь не был членом Партии), но привычка к дисциплине у меня была крепкая. Тем более, что в этот кабинет, двери которого, обитые красным кожаным материалом, я не раз проходил по коридору каждый день.

Что им понадобилось? Ломал я голову, открывая двери приёмной. Секретарша начальника встретила меня улыбкой, как давно знакомого. Она сказала несколько слов в микрофон и затем встала и раскрыла передо мной двери в святая-святых – кабинет секретаря Парткома НИИ. В этот кабинет, за три года своей работы, я входил впервые, не могу сказать, что это далось мне без усилий и волнения.

Из глубины кабинета, мне навстречу, подошли два человека, наш секретарь Комитета ВЛКСМ и солидный пожилой Секретарь Парткома. На их лицах блуждали улыбки. Я тоже расслабился и повеселел, судя по встрече, ничего страшного не предстояло. «На вас, товарищ Чекмарев, тут поступила бумага... из нашей подшефной школы!» - пытаюсь сохранить серьёзность, произнёс секретарь Парткома.

«Вы там какую-то лекцию прочитали, от которой все в восторге! Просят поблагодарить вас и очень просят продолжить эти занятия с другими классами этой школы, а то они обижаются, почему у них такого не было. Так вот, рассматривайте это, как выражение благодарности от нашего Партийного комитета и ответственное поручение.

Посетите школу, договоритесь о времени и потом доложите уже мне лично. Теперь это поручение будет контролировать Партком, а товарищ секретарь комсомола вам будет всячески помогать!». Вот так! Я оказался подключенным к партийной работе. До конца учебного года, я регулярно, после работы раз в неделю, ходил в школу и выступал перед учениками старших классов со своими лекциями об океане и перспективах его освоения человеком.

Учителя (и даже, дважды, представители ГОРОНО) присутствовали на этих моих лекциях и всегда очень лестно отзывались. Не знаю уж, на скольких моих слушателей повлияли мои лекции в выборе профессии, но, в ходе подготовки дома, я, вероятно, был настолько дотошным, что мой сын наслушавшись рассказов, поступил в «Лен.ГИДРОМЕТ» и получил специальность океанолога. Теперь это самодостаточный и уважаемый человек.

Попутно, я получил заряд глубокого уважения к педагогам, имеющим дело с детьми. Это самоотверженные люди, которые – каждый день, как на передовой. Трудное и нервное это дело, работа в школе!

Я рассказывал обо всех аспектах этого интересного рода человеческой деятельности, лекции были с такими темами –

- «Мировой океан – наша общая Родина и место зарождения жизни на земле»
- «Влияние океана на климат планеты»
- «Строение дна океанов и подводная геология»
- «Полезные ископаемые на морском дне и способы их добычи»
- «Мореплавание в древности и в наше время»
- «Военные действия на морских просторах»
- «Подводная археология и её последние достижения»
- «Затонувшие суда и способы их подъёма»
- «Рыбные и другие биологические ресурсы океана – источник пищи будущих поколений»
- «Подводный спорт и его развитие в СССР»
- «Технические средства освоения глубин океана»...

Как видите, эта тема неисчерпаема, как неисчерпаем сам океан! В кратком ответе это всё не отразить. Думаю, вы поняли, что замахнулись «ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ», как сказал Козьма Прутков! Я с ним в этом полностью согласен.

P.S.

Вы спросите, а что же девочка эта, пионервожатая, как у меня было с ней? Да ничего не сложилось, но совсем по другой причине. Встречались после этого, даже я сумел приобщить её к горным лыжам и вроде всё было не так плохо, да вот тут вмешался её папа (как оказалось, большая партийная шишка).

После того, как он узнал, ему было не сложно, как я теперь понимаю, с кем встречается его дочь, он запретил ей эти встречи и даже изъясил её из школы, найдя ей синекуру в Смольном, подальше от простых людей.

Там же ей и был подобран «подходящий» по статусу, проверенный «органами», жених. Нравы партийной номенклатуры в те времена были таковы!

Давние дела, осталась только лёгкая грусть.

Беседа выходит если можно так сказать на финишную прямую... Не могу не спросить Вас, вот о чём. Что такое счастье?

Становление инженера

Мне, сыну артистов, часто задавали вопрос - почему я, выросший фактически за кулисами театра, имеющий такого талантливой отца и, с малых лет, наблюдавший всю театральную кухню с короткой дистанции, не проникся духом театрального творчества и не стал продолжателем семейных актёрских традиций. По мнению задающего этот вопрос такое следование по стопам родителей является естественным и самым простым путём к достижению жизненного успеха. Действительно почему?

Много раз я и сам задавал себе этот вопрос. И каждый раз по мере взросления ответы были различными, но чаще всего содержали несколько основных аргументов, как за, так и против.

Первый и главный

С раннего детства, имея перед глазами отца, как образец для подражания, я постепенно убедился, что он человек незаурядный и талантливый. Его авторитет для меня с течением времени стал непререкаемым.

Видя, как ответственно он относится к делу всей своей жизни. Сколько нервов и сил он тратит на подготовку и воплощение на сцене очередного образа.

Та требовательность к себе в исполнении любой даже самой незначительной роли, то упорство, с которым он репетировал каждую фразу, каждый жест и каждую мизансцену, вызывали у меня невольное восхищение. Я невольно примерял к себе эту работу и каждый раз убеждался сколь тяжела эта «шапка Мономаха». Планка, установленная отцом, была настолько высока, что любая моя попытка посягнуть на эту высоту, была заведомо обречена на провал.

Для того чтобы решиться ступить на это поприще, надо было поставить перед собой ещё более высокий барьер и, достигая его, превзойти отца. Я понимал, что как бы я не старался проявить свою индивидуальность, мне не избежать сравнительной оценки критиков и просто досужих болтунов.

Приняв эту семейную эстафету, я должен был добиться большего и каждый день подтверждать, что мой выбор не следствие «отцовского лифта», а закономерное развитие собственного таланта. Слов нет, какие-то задатки к лицедейству, какие-то способности имели место, но главным был, конечно, талант, в наличии которого у себя, я, не без оснований, серьёзно сомневался.

Необходимые свойства характера, как трудолюбие, стремление к достижению поставленной цели и упорство, вся предыдущая, непростая жизнь во мне воспитала. Можно было, опираясь на эти качества, попытаться компенсировать отсутствие таланта упорным трудом и чего-то достичь. Примеров тому в истории искусств не мало. Я не буду конкретизировать, но у всех перед глазами и на слуху известные в прошлом фамилии, которые продолжают звучать и поныне, принадлежат детям и внукам кумиров прошедших лет.

Иногда, увы, очень редко, восторги, источаемые многочисленными поклонниками и, чаще, поклонницами новоявленных «звёзд», можно считать вполне заслуженными. Но в большинстве своём эти «звёзды» сияют отраженным светом предшественника или предшественницы. Они эксплуатируют инерцию человеческих и зрительских привязанностей.

Глядя на их жалкие потуги в стремлении доказать собственную значимость при отсутствии таланта сразу понимаешь, что без энергичного стартового пинка, рекламной и финансовой поддержки родственника, у них вряд ли что-нибудь вышло. Но подсаженная родительской рукой на незаслуженно высокую ступень, с которой этой же рукой убраны менее «родовитые» (хотя и от природы талантливые) конкуренты, новоявленная «звезда» начинает задирать нос и считать себя незаурядностью безо всяких на то оснований.

Даже если потомственный «талант» в глубине души осознает свою несостоятельность и поймёт бесплодность своих попыток утвердиться на сцене или на экране, как самодостаточная творческая личность, он не в состоянии уже отказаться от этого пути. Обычно процесс этого прозрения затянут во времени и когда мысль о тщетности своих попыток окончательно сформируется в голове наследника славы родителей уже поздно что-либо предпринимать радикальное.

Учиться и осваивать другую специальность непросто. Успех на новом поприще проблематичен и непредсказуем, а хочется именно успеха и всенародного признания и известности.

Надо иметь огромную силу воли, чтобы решиться всё это изменить. Не многие на это способны. А тут ещё толпы небескорыстных льстецов окружающих такого новоявленного «гения» нашептывают ему на ушко (или во всеуслышание) – «Ты талант! Ты неподражаем! Ты достойный продолжатель талантов родителей и даже лучше их!».

Легче продолжать действовать по инерции в надежде, что всё как-нибудь образуется. Часто в таких случаях актёр начинает компенсировать отсутствие таланта искусственными эпатажными приёмами, кривлянием на потребу непритязательной публике, употреблением простонародных и ненормативных выражений.

Это имеет успех у определённой части зрителей из среды малокультурных нуворишей, которым льстит, что работник искусства, мало чем, отличается по культурному уровню от них самих всплывших, как известное вещество, внезапно наверх по воле случая. Они всячески поддерживают такого «гения» и финансово и психологически подавляя, таким образом, трезвый самокритичный внутренний голос жертвы.

Слаб человек и спустя какое-то время он начинает думать, что так и должно быть. Возникает беспочвенная уверенность в собственной неповторимости и таланте. Это и называется на современном языке «раскрутка». Но думающие и понимающие, что к чему, зрители, сокрушенно качают головами и с горечью констатируют, что потомок, безжалостно эксплуатирующий славу предшественника, используя его фамилию, таким образом, унижает и наносит непоправимый вред его памяти.

Относясь с огромным уважением к таланту отца, я не счёл для себя возможным встать на этот, казалось бы, естественный и простой путь жизненной карьеры.

Второй и тоже важный

Наблюдая из «за кулис» театральную, а позднее киножизнь, присутствуя и иногда принимая участие в неформальных встречах друзей и коллег отца по цеху, я постепенно понял, сколь не простое дело быть творческим работником в нашей тогдашней стране. Увы, не только талантами (или отсутствием оных) у участников творческого процесса определялся, в конечном счете, успех или провал спектакля или фильма.

Культура и искусство в социалистической стране были предельно политизированы. Театр и кино работали в жесточайших рамках цензуры, политических установок и находились под прессом идеологических органов. Ни один спектакль или фильм не мог выйти на широкого зрителя без высочайшего дозволения. Да что там выйти, даже читка новой пьесы или сценария не санкционированная парткомом, рассматривалась, как вопиющая крамола и могла стоить карьеры рискнувшему режиссёру.

Даже если материал напрямую не содержал намеков, на какие либо параллели с реальной жизнью нашей страны и относился к событиям во времени и географически от нас совеем далёким, отсутствие его в утверждённом свыше списке разрешенных (и рекомендованных) к постановке прерывало полёт любой творческой фантазии. Для людей искусства в большинстве своём чувствительных и ранимых такое положение вещей было тягостным и трудно переносимым.

Ещё более трудным было постоянно ощущать рядом с собой или над собой некомпетентное и недремлющее око управляющих творческим процессом партийных органов. Специфика заключалась в том, что на эти должности удивительным образом подбирались самые одиозные и порой карикатурные личности.

Вмешательство в творческий процесс таких фигур, как правило, было подобно «слону в посудной лавке». Сколько гениальных актёров и режиссеров, сколько представителей других творческих профессий пали жертвами этого вмешательства.

Некоторые из них, не выдержав давления, ломались, уходили во внутреннюю эмиграцию или в алкоголизм. Другие ломали себя через колено и, принимая навязанные условия игры, пытались сохранить достоинство, работали в этой обстановке, как на минном поле. Я не говорю о тех, чьи идейные установки согласовывались с генеральной линией. Их карьеры были, как правило, успешны, а жизнь удавалась.

Поскольку контролирующие и управляющие культурой органы одновременно являлись и главными арбитрами при оценке труда творческого работника, то ряды обладателей высоких званий и титулов в искусстве, как правило, пополнялись из упомянутой мною третьей категории.

Иногда в тех случаях, когда талант очевиден и замалчивать его не удаётся, звания получали представители второй и даже (в редчайших случаях) первой группы, но это были исключения. Что характерно зрительские симпатии при оценке работы творцов совершенно не принимались во внимание. Мы знаем большое количество подлинно народных артистов, самой высокой пробы, не имеющих никаких официальных званий и регалий и не меньшее (даже большее) количество «титулованных» по партийной, так сказать, линии.

Сколько раз в разное время я слышал от отца и его друзей сетования на вмешательство и диктат идеологов от искусства в процесс творчества. Способов противодействия этому диктату творческий цех выработал не малое количество. Почти все они сводились к той или иной «фиге в кармане». Когда это удавалось драматург режиссёр, актёр, музыкант или работник пера получал огромное удовольствие, смеясь, в узком кругу единомышленников, над глупостью надзирателей.

Заметив моё детское увлечение наукой и техникой, отец всячески поддерживал и развивал его, надеясь, что на этом пути я не столкнусь с глупостью и диктатом товарищей из «руководящей и направляющей силы общества». В чём-то он был прав, но в основном, несомненно, ошибался. Я не пошел по пути отца, по пути художественного творчества, выбрав творчество техническое в надежде избежать диктата дилетантов и волонтаристов.

Уже позднее я понял, сколь всеобъемлющей была эта диктатура. Да! Отменить или изменить законы природы они были не в силах (хотя неоднократные попытки предпринимались), но управлять наукой и техникой в своих целях партия научилась превосходно. Учёные и инженеры постоянно ощущали на себе кнут и узду в руках бестолковых, но амбиционных кучеров.

Но всё это я узнал лишь тогда когда, окончив ВУЗ, стал работать инженером в одном оборонном НИИ, именовавшимся по традициям тех времён - «почтовый ящик».

Третий - тоже существенный

Многим из непосвящённых в таинства театра и кинопроизводства, кто судит о жизни участников этого процесса по внешним проявлениям, кажется, что их жизнь непрекращающийся, безоблачный праздник, достаток и благополучие. Уверяю, что это далеко не так и прошу мне поверить на слово. Я видел эту жизнь так сказать изнутри во всём многообразии проявлений.

Почитайте мемуары известных в прошлом актеров и актрис жизнеописания режиссёров, писателей, сценаристов и драматургов и вы убедитесь, что я не лгу и не выдумываю.

Мои воспоминания лишь ничтожная часть событий, описывающая жизнь отдельной семьи артистов, в которой мне было суждено родиться и вырасти. Вся эта жизнь предстаёт чередой столкновений со всякого рода трудностями, среди которых самыми сложными всегда были финансовые. Вы скажете, что я не оригинален в том смысле, а у кого их нет? Да это действительно так! Но самое большое количество всякого рода легенд имеющих хождение в народе так это о достатке известных в прошлом работников искусств.

Если бы это было на самом деле, не пришлось бы собирать по крохам средства на скромные похороны кумиров сцены и экрана недалёкого прошлого. Не пришло бы в голову великой русской артистке Марии Гавриловне Савиной организовать «Убежище для престарелых сценических деятелей» ещё до революции.

Вы думаете, оно (под названием «Дом ветеранов сцены») пустовало при советской власти? Как бы не так! Только разрасталось и действует оно, пока, и по сей день. И живут в нём (вернее доживают свой век) те, которые, как считали досужие болтуны, купались в роскоши и достатке. Да нет же и нет!!

Им рукоплескали переполненные залы, им к ногам ложились горы цветов, но материально, их несущий людям радость труд, оплачивался весьма скромно и до революции и при советской власти и не знаю, как сейчас. Наверное, и сейчас ситуация не намного лучше.

В мои планы не входит анализировать сегодняшнее положение работников нового искусства. И ситуация в стране другая и критерии оценки их труда деформировались. Я принимал свои решения, определяющие мой жизненный путь, в условиях нашей страны середины прошлого века. А суровая реальность того момента была такова, что даже известные актёры получали столь смехотворную зарплату, что вынуждены были постоянно искать дополнительного приработка на стороне.

И это притом, что сборы в театрах были не плохие, а в отдельных театрах даже очень хорошие. Но доход, приносимый театрами и кинофильмами, почти никак не отражался на размерах поощрения творческих коллективов. Я не беру с расчёт отдельные «показушные» театры и личности. Исключения, как говорят в науке, только подтверждают закономерность.

Стране нужны были ученые, инженеры и техники, а работники культуры были отодвинуты в конец распределительной очереди. «Что-то физики в почёте. Что-то лирики в загоне...» - писал поэт о том времени. Не сразу и не без раздумий я принял решение податься в «физики» - то есть в инженеры.

Интерес к технике проснулся у меня рано можно сказать в раннем детстве. Железная дорога, которая была местом нашего обитания, являлась сосредоточием техники разного рода, начиная с вагона в котором мы жили и, кончая паровозом – верхом технического совершенства того времени. Паровозы притягивали меня, как магнит. Я внимательно наблюдал за взаимодействием колёс и рычагов. Отец постоянно был вынужден отвечать на мои многочисленные вопросы относительно названий и назначения тех или иных частей механизмов.

Надо отдать должное, отвечал он на мои детские вопросы по-взрослому доходчиво и толково. Никогда не отмахивался от моих назойливых просьб объяснить, что это такое и зачем.

Не обладая техническим образованием, тем не менее, он никогда не опускался в своих объяснениях до примитивизма, называл элементы и детали механизмов грамотными техническими терминами.

Откуда он черпал свои технические познания, не знаю. Полагаю, что источником его эрудиции являлся постоянный заинтересованный контакт с окружающими его людьми. Он никогда не стеснялся задавать вопросы и всегда уважительно и внимательно выслушивал ответы специалистов. А память, натренированная работой на сцене, у него была отменная.

Я уже не раз отмечал, что отец умел и любил работать руками. Каких только работ и вещей ему не приходилось делать: реквизит для театральных постановок, ремонт мебели и бытовой техники, изготовление рыболовных снастей и снаряжения для охоты.

Построить и окрасить лодку – с удовольствием, разобрать и починить мотор – пожалуйста. Каждый раз, когда отец принимался за новое дело, он обязательно привлекал к нему меня.

Лопнула пружина патефона и я тут как тут. Устройство разобрано, извлечён механизм. Последовательно, деталь за деталью, разбирается мотор. Это шестерёнки привода, это центробежный регулятор оборотов. Вот и вынута пружина. Обломился самый конец, держащийся за выступ на барабане.

Отец показывает, как восстановить крепление на выступе и предлагает мне собрать механизм в обратном порядке. Внимательно следит за моими действиями и вмешивается только в крайнем случае. Патефон собран и запущен.

Звучит музыка причём не только из ящика. Музыка звучит внутри меня самого. Я справился! Теперь я смогу это делать сам!

Отец понимает моё состояние и улыбка блуждает на его губах. Его похвала – высшая награда за успех.

О наших опытах с электрическим конструктором в гостиничном номере Свердловска я уже рассказывал.

Когда мы поселились в новой квартире в Перми (тогда Молотове) первое что я сделал это, устроил макет электрической железной дороги на широком подоконнике моей комнаты. Были тут и рельсы со шпалами и два вокзала с промежуточной платформой и светофоры и даже тоннель. Электровоз и вагон я вырезал из дерева и раскрасил. Электромоторчик из конструктора был спрятан в одном из концевых вокзалов.

Он приводил в движение состав с помощью нитки проложенной между рельсами. Дойдя до конца путей, поезд переключал мотор и двигался обратно, включая по пути светофор. Это движение могло продолжаться до тех пор, пока позволял заряд батарейки. Увы, батарейки были слабые, да и купить их не всегда удавалось.

Именно эти слабые и дефицитные батарейки познакомили меня с ещё одной областью техники, которой я тогда ещё не знал – радиотехникой. Тогда я и сделал первый шаг в профессию, которой посвятил всю свою жизнь. Произошло это так.

Ко мне часто заходил мой школьный товарищ Лёша Васильев мы вместе занимались всякими самоделками. Именно с ним я освоил все приёмы фотографии.

Отец привёз из Ленинграда и подарил мне фотоаппарат «Смена». У Лёши такой аппарат уже был и он умело им пользовался. Всем своим навыкам он обучил меня и мы вместе просиживали часами в затемнённой ванной комнате проявляя плёнки и печатая фотографии.

Увидев на моём окне железную (деревянную) дорогу он похвалил мою выдумку и мы долго наблюдали за движением состава пока он не стал на полпути. Батарейка в очередной раз кончилась на самом интересном моменте. И тогда Лёша посоветовал сделать устройство, которое позволяло бы получать нужное напряжение прямо от домашней электросети. О том, что такое устройство должно существовать в природе я знал.

Но мысль о том чтобы его изготовить самому мне пока не приходила в голову. Лёша сказал, что сам он не знает, как сделать. Он познакомил меня с человеком, который смог научить и помочь.

Этим человеком оказался старший брат нашего одноклассника Толи Бойченко. Лёва так звали брата, уже тогда серьёзно занимался радиолюбительством. Он оказался очень дружелюбным компанейским парнем. Несмотря на разницу в возрасте мы с ним подружились на долгие годы.

Друг детства Лев Бойченко радист. На крыше своего дома в Перми у своей антенны.

Вопрос, с которым мы к нему обратились, вызвал у Льва неподдельный приступ смеха. Он как истинный одессит обладал врождённым и обострённым чувством юмора. Для него в этой задаче вообще не было проблемы. Он тут же сел и нарисовал электрическую схему нужного нам устройства. Так я впервые увидел схему и присутствовал при творческом процессе её создания.

Трудность заключалась в другом. Схема это рисунок на бумаге, а собрать её надо было из конкретных деталей: трансформатора, лампы, конденсаторов и резисторов (или как их тогда называли – сопротивлений). Так вот с деталями была самая большая загвоздка. Их просто негде было взять, не продавали. Практически всё, задуманное радиолюбителем, упиралось в то, что было трудно или невозможно найти нужную для схемы деталь.

Изобретатели использовали самые разнообразные способы добычи необходимых деталей: обмен, покупка на барахолке, извлечение из безнадёжно сломанной аппаратуры, поиски на свалках... вплоть до вступления в прямой конфликт с законом. Скажу откровенно, что реализация моей задачи потребовала применить весь арсенал упомянутых средств. Сесть за паяльник и собрать свой первый аппарат я смог спустя почти год. До этого момента я уже многое понимал в простейшей радиотехнике.

Лёва оказался хорошим учителем. Приходя к нему, я наблюдал, как он паяет и перепаяивает, модернизируя, свой передатчик. Как, одев на голову наушники, отрешенно шарит по трещащему и шипящему эфиру, ловя слабые сигналы единомышленников по увлечению, как лихорадочно стучит ключом, посылая очередное сообщение.

К сожалению (или к счастью) занятие радиосвязью меня не увлекло, как Льва. Я больше был заинтересован созданием, а не эксплуатацией аппаратуры. Да и откровенно, что за интерес узнать, какая погода допустим в Австралии и, как зовут оператора, с которым удалось связаться с таким трудом в два часа ночи. Другие темы радиосообщений жестко пресекались всеильной комиссией радиоконтроля нашей тогдашней страны. Товарищам, пасшим наших энтузиастов-радиолюбителей, всюду мерещились изменники родины и иностранные шпионы.

Так получилось, что товарищем Льва по увлечению оказался мой сосед по лестничной клетке Юра, младшая сестра которого Таня Плохих училась вместе со мной Лёшей и Толей в одном классе. Юра тоже собирал радиоприёмник. Передатчик он сделал, но что-то не заладилось с настройкой и он оставил это занятие. Приёмник у него получился хороший и, с помощью него, удавалось поймать те радиостанции, которые не ловились на имевшийся у него приёмник «Рига ВЭФ».

Это были станции названные впоследствии обобщающим названием «голоса». В передачах этих станций было много современной джазовой музыки, которую невозможно было услышать в нашей, закрытой «железным занавесом», стране. Юра был музыкальным подростком. Он играл на аккордеоне и на тромбоне. Для него и ещё одного нашего соседа по дому Володи Гусельникова прослушивание джазовой музыки было чем-то вроде наркотика.

Меня же интересовала техническая сторона дела. Как, и с помощью, каких схемных и конструктивных решений, ему удалось добиться такого хорошего качества приёма и такой чистоты и силы звука.

Узнав о моём новом увлечении, отец одобрил его и стал по мере сил помогать мне в этом деле. Я писал ему в Ленинград о том, какие детали мне нужны, а он, несмотря на сильную занятость, ухитрялся, выкроив время, приобрести (или как тогда говорили – достать) их и привезти или прислать. Однажды он привёз мне большую толстую и очень содержательную книгу «Юный радиолюбитель».

Счастью моему не было конца! На долгие годы она стала настольной моей книгой и учебником радиотехники. Даже учась в институте, я частенько заглядывал в неё, освежая в памяти основы.

Увлечение радиотехникой помогло мне ещё в одном занятии. Я ходил в городской Дом пионеров заниматься судомоделизмом. Всё что связано с водой и мореплаванием привлекало меня. Начитавшись книг про путешествия по морям, про удивительные приключения мореплавателей прошлого и фантастики - Жюль Верна. Я мечтал о дальних странах и таинственных островах.

В создании моделей кораблей я находил временное утешение невозможности осуществить свои мечты в реальности. Последней моделью моего изготовления была полуметровая копия крейсера «АВРОРА». При её создании мне во многом помогло то, что я дважды побывал на борту легендарного корабля во время своих визитов в Ленинград. При содействии руководителя кружка на модель было установлено недавно полученное радиоуправление отечественного производства РУМ-1.

Аппаратура и питание к ней были громоздкими и разместить её в других моделях кружка было невозможно (места не хватало). Так что мне в известной степени повезло. Модель получилась очень удачная. Корабль, управляемый по радио, величественно совершал маневры по пруду в городском парке, на глазах у многочисленной публики и партийного руководства города. Пропагандистский эффект такой демонстрации был чрезвычайно велик и не остался незамеченным. Руководители Дворца пионеров получили поощрение за хорошую работу, а я был награждён путёвкой в «Артек».

Вернувшись из лагеря, я твёрдо решил посвятить свою жизнь радиотехнике. В своём личном дневнике я сделал запись – план относительно своих дальнейших действий. Выглядел он так: школа – радиозавод – вечерний институт – НИИ по разработке радиоаппаратуры.

По прошествии многих лет я с удовлетворением констатирую, что все, что было задумано тогда, выполнено полностью. При этом приятно сознавать тот факт, что это сделано своими руками и головой. Это моя судьба моя жизнь.

Я счастливый человек!

Так что же такое для меня - счастье?

У кого бы вы не спросили, кому бы не задали этот, казалось бы, простой вопрос, в ответ вы получите совершенно различные определения. Люди совсем по-разному ощущают это состояние и по разным поводам. Я тоже не исключение, с тем лишь отличием, что попытаюсь облечь, по вашей просьбе, это во внятную словесную форму.

Так вот моё определение – СЧАСТЬЕ

- это мимолётное состояние радостного душевного подъёма, которое испытывает человек, когда исполняется, давно ожидаемое в мечтах или планах хорошее событие,
- окончание долгой трудной или нудной работы и признания результатов её, как некоего общественно-значимого достижения,
- получение некоего блага,
- получение нового впечатления, приятного ощущения,

- наступления некоего события, резко и в положительную сторону, меняющего жизнь человека,

Особенно острым и ценным бывает счастье, достижение которого далось не малыми усилиями - физическими, интеллектуальными, творческими, эмоциональными... Существенным компонентом полноты ощущения счастья является его ожидание, предвосхищение, предвкушение...

Счастье (как ощущение), увы, скоротечно и непродолжительно (непрерывно и постоянно счастливы только идиоты).

За долгую свою жизнь я много раз испытывал счастье по самым различным поводам. Некоторые из этих событий были настолько яркими, что сохранились в памяти и по сей день.

Мог погибнуть в страшной железнодорожной катастрофе, но остался жив, благодаря мужеству и находчивости отца, спасшего нас с мамой.

Первый день учёбы в школе... и последний звонок, получение аттестата.

Приезд в Свердловск после Дальнего Востока – первые дни.

Первая поездка в Ленинград и в Москву.

Приезд в Молотов и получение квартиры.

Поездка в Артек, новые друзья, море скалы горы – всё впервые.

Переезд в Ленинград на постоянное жительство (хотя это и была комната в коммуналке).

Поступление в тот институт, о котором мечтал, защита и получение диплома об окончании.

Получение, наконец, отдельной квартиры для нашей семьи.

Женитьба на любимой женщине и рождение сына (очень хотел именно сына)

Первый полёт на самолёте.

Первое погружение с аквалангом и всплытие после выполненного задания.

Первый (он же – единственный) прыжок с парашютом, ощущение полёта и удачное приземление.

Первая поездка в горы (Терскол Кавказ) подъём на Эльбрус и первый спуск по большой горной трассе на лыжах.

Успешное выполнение заданий в многочисленных командировках по стране и возвращение после этого домой.

Присутствие на успешной защите диплома сына.

Избрание меня всем коллективом на должность начальника лаборатории КБ.

Постройка и спуск на воду каждого из трёх наших катеров.

Поход на катере до Новгорода и обратно с отцом.

Каждый из походов на катере с семьёй далеко и надолго.

Поездка на теплоходе до Астрахани и обратно.

Получение первого экземпляра книги, в которой были напечатаны мои рассказы.

Приобретение, освоение первого компьютера и подключение к Интернету, открытие для себя большого мира, что равносильно для меня поездкам за границу.

Кроме этих, достаточно значимых событий, ощущение счастья доставляли и более мелкие эпизоды моей долгой жизни. Они уже не так врезались в память и глубина ощущения от них, была не столь велика. Но иногда, всплывая в памяти, они окрашивают мои воспоминания в приятные тёплые тона, дополняя общую картину бытия новыми красками. Это и есть наша жизнь во всём её многообразии.

Не надо при этом забывать, что жизнь состоит не из одних счастливых событий, чаще бывают серые, будничные, а, порой, довольно мрачные и даже трагические. Каждый раз, когда мы преодолеваем тот или иной не самый приятный, трудный, момент или период нашей жизни, выход из него становится самостоятельным событием и поводом для ощущения счастья.

Жизнь она такая – «полосатая», и надо уметь радоваться ей во всех проявлениях. С годами начинаешь осознавать, что даже простой, увиденный тобою, восход солнца, удачно, без особых проблем и недомоганий, прожитый день... – сами по себе повод для радости!

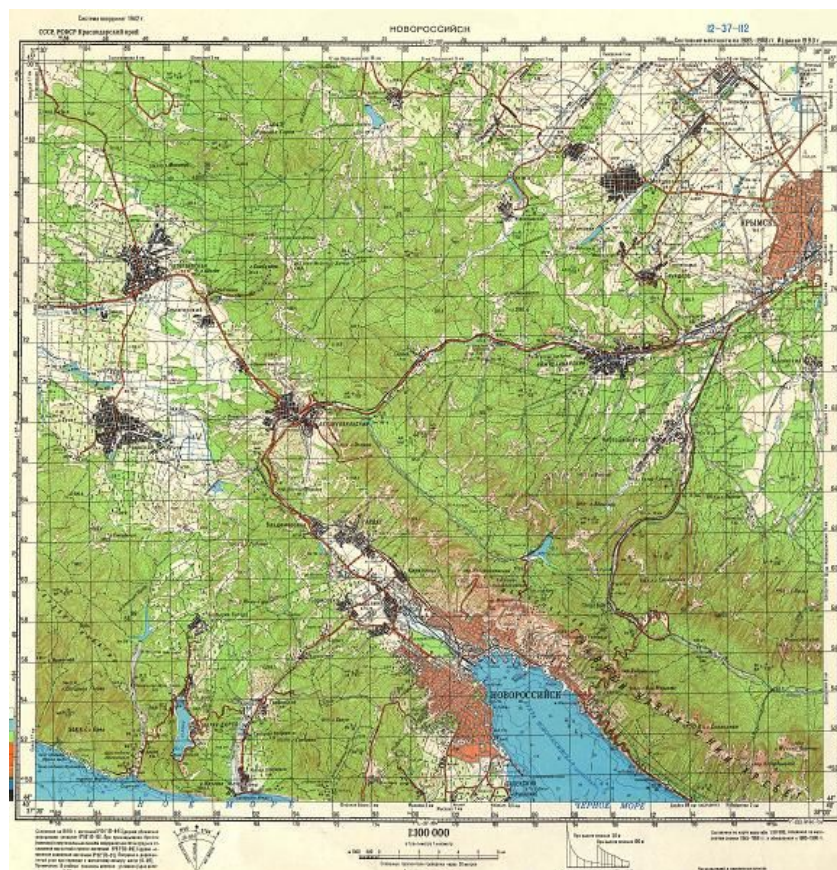
Цените каждый день жизни, ибо другой (что бы не проповедовали попы) – не будет!

На момент нашей беседы случилось огромное горе для многих людей в Краснодарском крае. Город Крымск стал символом беды и незащитности человека перед стихией... Выражаю свои соболезнования родным и близким погибших.

Во всём ли виновата стихия... Много вопросов и мало ответов. На Ваш взгляд, что могло произойти?

Я, как и все нормальные люди скорблю и сочувствую жителям края и России. И, тем не менее....

Попробую поделиться своими личными впечатлениями. У меня на этот счёт есть своё мнение и позиция. Много лет назад (при большевиках ещё) я бывал в тех краях (Новороссийск – Туапсе). Сохранилась карта, посылаю для наглядности.

Обратите внимание, все посёлки и города расположены в долинах и на берегах рек, речушек и ручейков. Те, кто в давние времена поселился и живёт в таких поселениях, прекрасно осведомлены о своенравии этих водотоков. В сушь, а это на юге не редкость, эти речки превращаются в вялотекущие мелкие ручейки, берущие начало высоко в горах.

Ввиду постоянного дефицита питьевой и поливочной воды, на речках (в горных верховьях) всегда создавали запасающие водоёмы, перегораживая их плотинами и запрудами, от простых каменно-грунтовых (выполняемых неквалифицированными местными работниками), до вполне капитальных, железобетонных, выполненных по проектам и с применением техники.

Вот эти, последние, как правило, имеют средства регулирования уровня и объёма запасаемой в них воды. Качество проектирования и исполнения целиком и полностью зависит от местного руководства и добросовестности работников строительной организации.

Учтите, что Краснодарский край – один из самых коррумпированных и криминализованных в России! В нём – НИЧЕГО! – не делается без взяток и системы откатов, это реальный и никем неоспоримый и не опровергнутый факт!!!

На достаточном удалении от истоков, ввиду задержки значительной части вод плотинами, уже на побережье, речка спокойна и даже зарастает водорослями и тиной, как болото. Но когда в горах происходит гроза или сильный дождь, что тоже частое явление, речка в короткое время превращается в бурный поток, сметающий всё на своём пути, несущий всякий мусор, камни и обломки деревьев.

Этот поток подмывает и изменяет рельеф берегов, сметает мосты, провоцирует оползни. Не раз мне доводилось видеть и сам такой поток (грандиозное шумное зрелище!), и катастрофические последствия его прохождения. Случались (не раз) и жертвы.

Люди в таких районах знают и помнят об этих событиях, но, вопреки логике и здравому смыслу, продолжают селиться в таких местах, располагаясь со своими домами и дворовыми постройками всё ближе и ближе к руслу речки, спускаясь всё ниже и ниже почти к самой воде. И живут какое-то время вполне спокойно.

Но вот однажды, в мокрый год, речка неожиданно вспухает и приходится спасаться на возвышенном месте всей семьёй и со скотиной. Если бы там жили одни русские, можно было бы сослаться на национальную беспечность и знаменитый наш «авось». Но там человеческий муравейник, смешение множества разных народов!!! А поведение у всех одинаково. После очередной катастрофы начинается вой и проклятия в адрес властей, которые, видите ли, не предупредили.

Предупреждали и не раз, и даже более умные и осторожные соседи, давно живущие в этих краях, предупреждали... но всё повторяется каждый раз, как впервые. Строят ограждения, дамбы, водоотводные каналы, но как у нас всегда, часть средств украдут и дамба оказывается или недостроенной (не проектной высоты, прочности, без регулирующих затворов) или рыхлой, или вообще не на том месте, где надо.

Потом начинают искать виноватых, а их уже и след простыл. Деньги и материалы разворованы, пошли на обогащение чиновников и частное строительство. Что я вам говорю? Вы и сам прекрасно знаете, не первый год живёте в России. К цифрам человеческих потерь, при таких стихийных наводнениях необходимо приплюсовать ещё многих отдыхающих, которые не знакомы с местными условиями и ведут себя ещё более беспечно.

Приведу один лишь пример из моей жизни. В 1980 году, я был по путёвке с сынишкой (11 лет) отдыхал на турбазе «ЗАРЯ» в Джубге, это те самые края. Так вот, за неделю до нашего приезда в Джубгу, там произошла похожая трагедия. Бурным селом по руслу речки Джубга (на которой вообще не было никаких плотин) был снесён в море палаточный лагерь автотуристов численностью около 500 чел вместе со всем скарбом и автомашинами.

Никаких сообщений в прессе, обсуждений, проклятий в адрес Политбюро КПСС и местной власти... Тихо, спокойно, закрыли дело и с концы в воду! Ещё неделю спустя, я плавал в этом районе, нырял, охотился и своими глазами видел десятки автомашин валяющихся на дне на глубине примерно 10-20 м на расстоянии 100-200м от берега. Картина довольно мрачная!

А речка Джубга, всё время нашего пребывания выглядела мирным ручейком, с водой зелёного от мелких водорослей цвета. На берегу, на месте трагедии вновь вырос палаточный лагерь, опять хаотически стояли автомашины, загорали люди, играли и смеялись приехавшие на отдых детишки.

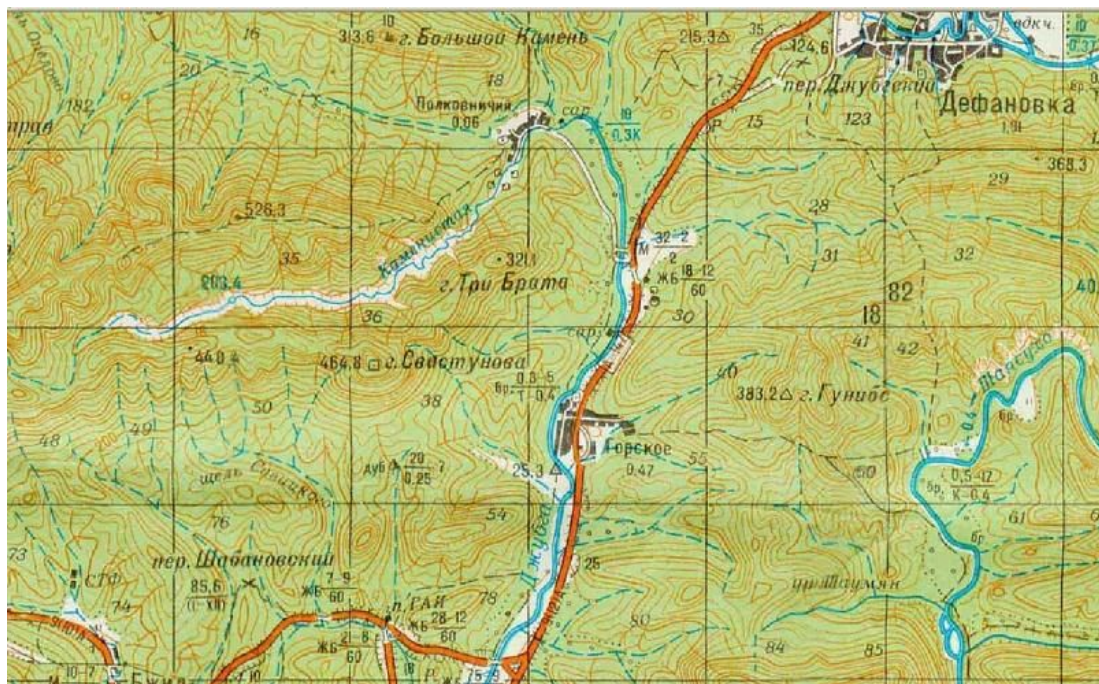
Милиция предупреждала и по радиотрансляции, и по мегафонам о возможной опасности, даже взгромодила на въезде к пляжу огромный транспарант с предупреждением... Всё тщетно. Народ не хотел прислушаться. Наш! Народ!

За прошедшие 30 лет менталитет нашего народа ничуть не изменился, всё тот же «авось» правит бал, к этому прибавился ещё крутой криминал. Уверен, пройдёт немного времени и всё опять пойдёт по старому. Забудут об этом.... до следующей трагедии.

Что вы хотели узнать? Кто из местных или центровых чиновников и сколько украл? Почему не выдержали плотины и дамбы?? Почему не эвакуировали население из потенциально-опасных районов??? Не подали сигнала о наступающей волне?

Все эти вопросы и ответы на них просто повиснут в воздухе. Никто, ни за что, не ответит! ВСЕГДА власть скрывала (и будет скрывать) от людей реальное состояние в стране. Отсюда – каждый человек, если хочет уцелеть в этом бардаке, должен сам проявлять инициативу и благоразумие.

Никакое правительство о нас заботиться не будет! Эти люди озабочены исключительно своим личным благополучием. Не для того они идут во власть. Надо помнить об этом, когда идёшь на выборы, за кого голосовать, кому доверить свою будущую безопасность?

Мы с внуком ходили в поход по каньону реки Каменистой (см. кару) до самого истока. Высота берегов достигает до 50!м, дно – крупные валуны, принесённые потоком сверху, есть крутые уступы русла 20-30м (водопады). Когда мы шли, ручеёк местами просто пропадал из виду.

Но, судя по каньону, в оные времена он бывает, грозен и даже страшен! А ведь это всего лишь один из сотен ручейков питающих только одну речку Джубга!

Посмотрите (на карте района Крымского) сколько там таких речек! Выводы делайте сами, вы же гидротехник, вам карты в руки!

**Да, уж... Как ни грустно, но беседа близится к своему завершению.
Позвольте небольшой блиц.**

На Ваш взгляд, что предпочтительнее, горькая правда или сладкая ложь?

Всему своё время и ситуация. Когда бывает уместна горькая правда, а иногда не обойтись без сладкой лжи. Это же жизнь. Важно только понимать, когда и что предпочесть.

Вы согласны с утверждением, что все женщины очень коварные?

Не согласен. Вернее – не все, а лишь некоторые. Знал не мало разных женщин, но на себе их коварства ни разу не испытывал. Те, кто такое утверждают, скорее всего, сами провоцируют такое к себе отношение.

А коварные женщины это просто глубоко несчастные и закомплексованные. Это их защитная реакция – «маленькая и слабая собачка кусает исподтишка».

**Если бы у Вас была возможность тратить деньги, и они бы не заканчивались.
На что бы их тратили?**

Вы, возможно, не поверите, но именно так я и живу, причём совсем не потому, что мои доходы велики. Я всю жизнь работал на госпредприятиях, где зарплаты скромные. Просто, мои родители приучили меня «по одежке протягивать ножки» не хотеть лишнего, не завидовать, не гнаться за модой на потребление.

Машины нет (и не хотелось), дачи нет (не имею склонности к сельхоз. труду, наработался во времена «шефской помощи селу»), поездки за границу мне перекрыты, зато по России (и бывшему СССР) поездил не мало.

Есть яхта, но она построена своими руками, это моя, собственная территория свободы. Трачу только на самое необходимое, никогда не брал займы (давал друзьям и то только тогда, когда понимал, что НАДО! и без особой надежды на возврат), мой бюджет всегда с профицитом. Не особенно задумывался, тратя деньги на хорошие умные и содержательные книги, это моя «ахиллесова пята».

Одиноки ли мы во Вселенной?

Полагаю, не одиноки, но право на полноценный вселенский контакт надо ещё заслужить! Пока, вся жизнь нашего земного сообщества не даёт права на вхождение в сообщество с более продвинутыми цивилизациями.

Даже если они обнаружили наше существование, то пока просто наблюдают и не торопятся проявить своё присутствие, что бы там не фантазировали всяческие УФологи.

Будет ли конец Света?

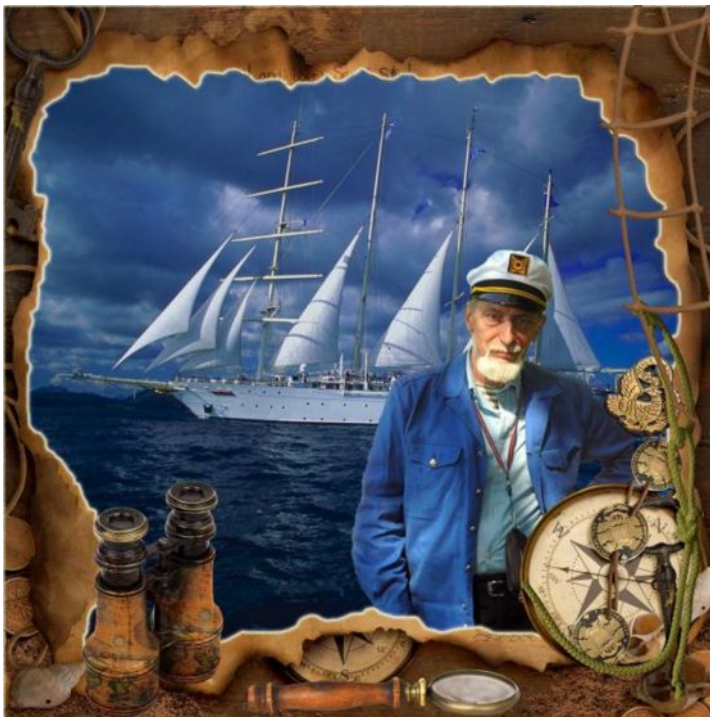
Увы! Будет! Но для каждого свой. За долгую свою жизнь, я столько раз слышал пророчества о предстоящем конце света... Где те прорицатели?

Если в нескольких словах. Кто он, Константин Чекмарев?

Хм! Очень смахивает на эпитафию. Но я материалист и атеист, не суеверен. Предпочёл бы если кратко в этом жанре –

Чекмарев Константин Викторович
Инженер – конструктор, поэт, писатель и романтик.
Мореман и просто счастливый человек.

Прежде чем завершить нашу беседу, просьба ставшая уже традиционной. Скажите Тост или Здравницу от Константана Чекмарёва для наших читателей!!!

Я поднимаю свой бокал
За Вас, читатели вы наши!
Чтоб мир для Вас светлее стал
И радостней и краше

Желаю Вам всего- всего
Пусть не остынет кровь
Нет в мире лучше ничего
Чем дружба и любовь!

Пусть будет жарким ваш очаг!
Пусть крепким будет дом!
И я желаю всяких благ
Всем кто сегодня в нем!

Ещё хочу я пожелать
Всем – не грустить, не унывать
И всех читателей-друзей
Достойно здесь встречать!!

Закончилась наша беседа. Грустно. Всегда грустно расставаться с интересным собеседником. Честный и искренний человек, а эрудированность... Пусть у него всё будет хорошо! Здоровья и Счастья!!! Успехов и Благополучия!!! Ну, и как всегда немного фотографий и Подарок для Гостя.

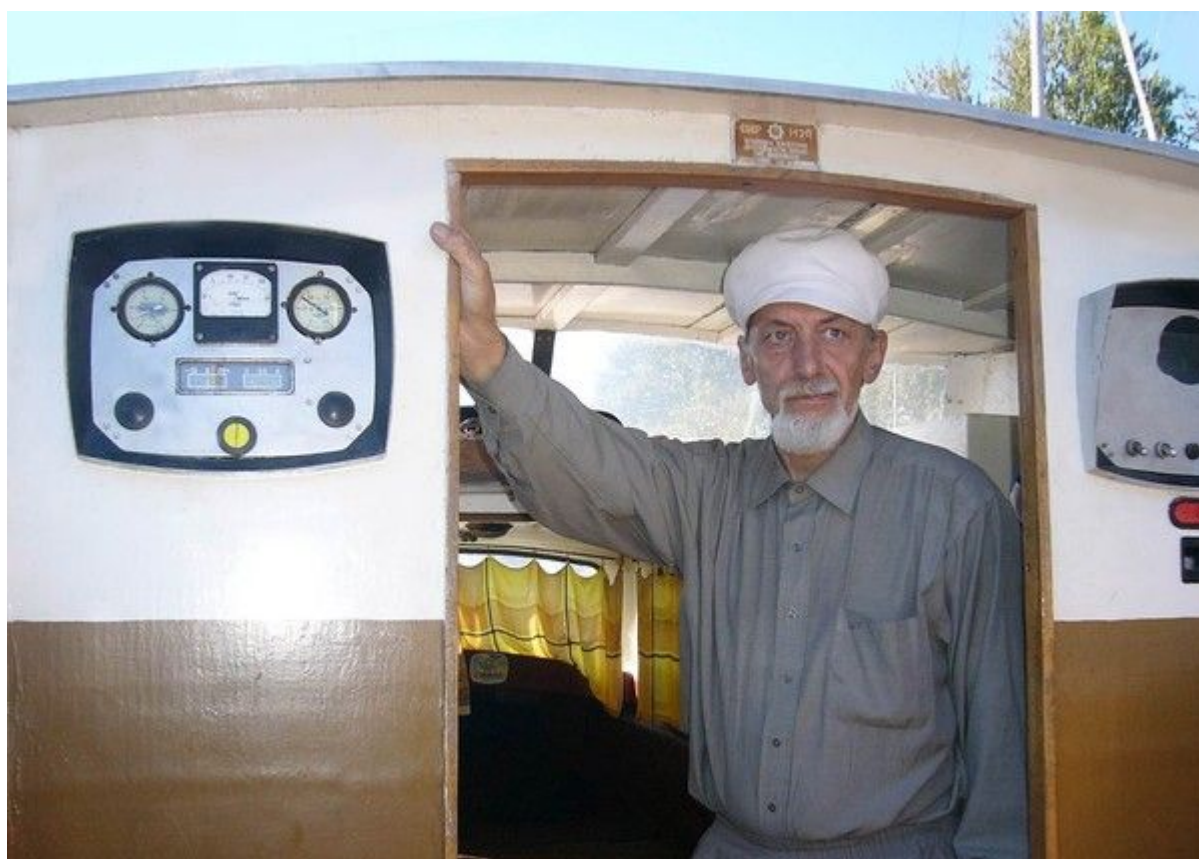
Династия мореходов Чекмаревых

Яхта

На седом Волхове

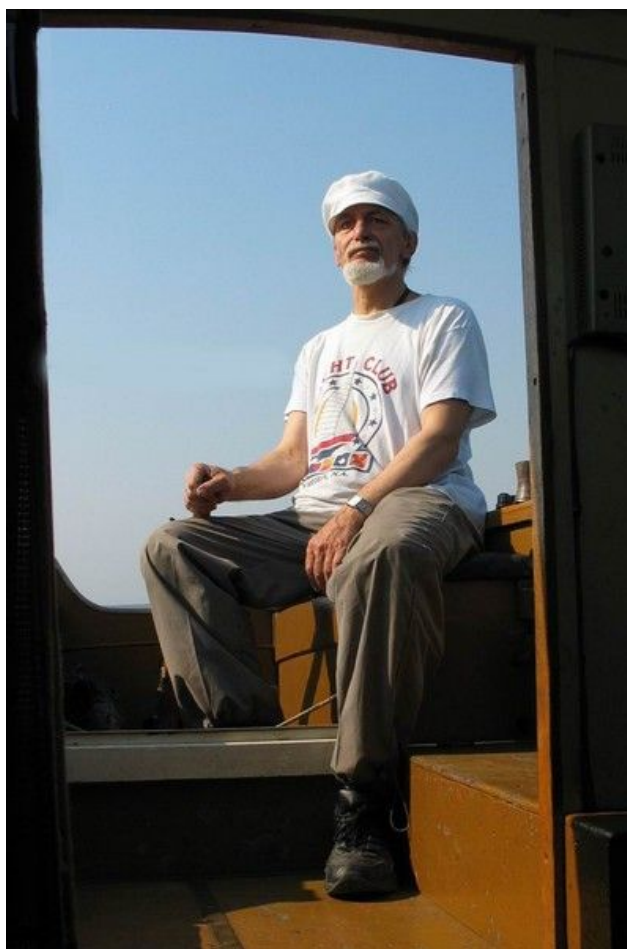
Мечтатель

Котик

Пора в море

Капитан на руле

В Карелии

Подарок для Гостя

Июль 2012 год

Подпишись.